

ЧТЕНИЯ

**ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ
Ф.Г.ТАРАКАНОВА**

Сыктывкар 2000

**Министерство по делам национальностей
Республики Коми**

Национальный музей Республики Коми

ЧТЕНИЯ

**ПОСВЯЩЕННЫЕ 100–ЛЕТИЮ
Ф.Г.ТАРАКАНОВА**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Сыктывкар 2000

Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г. Тараканова: Сборник докладов и сообщений. Сыктывкар, 2000. 124 с.

Сборник представляет доклады и сообщения чтений, посвященных 100-летию Федора Гавриловича Тараканова, видного политического и общественного деятеля Республики Коми и Коми-пермяцкого автономного округа (г. Сыктывкар, 6-7 марта 2000г.).

Основная тема чтений – национально-государственное строительство. история и современность. Большое внимание уделено вопросам экономического, социального и культурного развития РК и Коми-пермяцкого округа.

Составители

И.Н. Котылева (НМРК)

Э.В. Роттэ (НМРК),

В.А. Сова (НМРК).

**ФЕДОР ГАВРИЛОВИЧ ТАРАКАНОВ -
ПИСАТЕЛЬ И ПОЛИТИК**

*Пахорукова В.В.
Сыктывкарский университет*

С его именем (1900-1997 гг.) связаны первые шаги коми-пермяцкой литературы. Он был составителем и одним из авторов первого сборника произведений «Горадзуль» («Звонкий шар», 1923), в котором опубликованы его стихотворения и песни, подписанные псевдонимом Гаврив Пёдор. Одну из песен Тараканова студенты Сыктывкарского университета записали во время летней полевой практики в 1979 г.: «Муна, лэдзча югыт шор дорё» («Пойду, выйду к светлому ручью»). Сам же автор произведений, получивших признание в народе, без сомнений принявший сторону большевиков, добровольцем сражавшийся на Восточном фронте, участвовавший в разгроме Колчака, всем сердцем, неумной своей энергией вел работу по национальному самоопределению коми-пермяков. Позже об этом он напишет в книге «Борьба за округ», а о буднях ГУЛАГа Ф.Г.Тараканов поведаёт в документальной повести «Без вины над пропастью» (1992). Четырнадцать лет этот талантливый инициативный человек провёл в лагерях, тюрьмах ГУЛАГа, отбывал ссылку в Сибири, и после реабилитации (1955 г.) не переставал сражаться за правду и даже нашёл силы уже в преклонном возрасте написать о пережитом. Название повести непосредственно связано с общей концепцией произведений Ф.Тараканова и И.Мошегова (Мёсшега). Без вины арестован, отлучен на долгие годы Федор Тараканов от семьи, от любимой работы. На пересылках, в КПЗ заключенный ГУЛАГа отстаивает свое право на звание человека, не сдаётся «уркам», помогает людям, оказавшимся под следствием (в сыктывкарской тюрьме изо всех сил старался поддержать коммунистов, убеждал их, что они невиновны, что придет время и все вернутся в семьи).

В повести последовательно описаны события лагерной жизни, показаны люди в непривычных, неестественных условиях, находящиеся в постоянном тревожном ожидании допросов, пересылок...

Если И.Мошеговым избрана монологическая форма воспоминаний, в произведениях Ф.Тараканова - постоянный диалог, не только словесный обмен репликами сокамерников и повествователя, но и диалогические отношения человека по фамилии Тараканов с лагерным начальством, начальником тюрьмы, с той «этапной» и «тюремной» жизнью, в состязании с которой надо было сохранить человеческий облик. Воспоминания перемежаются с диалогами, ироническими замечаниями и горькими размышлениями: «Работая в облисполкоме, всегда был на глазах у всех, знали в Москве. Разве не мной разработан план добычи северного топлива? А сколько других добрых дел на моем счету?»

Опубликованные документальные повести характеризуют новые тенденции в современной прозе, связанные с углублением художественного исследования человека в его взаимоотношениях с историческими событиями, с государством. А «В восточном котле» И.Мошегов (опубликована на финском языке в 1924 г.) дает возможность для более всесторонней характеристики историко-литературного процесса довоенного времени и конца XX столетия. Появление в печати документальных повестей Ф.Тараканова, И.Мошегова, как и публикация произведений К.Жакова, стало возможным лишь в 90-е годы и связано оно с переосмыслением истории народов России (СССР), постепенным освобождением от социалистического догмата. Сложность в оценке названных произведений словно отражает неоднозначность, исключительность их жизненных биографий, в которых отразилось напряжение XX века, взлеты и падения человека в фашистском концлагере или в ГУЛАГе, в эмиграции или на своей земле, но под надзором, человека, надломленного на фронтах войн, забытого или запрещенного на Родине. Поэтому интерес к уникальным личностям коми философа, писателя и ученого К.Жакова, ученого и писателя И.Мошегова, поэта и политика Ф.Тараканова возрастает год от года, и уже дневники, письма, фотографии, иные свидетельства жизни этих талантливых сыновей коми народа приобретают не меньший читательский интерес, чем их произведения.

Обсуждая состояние современной прозы, участники круглого стола журнала «Вопросы литературы» (1995. Вып.4.) признали произведения А.Солженицына, В.Шаламова «колумбовыми открытиями», отметили, что «лагерная тема впервые пробилась у нас в творчестве Солженицына, это стало настоящей литературой.»

В коми литературе лагерная тема подспудно звучала в произведениях, в которых герои прошли испытания ГУЛАГом (Петров - «Огни тундры» В.Юхнина, Гнеушев - «Иван чай с белыми цветами», Тихомиров - «Чугра» Г.Юшкова, Лида - «Молодая черноглазая девушка» Н.Куратовой, Куланов - «Черная шаль с красными цветами» Б.Шахова).

Повесть Ф.Тараканова - тоже «колумбово открытие» для коми-пермяцкой литературы, так как она построена только на документах, написана о лично пережитом, о таких фактах действительности, благодаря которым открывается мир, существование которого трудно предположить.

Со страниц документальной повести Ф.Тараканова встает человек, не покоровшийся обстоятельствам, а заставляющий в определенный момент задуматься (сострадать) подследственным и заключенным сотрудникам НКВД, позже и тюремному начальству. Чтобы не подписывать протоколы «абсурдных обвинений», бывший председатель Коми облисполкома и Архангельского Облзу проявляет такую изобретательность, что приводит в смятение своих «мучителей». После двухлетнего следствия все-таки «было предъявлено сказочно дикое обвинение, - как пишет автор

повести "Без вины над пропастью", - я Верховный главнокомандующий всех контрреволюционных сил Европейского Севера в пользу одного из европейских государств; я организатор повстанческих банд из отрядов донских казаков и ссыльных попов, находящихся в Коми АССР".

Повествование пронизано горестными размышлениями человека, "с детских лет мечтавшего о счастье человечества", одного из зачинателей коми-пермяцкой литературы, которого оклеветал друг, тоже начинающий писатель Василий Дерябин. В тюрьме Федор Гаврилович узнает о смерти одного сына и рождении другого: "Умер Вова, родился Федя. Но зачем он-то еще родился. На муки? А отчего умер мой мальчик Вова? Чем вызвана внезапная смерть родителей Наты?" В пермских литературах, пожалуй, впервые описан быт КПЗ, сыктывкарской тюрьмы, лагерной жизни, где урки на деле оказываются человечнее блюстителей порядка. От страницы к странице меняется тональность повествования, иронией и в то же время болью пронизаны эпизоды встреч-бесед с начальником тюрьмы Стрельцовым, вызывает улыбку описание одежды заключенного "Верховного главнокомандующего всех контрреволюционных сил Европейского Севера" Федора Тараканова: "Все решили: уводят в карцер и со всех сторон стали бросать мне телогрейки, бушлаты... Я оделся и стал шпана шпаной... Начальник тюрьмы не смог удержаться от улыбки, глядя на мой наряд". Понятен гнев коммуниста, честно, свято служившего народу, при встрече с партийцем, накопившим барахлишко: "Не знаю, что со мной произошло, но только я сбросил его с верхних нар. У меня партия не сочеталась с барахлом".

Как и любое другое произведение, основанное на документах (в данном случае это документы не только о личной жизни одного из руководителей северного края, но и о политическом, административном, культурном устройстве Коми-Пермяцкого автономного округа, Коми автономной области), картина жизни в видении автора, конечно, не имеет многого, что хранила память этого удивительного человека, до последнего часа имевшего собственное мнение о перестройке, о современных проблемах. В повести же "Без вины над пропастью" герой Тараканова проходит более страшные круги ада, чем герой Мюсшега (повесть "В восточном чертовом котле", 1924). Пытаясь "восстановить партийную честь", в 1951 году "участник Коми буржуазно-националистической организации", как его теперь называют, снова стал арестантом, теперь уже в Красноярской тюрьме, где Тараканов встретился с коми писателем Николаем Павловичем Поповым - Жугылем, со многими бывшими членами партии, надоедая бдительным стражам пением революционных песен. "Особенно хорошо получалась песня кандалников с припевом: Динь-бом! Динь-бом! Слышен звон кандалный...", - с горечью пишет автор о буднях сибирской тюремной жизни.

Обостренный интерес к человеческой личности, перемалываемой в этой страшной лагерной мельнице, пронизывает все повествование. Среди героев повести "Без вины над пропастью" - сокамерники, урки,

писатели, коммунисты, бандиты, даже "папский нунций", которого следователи "заставили признаться" называться так.

Чтобы не лишиться ума в этом перевернутом лагерном мире, автор и его герои учатся с юмором воспринимать некоторые эпизоды своего существования: "Я снова оказался в той же камере смертников, снова мерз и боялся спать. Чтоб не поддаваться сну, пел. Коридорный кричал:

- Нельзя петь! Нельзя петь!

На мой вопрос: "А плакать можно?" он ответил: "Это надо выяснить!"

- Ну вот и выясняй, а я буду петь".

Мера юмора оказалась самой точной, несмотря на всю неожиданность. Эти слова, сказанные о жизни в фашистском лагере, характеризуют способность совместить факт и "невольный смех, возникающий за гранью страданий, от переполнения ими", в произведении коми-пермяцкого писателя.

Публикация документальных повестей деятелей просвещения, зачинателей литературы, в судьбах которых отразился противоречивый лик нашего столетия, свидетельствует о расширении горизонтов художественных поисков.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ
(конец 80-х - 90-е годы)**

Попов А.А.

Полномочный представитель президента РФ в РК

Нестерова Н.А.

Представительство президента РФ в РК

Большое значение для эффективной реализации государственной политики, в том числе национальной, является выбор ее концептуальных основ.

Национальная проблема - это особо актуальная и сложная сфера жизни многонационального российского общества. За время существования советского российского государства в XX веке, кроме короткого периода 20-х годов, когда собственно и было сформировано нынешнее федеративное и национально-государственное устройство России, государственная национальная политика не была объектом специального внимания государства, а была лишь инструментом для реализации политических, экономических и других государственных задач. И лишь в конце 80-х годов, с началом демократического переустройства общества, вскрывшего десятилетиями копившиеся проблемы в национальном вопросе, национальная политика стала самостоятельной и наиболее значимой составной частью государственной политики как на федеральном уровне, так и на уровне

субъектов федерации и особенно ее национально-административных образований. В связи с этим необходимо отметить, что концептуальные основы государственной национальной политики, в том числе и ее современного этапа, были заложены еще в документах Коммунистической партии Советского Союза, созданных в период "перестройки", основным из которых является Платформа КПСС "О национальной политике партии в современных условиях", принятая на Пленуме ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. В соответствии с Платформой КПСС на Пленуме Коми обкома КПСС 16 декабря 1989 г. была принята "Программа совершенствования национальных отношений в Коми АССР". На том этапе в силу руководящей и направляющей роли КПСС в обществе данные документы имели статус государственных. К подготовке данных программных документов были привлечены лучшие научные силы страны и республики, проекты программ получили широкое всенародное обсуждение. Как следствие, документы отличались действительно глубоким анализом и проработкой.

В основу Платформы КПСС "Национальная политика партии в современных условиях" легли основополагающие принципы и положения, которые исходили из того, что "гармонизация межнациональных отношений на новой основе одна из главных целей национальной политики партии".

В качестве приоритетных были определены следующие направления национальной политики:

- совершенствование советской федерации, наполнение ее реальным политическим и экономическим содержанием;
- расширение прав и возможностей всех видов национальной автономии;
- обеспечение равных прав каждому народу, удовлетворение специфических интересов каждой национальности;
- создание условий для свободного развития национальных языков и культур;
- укрепление гарантий, исключающих ущемление прав граждан по национальному признаку;
- обновление всей идейно-политической, научно-исследовательской и воспитательной работы в сфере национальных отношений;
- утверждение в межнациональном общении взаимного уважения исторических традиций и национальной специфики, учет экономических и духовных интересов каждого народа.¹

На наш взгляд, основополагающим концептуальным положением Платформы стало положение, касающееся вопроса совершенствования федеративного устройства страны и, в частности, реализации права народов на самоопределение. В методологическом отношении чрезвычайно важной являлась следующая трактовка данной правовой нормы, ставшей в XX веке международно-признанной и универсальной:

---

¹ См.: Правда. 1989. 24 сент.

"Бесплодны попытки утверждать, что якобы самоопределение народов СССР не состоялось, сводить его только к отделению, тем самым обедняя этот универсальный принцип решения национального вопроса. Весь советский и мировой опыт говорит о необходимости рассматривать самоопределение не только как единовременный акт, связанный с осуществлением права на отделение. Это - сложный, многоплановый процесс утверждения национального достоинства, укрепления политической, экономической самостоятельности, развития языка и культуры. ...Этот принцип находит свое оптимальное выражение в самоуправлении, которое обеспечивает сохранение национальной самобытности, право каждого народа пользоваться всеми благами суверенитета, самостоятельно решать вопросы своего развития. В то же время самоуправление предполагает добровольное объединение республик и национальных образований во имя решения общих для всех задач"¹.

В части вопроса о развитии национальных языков и культур в Платформе отмечалось, что основными принципами национально-языковой политики СССР являются "свободное развитие и равноправие всех языков, добровольный выбор языка обучения ... Целесообразность признания государственным языком национальности, давшей название союзной или автономной республике, - компетенция самих республик. Статус государственного языка не должен вести к языковой дискриминации, он означает расширение его общественных и культурных функций, решение необходимых для этого материально-технических, кадровых, педагогических или иных вопросов, поощрение и помощь в изучении местного языка представителями других национальностей"².

Заложены в Платформе и механизмы реализации прав народов. Так, например, в документе выражена озабоченность о возможной "утрате или сужении представительства в республиканских органах власти тех или иных народов". В связи с этим предлагалось "продумать создание специального механизма, способного компенсировать данные явления. Таким механизмом могло бы стать создание второй палаты в Верховных Советах союзных и автономных республик или же Советов представителей национальных групп, проживающих в республиках, при Верховных Советах этих республик с предоставлением им права законодательной инициативы". Также на основе Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС "О межнациональных отношениях" рекомендовано было обсудить вопрос создания специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений в составе правительства.³

Очевидно, что концепция национальной политики, изложенная в Платформе, не противоречила нормам международного права, которые

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же 1989.

получили наиболее полное выражение в таких международных документах, как Международные пакты "О гражданских и политических правах" и "Об экономических, социальных и культурных правах"¹, Конвенция Международной Организации Труда № 169 "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах"², Декларация ООН "О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам"³, проект Декларации ООН "О правах коренных народов"⁴ и др. В основе этих документов также лежит демократический принцип права народов на самоопределение, который, однако, на практике нередко входит в противоречие с другим основополагающим принципом международного права - принципом территориальной целостности государства. В качестве консенсуса для государств и коренных народов (этнических меньшинств) в Декларации о правах коренных народов предлагается формулировка ст. 31. В ней концептуально обозначен механизм реализации права на самоопределение через самоуправление и автономию в соотношении с внутренней юрисдикцией государства.⁵

Из вышеизложенного видно, насколько концептуально перекликается содержание международных правовых документов и документов, разработанных КПСС еще в 1989 г., что, в свою очередь, убедительно свидетельствует о действительно подлинной демократической основе последних.

Целый ряд позитивных концептуальных посылок сентябрьского 1989 г. Пленума ЦК КПСС был воспринят и воспроизведен в "Программе совершенствования национальных отношений в Коми АССР", принятой декабрьским 1989 г. Пленумом Коми ОК КПСС. В Программе изложены основные принципы осуществления национальной политики в Коми АССР, а именно:

- развитие республики в рамках совершенствования советской федерации;
- комплексный подход к преобразованиям в социально-экономической, политической и духовной сферах;
- равноправие, взаимное уважение, дружба и сотрудничество всех национальностей;
- регулирование национальных отношений на строго правовой основе;

¹ Права человека: Сб. междунар. договоров. Т.1, ч.1. Универсальные договоры. Нью-Йорк. Женева: ООН, 1994. С.9.23.

² Документ ООН E/CN. 4/ Sub.2/AC4/1994/2.

³ Права человека: Сб. междунар. договоров. Т.1, ч.1. Универсальные договоры. Нью-Йорк и Женева: ООН, 1994.

⁴ Документ ООН E/CN. 4/ Sub.2/AC4/1994/2/ Fdd.1.

⁵ См.: Попов А.А., Нестерова Н.А. О съездах финно-угорских народов (На примере Республики Коми) // Финно-угорский фактор в современном мире. Материалы научно-практической конференции 25 марта 1997 года. М., 1997.

- научный подход, постоянное обновление и совершенствование принципов осуществления национальной политики.¹

В Программе изложены меры по политико-правовому регулированию национальных отношений, социально-экономическому развитию республики и вопросам экологии, развитию коми языка и культуры, подготовке национальных кадров, формированию культуры межнационального общения, научно-теоретической разработке национальных проблем и др.²

В современных российских условиях после некоторого временного разрыва после принятия Конституции Российской Федерации (декабрь 1993 г.) основные концептуальные подходы государственной национальной политики, наработанные в 1989 г., были востребованы жизнью и нашли свое отражение в положениях Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в июне 1996 г. Однако на это потребовалось несколько лет.

В Конституции 1993 г. данная проблема в нормативном виде отражена в статье 69, в которой в самой общей формулировке продекларирован только один тезис: "Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации", оставляя при этом за пределами правового пространства остальные коренные этнические меньшинства, в том числе и в так называемых "титულных республиках".³

В наиболее расширенном виде эта проблема получила отражение в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, принятой 15 июня 1996 г., "несущими конструкциями" которой стали положения о том, что развитие демократического многонационального федеративного Российского государства возможно на основе диалога и баланса интересов государства, субъектов федерации и отдельных этносов.⁴ Однако до сих пор не проработаны механизмы реализации данных положений.

В этих условиях с опережением шла работа в регионах (субъектах) Российской Федерации. Так, например, можно с уверенностью сделать вывод, что в Республике Коми на сегодняшний день достаточно полно реализованы, проведены в жизнь и обеспечены механизмы реализации тех концептуальных основ государственной национальной политики, о которых шла речь выше - лучшие наработки, изложенные в документах конца 80-х годов советского государства и международного права. Примечательно, что данная работа осуществлялась не только и не столько "сверху", сколько во взаимодействии с непосредственным

---

¹ См.: Красное знамя. 1990. 6 февр.

² Там же.

³ См.: Попов А.А., Нестерова Н.А. Указ. соч.

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. С.6226.

субъектом данного процесса - национальным движением, которое в Республике Коми приобрело форму общественного института - Съезда коренного (коми) народа. Достаточно отметить, что в Республике Коми принят целый ряд как программных, так и директивных документов в сфере национальных отношений. К ним относятся Концепция государственной национальной политики Республики Коми, ряд законодательных актов, а также решения Съезда коми народа.

Очевидно, что многие идеи, заложенные в документах Съезда коми народа, были в какой-то мере заимствованы из документов КПСС или созданы на их основе. Например, идея двухпалатного парламента (которая, однако, так и не была реализована), создания государственного исполнительного органа по вопросам национальных отношений, придание статуса государственного языка коренного народа и др.

В результате деятельности Съезда коми народа и его исполнительного органа - Комитета возрождения коми народа (с 1997 г. - Исполкома Съезда коми народа) - в мае 1992 г. Верховным Советом республики был принят закон "О статусе съезда коми народа", в соответствии с которым Съезду и его исполнительному органу дано право законодательной инициативы в парламенте республики. В 1993 г. на уровне исполнительной власти республики по инициативе съезда создано министерство по делам национальностей. В 1994 г. в новой Конституции Республики Коми в ст.76 была конституционно подтверждена норма о том, что право законодательной инициативы наряду с депутатами, комитетами, председателем парламента, местными органами власти и Главой Республики Коми принадлежит Съезду коми народа и его исполнительному органу. Таков прецедент юридической ситуации, который можно квалифицировать как один из видов конструктивных договоренностей между государством и коренным народом.¹

С учетом наработанного опыта в сфере регулирования национальных отношений в 1996 г. принята Концепция государственной национальной политики Республики Коми, в соответствии с которой в основу государственной национальной политики республики заложены принципы признания прав личности на удовлетворение интересов и запросов, связанных с национальной принадлежностью; равенство прав в культурном самоопределении всех национальностей независимо от их численности².

Для реализации в Республике Коми всех вышеназванных концептуальных основ создан эффективный механизм, основанный на соответствующих законодательных и нормативных актах, таких, как

---

¹ См.: Попов А.А., Нестерова Н.А. Указ. соч.

² Национально-культурные центры, национальные общественные организации и объединения Республики Коми // Министерство по делам национальностей Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

Законы Республики Коми "О государственных языках Республики Коми" (1992 г.), "Об образовании" (1993 г.), "О культуре" (1994 г.), "О национально-культурной автономии" (1996 г.) и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Республике Коми создана эффективная модель концептуально обоснованной государственной национальной политики, успешно реализуемая через механизм, базирующийся на соответствующих нормативно-правовых актах. Данная модель позволяет эффективно учитывать специфические этнические интересы как коренного (коми) народа, так и других этнических групп, проживающих в республике. Данная модель соответствует международно-правовым нормам, а также лучшим концептуальным наработкам в области государственной национальной политики конца 80-х годов, изложенным в соответствующих документах: Платформе КПСС "О национальной политике партии в современных условиях" (сентябрь 1989 г.) и "Программе совершенствования национальных отношений" Коми ОК КПСС (декабрь 1989 г.).

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФЕДЕРАЛИЗМА

Рожкин Е.Н.

Министерство по делам национальностей РК

Для России федерализм - не только форма государственного устройства, это еще и принцип обустройства различных народов. Один из существеннейших признаков российского государства - его многонациональность. Так сложилось исторически. Под крышей России сохранились многие этнические образования. Они образовали нации, создали свою государственность или самоопределились в иной форме.

Следует отметить, что в становлении всех федераций этнический фактор играл свою роль, а иногда его значение резко возрастало. В ряде случаев это приводило к структурным преобразованиям, связанным либо с созданием новых составных частей (бывшая Югославия), либо с расширением самостоятельности отдельных регионов и изменением взаимоотношений с центром (например, провинция Квебек в Канаде, Каталония в Испании, Чечня в России).

Российская Федерация представляет собой особый вид федерации. Классическая федерация - это союз нескольких государств с целью создания нового единого государства, при котором вошедшие в федерацию государства сохраняют часть своих прав как субъекты. В России федерацию составляют как государства (республики - национально-государственные образования), так и субъекты, имеющие другой статус, среди которых, в свою очередь, одни имеют в своей основе этнический принцип (национальные округа), другие - чисто административные единицы. Это то, что мы называем «асимметричной»

федерацией. Можно сколько угодно рассуждать, хорошо это или плохо, но это так.

Особенность Российской Федерации состоит также в том, войдя в разное время и по разным причинам в состав России, ряд народов "созрел" до самостоятельного управления. Выйдя из Российской империи в 1917 году и провозгласив свою независимость, большинство из них вскоре образовало Союз ССР. Некоторые - впервые образовали самостоятельное государство (например, Финляндия, Эстония).

Новая Российская Федерация, возникшая в 1992 году, хотя и является преемником СССР, представляет собой уже другое образование. Идея Федеративного договора фактически была отвергнута центральными властями. Конституция была принята по пути унитарных государств, когда мнение субъектов федерации, образующих государство, не учитывалось и даже не выяснялось. Получилось так, что центр объёмно определил свои полномочия, постарался перечислить всё, что можно, как совместные полномочия, а про полномочия субъектов упомянул в пяти строках 73-й статьи Конституции: мол, по другим вопросам распоряжайтесь сами.

Такое положение не устраняет окончательно проблему сепаратизма. Причины распада империй сложны и многообразны, однако в большинстве случаев чётко прослеживается тенденция к образованию национальных государств. Самостоятельное государство наиболее пригодно для развития этнической общности, консолидирующейся в нацию. Неравенство, прежде всего экономическое, льёт воду на мельницу сепаратизма, разрушая единство страны.

Закономерным представляется то, что национально-государственные образования Российской Федерации выступают активной силой в развитии федеративных отношений в сторону децентрализации, в сторону чёткого определения своих полномочий. Такое движение зачастую принимает форму торга по поводу распределения средств и раздела сфер полномочий. В качестве альтернативы процессу "торга" российский центр фактически избрал тактику двусторонних переговоров с регионами. Республика Коми стала 12-м субъектом, подписавшим Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Республики и России. Совместное ведение с точки зрения политических основ не подлежит разделению, но требует разработки чёткого механизма реализации. С экономической же возможно изменение объема полномочий либо в сторону центральной, либо региональной власти относительно конкретных действий и на определенный срок. В рамках Договора республика выполняет свои обязательства, в то время как федеральные структуры не только не обращаются к соглашениям, а зачастую просто их игнорируют.

Сегодня федерализм в России проходит сложный, противоречивый этап поиска форм и методов, адекватных особенностям новой российской государственности и интересов ее многочисленных народов. Несмотря на то, что федерализм как принцип государственного устройства закреплён

в Конституции, сама федеративная система в России находится в стадии становления. К сожалению, политика российского государства, особенно в кредитно-финансовой сфере, не ориентирована на формирование такой модели федерации, которая отвечала бы реалиям современности и историческому опыту и укрепляла баланс интересов центра и регионов.

Прежде всего экономический федерализм проявляется в сфере бюджетного регулирования. Географически и экономически обоснованное распределение трансфертов могло бы оказать более существенное влияние на жизнь населения, чем эпизодическое "выбивание" льгот и субвенций. При доле Республики Коми в Российской Федерации по численности населения 1,15%, она, несмотря на "северность", не получает трансфертов. Перераспределение средств федерального бюджета не всегда учитывает различия в уровнях расходов и природно-экономические условия. Не учитываются и особенности "национальных" субъектов, выражающиеся в необходимости проводить у себя особую национальную политику, в необходимости сохранения и развития уникальных культур своих субъектообразующих народов. Необходимо продолжить формировать методiku бюджетного регулирования в контексте национальной и региональной политики.

Отсутствие движения в решении вопросов развития федеративных отношений центром с каждым годом все более затрудняет экономическое положение национальных регионов, что особенно болезненно сказывается на северных субъектах и оставляет все меньше возможностей для развития достигнутых результатов.

Если в условиях острейшего кризиса мы не найдём цивилизованного решения вышеперечисленных вопросов. Российскую Федерацию ждут такие же потрясения, что и бывший СССР накануне его распада. Нужен нормальный диалог по всему спектру прав субъектов федерации и центра, а не "кивания друг на друга" и "навешивание ярлыков", чем очень интенсивно занимаются в России почти все. В результате мы получаем проблемы в Приморье, странные заявления в Калмыкии, политический кризис в Карачаево-Черкессии и т.д. Кроме как к развалу, все эти игры ни к чему не приведут.

Таким образом, решая вопросы государственного устройства, а также обустройства народов, необходимо понимать, что в России не может быть демократической государственности вне принципа федерализма.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

*Шабает Ю.П.
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН*

Сфера этнической психологии привлекает все более пристальное внимание специалистов. Это вполне закономерно, поскольку современное индустриальное общество, переживающее новый этап модернизации, все более утрачивает региональную и этническую специфичность и этническая психология наряду с языком становится важнейшим отличительным признаком этноса.

Этническое самосознание по своей природе - групповое и потому тесно связано с социальной и территориальной организацией этноса, т.е. может существенно различаться у городского и сельского населения, у разных территориальных групп этноса, в различных социальных слоях. Вместе с тем этими же особенностями обусловлена методика сбора информации, касающейся самосознания и, в частности, самосознания коми. На наш взгляд, здесь наиболее эффективными являются методы этносоциологии, на которые мы и опирались в наших исследованиях.

Этническое самосознание проявляется прежде всего на личностном уровне, но это лишь форма его проявления, ибо сущность национальной психологии состоит в известном противопоставлении "Мы-Они". Предваряя анализ конкретных данных, имеет смысл остановиться на часто повторяющихся в прессе и в научных публикациях утверждениях, в которых говорится о росте "национального самосознания" народов России. Логика рассуждений на эту тему заставляет думать, что если происходит значительный рост этого самосознания, значит, прежде оно либо отсутствовало, либо находилось на довольно низком уровне. В свое время отечественные обществоведы также рассуждали о неуклонном росте "социальной активности советских людей", однако к чему он привел - неясно... С точки зрения научной корректности, сейчас следует говорить не о росте, а об актуализации этнического самосознания, которое неизбежно присутствует в достаточно развитом виде у любого народа. По мнению американских социопсихологов, в ряду элементов этнической идентификации решающим в период развития индивида является чувство неизменности и устойчивости этнических характеристик. Причем это чувство (которое именуется этнической константностью) утверждается в поведении и сознании человека не ранее 12-13 лет. Поскольку для осознания этнических различий необходимы сложные элементы этнической идентификации и межпоколенной передачи информации, постольку формирование этнической константности завершает процесс поэтапного осознания основных психологических характеристик¹. Конкретные же проявления этнического самосознания могут быть достаточно сложны, что вполне очевидно просматривается на примере народов коми.

Коми и коми-пермяков нередко отождествляют, считая их одним народом. Для этого есть основания. У них единый этноним, самоназвание - коми, хотя русские называли коми "зырянами", а коми-пермяков - "пермяками". Языковеды считают коми и коми-пермяцкий языки двумя основными наречиями единого языка коми². Но вместе с тем надо иметь в виду, что уже в XIV-XV вв. коми и коми-пермяки сформировались в два разных этнотерриториальных объединения: Пермь Вычегодскую и Пермь Великую, что их исторические судьбы значительно различаются (в частности, коми всегда были государственными крестьянами, а коми-пермяки в массе своей - крепостными), что традиционное хозяйство у каждого из этих народов имеет свою специфику и что, наконец, этническое самосознание у них заметно различается.

Безусловно, проблема этнического родства между коми и коми-пермяками требует еще дополнительного изучения. Данный вопрос не решается, конечно, посредством простой апелляции к "общественному мнению", но все же отметим, что в массовом сознании не наблюдается проявлений чувства "глобальной" коми идентичности. Попытка использовать в качестве индикатора опрос экспертов тоже была весьма показательной. Опрос 1993 г. в Кудымкаре, когда в качестве экспертов мы использовали наиболее "продвинутой" часть коми-пермяцкой интеллигенции (научные работники, управленцы, деятели культуры), показал, что и эта часть народа не может определиться с ответом на вопрос, являются ли коми и коми-пермяки единым этносом. Мнения разделились: меньшая часть экспертов считает, что это единый этнос, другие отрицают это. Очевидно, что если бы общая идентичность наличествовала в форме каких-то устоявшихся представлений, то характер ответов экспертов был бы более однозначен. Учитывая же особенности развития коми и коми-пермяков в XX столетии, трудно предположить, что в это время могло сформироваться единое общенациональное сознание коми. Дело в том, что еще в начале этого столетия у разных групп коми сохранялось локальное самосознание и, кроме того, многие группы были разделены административными границами. Создание в 1921 г. Коми Автономной области и объединение основной части коми в ее границы способствовали национальной консолидации коми-зырян и выработке у них единого самосознания. Данные опросов населения, проведенных в республике в 80-е гг., подтвердили, что прежнее локальное самосознание у коми уже не актуально и оно уступило место общему этническому сознанию. Правда, это не коснулось локальных групп коми, проживающих далеко за пределами республики. Одна из наиболее стабильных таких групп - обские коми, проживающие на Нижней Оби. Это группа сохраняет четкое локальное самосознание, и ее представители обычно заявляют: "Мы не коми, мы - зыряне, а коми живут там за Уралом".

Примерно аналогичная ситуация и у коми-пермяков. Случилось так, что при создании округа в 1925 г. две этнографические группы, а именно зывинские и зюдинские коми-пермяки, оказались за пределами его

административных границ. Зюздинцы проживают в Афанасьевском районе Кировской области, а язьвинцы - на севере Пермской, в Красновишерском районе. Оказавшись за пределами Коми-Пермяцкого округа, эти группы развивались изолированно и активно ассимилировались. В результате зюздинцы практически исчезли как группа, ибо переписью 1989 г. в Афанасьевском районе зарегистрировано только 318 коми-пермяков. А язьвинцы в последний раз регистрировались в переписных документах как коми-пермяки только во время переписи 1926 г. Тем не менее, эта группа сохранилась, хотя ее численность сократилась примерно до 2 тыс. человек. При этом язьвинцы сохраняют специфическое местное самосознание: "Мы не русские и не коми-пермяки, считаем себя пермяками", - говорят они³.

На территории округа процессы этнической консолидации также привели к возникновению общенационального сознания, хотя некоторые "отзвуки" локального самосознания сохраняются и ныне, что связано со слабым уровнем интегрированности севера и юга округа, а также с тем, что север и юг как бы разделены анклавом русского старожильческого населения - юрлинцами.

Можно предположить, что объединение коми-зырян и коми-пермяков в рамках одного национально-государственного образования при условии создания единого хозяйственного комплекса, надежной общей инфраструктуры и общенациональных культурных институтов привело бы к формированию и единого самосознания коми, складыванию единой нации. Хотя современные дискуссии в Мордовии, связанные с попытками теоретического обоснования существования двух мордовских этносов (эрзя и мокша) и отрицанием значения интеграционных процессов последних десятилетий, позволяют усомниться в неизбежности такого процесса. К тому же еще в конце XIX века Г.Лыткин настаивал, что народы коми нельзя считать единым этносом. В 1975 г. к такому же выводу пришел и Л.Н. Жеребцов⁴.

Основой этнического самосознания являются чувство этнической идентичности, этническая солидарность. Как показывают результаты ряда массовых опросов населения, этническая солидарность у народов коми ослабевает, причем особенно ощутим этот процесс среди городского населения, где весьма заметна доля респондентов, отрицающих наличие каких-то устойчивых связей между представителями собственного народа. Однако большинство все же считает, что существует целый ряд элементов идентификации, которые способствуют формированию чувства этнической общности у коми. Наибольший вес среди элементов идентификации сохраняет национальный язык, как признак, который более всего сближает (этноинтегрирующий фактор) и отличает респондентов от других народов (этнодифференцирующий фактор). Более высокий уровень развития профессиональной художественной культуры и большая степень ее воздействия на массовое сознание определили то, что для коми гораздо более значимым элементом идентификации является

гордость за прошлое своего народа. Развитая профессиональная культура, наличие национальных средств массовой информации и широкого слоя национальной интеллигенции позволяет формировать более целостный и привлекательный образ народа и его истории и поднимает их престиж в массовом сознании этноса. У коми-пермяков уровень образования сельского населения, к примеру, на 2,5-3 года обучения ниже, чем в Пермской области в целом⁵, доля лиц с высшим образованием намного ниже, чем у коми, наиболее образованная и динамичная, или, как ее определил Л.Гумилев, "пассионарная", часть населения уже покинула округ (с 1959 по 1989 гг. численность населения в округе сократилась с 236 тыс. до 160 тыс. человек, а доля коми-пермяков, проживающих за его пределами, возросла за этот же период с 12% до 38%).

Обобщенный психологический портрет народа коми, согласно данным массового опроса коми 1987-1988 гг., выглядит весьма позитивно: в представлениях сельских коми их соплеменники - это хозяйственные, трудолюбивые, жизнерадостные, уважающие чужие вкусы, упорные и честные люди; в представлениях городских коми - хозяйственные, упрямые, трудолюбивые, уважающие чужие обычаи и вкусы, упорные, жизнерадостные люди.

Вместе с тем надо отметить, что разрушение позитивного образа собственного этноса наблюдается и у коми, особенно у городской молодежи. Ученики городских школ часто стесняются назвать свою национальную принадлежность, как отмечают педагоги, и, кроме того, психологическими тестами "в выборках русских испытуемых обнаружена этническая предубежденность к представителям коренного этноса, выявлен феномен внутригруппового фаворитизма, а у коми молодежи отмечен низкий уровень самоуважения и самопринятия"⁶.

Дополнительным свидетельством эрозии этнического самосознания является тот факт, что во время опроса учащейся молодежи (март 1997 г., (проект "Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование") ¼ часть учеников городских школ, у которых оба родителя являются коми по национальности, заявили, что считают себя русскими.

Логично предположить, что при сходном типе хозяйства и природно-географических условиях, при языковой, территориальной и культурной близости у коми и коми-пермяков должны были сформироваться сходные черты национальной психологии. Однако этнический идентитет коми-пермяков на деле оказывается весьма специфичным и существенно отличается от этнического самосознания коми. Видимо, существенную роль здесь сыграло то обстоятельство, что долгое время эти народы развивались изолированно друг от друга и их исторические судьбы складывались по-разному. На эти различия указывали многие исследователи культуры и быта обоих народов и, что особенно важно, на них обратил внимание и один из крупнейших коми ученых начала XX столетия К. Жаков.

Интенсивные межэтнические контакты у коми и коми-пермяков, активные процессы деэтнизации, характерные для обоих этносов, изменения в этнокультурных ориентациях привели к тому, что в настоящее время чрезвычайно усложнился характер этнической идентификации у представителей обоих этносов. Коми сегодня свойственен множественный характер этнической идентификации. И именно здесь наиболее очевидно проявляется разница между коми и коми-пермяками. Сошлемся на данные опроса 1992 г. (Коми-Пермяцкий округ) и опроса весны 1996 г., проведенного в рамках программы "Социально-психологический мониторинг в Республике Коми".

Однозначная этническая идентификация, т.е. восприятие себя только представителем собственного народа, свойственна для 61,7% коми и для 37,9% коми-пермяков. Для остальных характерна либо двойная идентичность (различные ее варианты), когда человек признает себя представителем сразу двух этносов, либо полная смена этнического самосознания и, как следствие, несоответствие "паспортной" национальности реальному самоощущению личности. Последнее явление в гораздо большей мере характерно для коми-пермяков. Здесь необходимо отметить, что так называемая двойная идентичность - явление очень характерное для России и для бывшего СССР. В Республике Коми, по данным указанного опроса 1996 г., 53,5% украинцев обладают двойной идентичностью, среди представителей других национальностей таковых 50,4% (в связи с чем логично усомниться в реальности статистических данных о численности народов России).

Различия в характере этнической идентификации между городским и сельским населением заметны. Но разрыв в самоощущениях между этими социальными группами не очень ощутим в Коми и весьма значителен в Коми-Пермяцком автономном округе: так, среди коми горожан однозначно идентифицируют себя с собственным этносом 57,7% респондентов, среди сельских жителей - 65,7%, а среди коми-пермяков аналогичные показатели соотносятся как 22,6% и 45,5%. Такая разница не случайна и является результатом длительных и очень активных процессов этнической эрозии среди коми-пермяков, что находит отражение и в сфере этнической психологии.

Этническая ситуация на территории Коми-Пермяцкого автономного округа гораздо более благоприятна, нежели в РК: если в Коми доля представителей титульной национальности, по данным последней всеобщей переписи населения 1989 года, составила 23,3% всего населения республики, то в округе - 60%, если в республике доля коми среди горожан равна 15%, то в округе коми-пермяки составляют треть городских жителей. При этом половина коми является горожанами в республике и только четверть коми-пермяков на территории округа - городские жители.

Почему же тогда столь ощутима разница в характере этнической идентификации между коми и коми-пермяками не в пользу последних?

Помимо собственно исторических и культурных причин, о которых мы уже упоминали, надо особо отметить последствия процессов, которые повлияли на развитие обоих этносов в XX столетии.

Процессы индустриализации и урбанизации, которые активно протекали в Коми республике с 30-х годов нынешнего столетия, в конечном итоге кардинально изменили социальную структуру коми этноса, который к тому же из сельского превратился в городской. Сложился широкий слой национальной интеллигенции и бюрократии, которые формировали и укрепляли профессиональный слой художественной культуры народа, вырабатывали национальные идеалы и символы, органически воспринимали идеи модернизации. Если следовать идеям Эрнеста Геллнера, то только в индустриальном обществе возможно национальное пробуждение, а в сельских общностях, где национальная культура воспроизводится повседневной средой для этого нет почвы: "Нации, этнические группы, - отмечал он, - не были националистическими, когда государства складывались в сравнительно стабильных аграрных системах." Коми-пермяки же - это по-прежнему сельский этнос с недостаточно развитой социальной структурой. При этом в округе и сама сельская среда не подвергалась таким существенным изменениям, как в Коми: в республике в нетрадиционных сельских населенных пунктах, т.е. в лесных поселках, проживает 40% сельского населения, в округе - только 20%.

Таким образом, этнос, не прошедший этап модернизации, оказывается в менее выигрышном положении, чем тот, которого она коснулась. И даже самая благоприятная этническая ситуация не способствует укреплению его воспроизводственного потенциала. Процессы этнической эрозии среди коми-пермяков продолжают углубляться, что связано в большей мере не с прямыми воздействиями на него, а с опосредованными. Конкуренция культур, которая всегда имеет место, в условиях наличия глобального информационного рынка, в условиях, когда этническое самосознание этноса не актуализировано, приводит к естественному ослаблению культурного потенциала этноса и усилению процессов аккультурации. У коми же, несмотря на имеющие место процессы аккультурации и ассимиляции (что неизбежно), большая часть этноса сохраняет устойчивое этническое самосознание.

Разница в характере этнической идентификации между коми и коми-пермяками очень показательно согласуется с различиями в гражданской идентификации. Во время опросов 1996 г. в Коми и 1998 г. в Коми-Пермяцком округе удалось выявить, что большинство коми респондентов считает себя либо в равной мере гражданами своей республики и гражданами России, либо они заявляют, что ощущают себя преимущественно или исключительно гражданами Коми, т.е. среди них очевидно доминирует республиканская гражданская идентичность. Большинство же опрошенных нами коми-пермяков ориентированы на общероссийское гражданство. В связи с этим кажутся вполне логичными те публикации в окружной газете "Парма", в которых многие коми-

пермяки вообще отрицают значимость и необходимость национальной автономии. Иными словами, неактуализированное этническое самосознание приводит и к совершенно определенному характеру гражданской идентификации.

***

1. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 1. С.53.
2. Коми-пермяцкий язык / Под ред. В.И.Лыткина. Кудымкар, 1967.С.5.
3. Чагин Г.Н. Язывинские коми-пермяки. Пермь, 1993. С.7.
4. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889; Жеребцов Л.Н. Этнографические исследования на европейском северо-востоке СССР. Сыктывкар, 1975.
5. Еропкина Н.Д., Макарова Г.Г. Демографический потенциал и социально-экономическое развитие Коми-Пермяцкого автономного округа // Проблемы развития производительных сил и охраны природы Коми-Пермяцкого автономного округа. Кудымкар, 1987.С.15.
6. Бызова В.М. Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: Автореф. дисс. ... док. психол. наук. СПб., 1996. С.34.
7. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С.252.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ (1990-Е ГГ.)

*Пешкова В.М
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН*

Язык является одним из главных компонентов этнической культуры, выполняет роль хранителя и ретранслятора духовных ценностей, которые выражают менталитет и характер народа, национальные чувства. Кроме того, каждый язык выполняет множество важных социальных и психологических функций. Объем этих функций зависит от целого ряда факторов, в том числе от уровня экономического, политического и культурного развития его носителей, наличия государственности, численности народа, говорящего на данном языке, однородности или гетерогенности национального состава региона, национальной политики государства.

В центре внимания данной работы находятся некоторые аспекты этноязыковой ситуации, сложившейся в Республике Коми в 1990-е годы. Предлагается рассмотреть речевое поведение (языковую компетентность, употребление языков русскими и коми), а также их отношение к различным вопросам, которые связаны с изменениями в языковом законодательстве в начале 1990-х гг. Исследуются этноязыковые ориентации русских и коми, поскольку, согласно данным

микрореперис населения 1994 года, основными по численности национальностями являются русские (58,1%) и коми (26,3%).

Этноязыковая ситуация анализируется по данным нескольких массовых опросов главным образом городского населения Республики Коми. Первый из них осуществлялся по российско-американскому исследовательскому проекту "Предвыборная ситуация в России" в 1993 г. Весной и осенью 1996 г. проводился опрос в рамках реализации республиканской программы "Социально-психологический мониторинг". По российскому исследовательскому проекту "Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование" в марте 1997 г. была опрошена молодежь г. Сыктывкара. Также были использованы материалы социологического исследования "Межнациональные отношения в Республике Коми", проводившегося в ноябре 1998 г.

Язык выступает носителем широкого набора символов этнического единства. В последнее время особенно усилилась значимость языка как компонента этнической идентификации (Арутюнян и др. С. 167). Как показывают многочисленные социологические исследования, язык занимает ведущее место в субъективной оценке консолидирующих и дифференцирующих этнических признаков (Галлямов. С. 85.). Это характерно и для этнических представлений русских и коми. Полученные в результате социологических исследований данные подтверждают устойчивость этноинтегрирующей роли языка в этнических представлениях русских. Согласно опросу 1998 г., общность языка является первым по значимости признаком, который объединяет русских со своей национальностью (среди этнических признаков для 55,1% русских очень важна общность языка, для 54,7% - историческая Родина (Россия), для 49,5% - национальная культура, традиции и обычаи; для 42,1% - общность происхождения и историческое прошлое и для 28,3% - общность религии).

По мнению коми, общность языка является одним из наименее значимых признаков этнической самоидентификации. Согласно представлениям коми этнические признаки, которые объединяют их с людьми своей национальности, располагаются в следующем порядке (по степени важности): историческая Родина - Коми республика (65,1%); национальная культура, традиции и обычаи (53,9%); общность происхождения и историческое прошлое (49,5%); общность языка (40,5%) и общность религии (23,0%).

Важный показатель, зафиксированный в программах Всесоюзных переписей населения, с помощью которого можно охарактеризовать этноязыковое самоопределение людей, - категория "родной язык". По данным статистического учета населения Республики Коми 99,8% (1989 г.) и 99,9% (1994 г.) русских считают родным язык своей национальности. Для коми населения величина этого показателя равна 74,3% (1989 г.) и 73,6% (1994 г.) (для всего населения республики - соответственно годам - 84,2% и 83,5%).

Результаты массовых опросов практически совпадают с данными, полученными при переписи населения: 99,5% опрошенных русских (при этом как люди старшего поколения, так и молодые люди) в качестве своего родного языка называют русский. Около 70% коми в качестве родного называют коми язык.

При сравнении данных переписей населения с материалами опросов, можно заметить несоответствие между указанным родным языком и реальной степенью его употребления и владения среди коми. Согласно результатам опроса 1998 г. полная степень владения языком характерна для 44,3% коми, практически не владеют языком 11,8% коми. Среди молодого поколения владение родным языком неуклонно снижается: 27,5% в возрасте 18-29 лет практически не говорят на родном языке и 14,7% коми свободно читают, говорят и пишут на коми языке. По данным опроса 1997 г. совсем не говорят на своем родном языке 9,5% коми, в то время как среди коми молодежи (17-18 лет) этот показатель равен 37,5%.

В качестве своего родного языка указали коми или другой язык 0,5% русских, проживающих в Коми. В качестве показателя языковой компетентности русских используем ответы на вопрос о степени владения ими языком титульной национальности. Группу ответов тех, кто может думать и свободно говорить на другом языке, обозначим через показатель "совокупного свободного владения". Уровень "совокупного свободного владения" русскими коми языком не превышает 5% ответов.

Следует особо заметить, что среди всех русских (по паспорту) юношей и девушек примерно у 40% опрошенных один из родителей другой национальности, как правило коми (опрос 1997 г.). Несмотря на это, уровень русско-коми языковой компетентности очень низкий, поскольку среди молодежи русской национальности доля лиц, которые могут думать и свободно говорить на коми языке, составляет только 1,7%. Данный факт не будет удивительным в свете того, что в общении с бабушками и родителями на коми языке предпочитает разговаривать только 1,0% респондентов русской национальности.

Хотя распространение билингвизма стало характерной чертой этноязыковых изменений в нашей стране, население русской национальности оно затронуло меньше всего. Среди русского населения республики самый низкий уровень владения вторым языком. Например, согласно результатам опроса населения 1993 г., 85,2% русских совсем не владеют языком титульной национальности (данные опроса 1997 г. - 87,4%, 1998 г. - 78,5%).

Об уровне языковой компетентности населения республики также можно судить по тому, насколько распространено двуязычие в семейно-родственном, дружеском общении и в производственной сфере. Согласно данным опроса 1998 г., общение с друзьями и членами семьи у 96% русских происходит на русском языке. Двуязычие характерно для 2,0% русских.

В социологическом исследовании 1998 г. обнаруживается, что коми при семейном и дружеском общении чаще всего предпочитают использовать русский язык либо русский и коми язык одновременно. Только на коми языке с членами семьи общаются 3,4% представителей титульной национальности, с друзьями - 1,4%. Тенденция сокращения употребления родного языка коми (что обусловлено высоким уровнем развития общественных функций русского языка) более отчетливо прослеживается в производственной сфере. Согласно опросу 1998 г. у 22% коми общение с коллегами на работе происходит на русском и коми языках, остальные общаются на работе только на русском.

Между возрастом и употреблением коми и русского языков в различных сферах общения существует прямо пропорциональная зависимость. Другими словами, билингвизм более развит в старших возрастных группах. Например, 9,2% коми в возрасте до 30 лет общаются на работе на русском и родном языках, а в возрасте старше 50 лет уже 40% людей. В целом, использование обоих языков при общении с коллегами характерно для пятой части коми, при общении с друзьями - для 41,5% и при общении с членами семьи - для 43,7% коми.

Один из основных факторов, который препятствует распространению русско-национального двуязычия - нежелание подавляющего большинства русских овладеть языком титульной национальности. Согласно материалам молодежного социологического опроса 1997 года только 0,7% опрошенных русских юношей и девушек записались на курсы по изучению коми языка. Примерно каждый пятый выразил желание повысить уровень владения коми языком, хотя и считает, что для реализации данного желания нет подходящих условий или свободного времени.

"Парад суверенитетов" на рубеже 1990-х гг. сопровождался актуализацией национального самосознания преимущественно титульных этносов союзных республик и республик Российской Федерации. В этот период язык приобрел острое социальное и политическое значение, а повышение статуса языка ассоциировалось с повышением статуса народа (Арутюнян и др. С. 154.). Результатом борьбы за сохранение и развитие национальных языков было принятие законов о двух государственных языках, повышающих престиж языков титульных национальностей, и использование национального языка в качестве государственного как необходимой предпосылки для создания национальной государственности одного титульного этноса (Губогло. С. 286).

Согласно «Декларации о суверенитете Коми ССР», принятой 29 августа 1991 г., в Коми было установлено два равноправно функционирующих государственных языка - русский и коми (ст. 15). (Штрихи..., С. 127.) 28 мая 1992 г. был принят Закон "О государственных языках Республики Коми", по которому коми язык был объявлен объектом особой заботы государства. Все эти законодательные меры сопровождалось острыми дискуссиями на государственном уровне и особенно в СМИ. В какой степени обсуждение языковых проблем

затрагивало широкие массы населения республики и какие мнения преобладали в массовом сознании русских и коми?

Русские и коми воспринимают по-разному положение о государственных языках. В рамках массовых социологических опросов 1993 и 1996 гг. проблеме государственного языка в республике было посвящено несколько вопросов. В частности, на один из них "Согласны ли Вы с тем, что язык нации, именем которой названа республика, должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка этой республики?" ответ "совокупного согласия" ("безусловно согласен" + "скорее согласен") получен от 6,1% опрошенных русских, 25,7% коми и 11,5% всех респондентов. Одновременно различную степень несогласия с этим утверждением выразили 83,3% русских и 60,0% коми. Среди всего населения республики этот показатель равен 77,1%. Такие данные получены в 1993 году, поэтому очевидно, что принятие языка титульной национальности в качестве единственного государственного языка республики не получило бы поддержки не только среди населения нетитульной национальности, но и среди титульного населения.

В ходе опросов также выяснялось отношение респондентов к утверждению, что все лица, проживающие в республике, должны свободно владеть языком нации, именем которой названа республика. Более чем две трети русских респондентов в 1993 году (1996 г. - 80,5%) и половина коми (1996 г. - 67,8%) полагали не обязательным для всех проживающих в Коми владеть коми языком.

В Законе "О государственных языках Республики Коми" закреплено право свободного выбора языка воспитания и обучения (ст. 19). (Штрихи..., С. 131.) Однако реализация этого права затрагивает не самые широкие слои населения, поскольку у немалой части родителей существует стойкое предубеждение против обучения на коми языке. Введение коми языка в качестве обязательного предмета в школах вызвало сопротивление большинства родителей обеих национальностей. Согласно данным опроса 1993 г. с этим положением безусловно были согласны 15,7% респондентов русской и 42,9% коми национальности (в 1996 году соответственно 15,4% и 34,9%). Однако в 1996 году по данному вопросу русские высказываются менее категорично, поскольку ответ "безусловно не согласен" выбрали в два раза меньше опрошенных, чем в 1993 году.

Следует отметить, что по данным молодежного опроса, определенная часть русских сориентирована на необходимость знания коми языка: каждый четвертый из опрошенных русских считает желательным, чтобы их будущие дети обучались в школе на коми и русском языках, а также согласны с тем, чтобы коми язык преподавался во всех школах в качестве обязательного предмета. В отношении необходимости преподавания русского языка во всех школах мнение однозначно. Среди всего населения республики с этим преимущественно были согласны в

1993 году 85,6% и в 1996 году 90,1%. Среди русского населения эти показатели соответственно равны 85,0% и 89,9%.

Предубеждение против обучения на коми языке основано на учете функционального распределения коми и русского языков в различных сферах общественной жизни. На русском языке ведется практически все делопроизводство, осуществляется народное образование и государственное управление в республике. Конечно, вытеснение коми языка из языковой практики в этих сферах происходило постепенно. К середине 80-х гг. доля школьников, обучающихся в школах с национальной программой, сократилась до 11,4%, в которых коми язык изучали 74,1% учащихся (Котов и др. С. 68). Одновременно происходило увеличение числа и влияние русскоязычных средств массовой информации. В середине 90-х годов в Республике Коми выпускалось более трех десятков (республиканских, городских и районных) газет и журналов, из которых на коми языке издавались две республиканские и три районные газеты (из которых одна коми-русская), а также три журнала. (Республика Коми... С. 161).

В массовом сознании и поведении русского этноса, доминировавшего в СССР в социальном, политическом, языковом и культурном планах, не были распространены мотивации к этнической адаптации в условиях инонациональной среды. Данные социологических исследований подтверждают, что чем шире распространённость русского языка в среде коми и других национальностей, тем ниже у русских потребность овладевать другими языками для общения с их носителями и тем меньше у коми необходимость использовать родной язык при общении в семейной, родственной и производственной сферах. В настоящее время практическая языковая потребность оказывается более важным фактором, чем нововведения в сфере языкового законодательства, а ведущей линией этноязыковых процессов - функционирование такого типа двуязычия, когда нерусское население приобретает к русскому языку.

***

1. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999.
2. Галлямов Р.Р. Многонациональный город. Этносоциологические очерки. Уфа, 1996.
3. Губогло М.Н. Переломные годы. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. Т.1.
4. Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 161-162.
5. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаяев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
6. Штрихи этнополитического развития Коми республики: Очерки. Документы. Материалы. М., 1994. Т.1.

ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КОМИ КРАЕ

*И.Л.Жеребцов, Таскаев М.В
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*

Проблема государственного строительства в период революции и гражданской войны является весьма сложной и многоплановой. События этого переломного в истории страны и нашего региона времени всегда привлекали внимание исследователей, хотя не все оценки, дававшиеся явлениям и личностям того времени, были объективны. В последние годы в трудах д.и.н. В.И.Чупрова, к.и.н. О.Ю.Кузивановой, С.В.Вайровской и др., а также авторов настоящего доклада, введен в научный оборот огромный новый материал, что позволило предпринять попытку осмысления хода государственного строительства в Коми крае в указанный период в целом.

Необходимость дальнейшего реформирования системы местного управления, создания подлинно представительных демократических органов власти, выражающих интересы населения края, вскоре после Февральской революции была осознана большинством коми политических и общественных деятелей. Уроженец Усть-Щугора член Петроградского Совета А.М.Мартюшев обратился к "гражданам зырянам" с призывом: "Идет организация страны до созыва Учредительного собрания, которое должно дать нам землю и волю, установить порядок управления страной... Призываю вас, граждане зыряне, к участию в строительстве новой России. Организуйтесь! Создавайте местные организации для устройства своей жизни на новых началах свободы, равенства и братства".

Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. (176 человек) одними из первых поставили и обсуждали проблему возможности образования коми автономии (в том числе, видимо, выдвигалась и идея "полной автономии", т.е. фактического обособления, отделения от России). По словам участника этого собрания А.М.Мартюшева, они "работали над этим вопросом и, обсудив всесторонне, отвергли целесообразность сепаратных идей среди зырян, зависящих от русской культуры" (под "культурой" имелись в виду и здравоохранение, и просвещение, и промышленные технологии России). В принятой на собрании резолюции говорилось: "Отвергая пользу в проведении сепаратных идей среди зырян и отстаивания краевой автономии, признать желательным возможно быстрое восприятие общей российской культуры. Широкое использование природных богатств края возможно лишь с помощью русской промышленности и техники".

Отвергнув вариант развития Коми края с отделением от России, участники собрания вместе с тем указали на назревшую потребность реформирования системы управления краем: "Местная власть в Зырянском крае ныне находится в руках пришлых и ничего общего с

интересами местного населения не имеющих чиновников, назначенных еще старым правительством”, которые препятствуют “проведению демократических идей в деревенскую массу. Для умонстроений передовой части коми населения того времени характерны слова коми писателя В.Т.Чисталева, в апреле 1917 г. писавшего: “Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зыряндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...”

Окончательно уступить власть политикам “февральской волны” старые чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Усть-Сысольском и Яренском уездах они состоялись в сентябре, в Печорском уезде - в октябре 1917 г. В конце октября 1917 г. начали работу первые сессии Земских собраний нового состава Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов. Земские собрания и их исполнительные органы – управы – стали главными органами власти; уездные временные комитеты перестали существовать, существовавшие Советы признавали руководящую роль земств.

Вопрос об автономии коми ни местными Советами, ни земствами не ставился. Подразумевалось, что окончательное решение о форме государственного устройства России и ее регионов, в том числе и Коми края, откладывается до созыва Учредительного собрания. Но среди части коми идея Зырянской автономии постепенно приобретала популярность. Так, группа коми солдат 11-го Псковского полка (А.И.Михайлов, В.И.Чуистов, Ф.И.Булышев и другие), обсудив осенью 1917 г. целесообразность образования коми автономии, обратилась к “гражданам зырянам” с призывом: “Пришло и нам время поработать. Ведь и мы имеем право на самоуправление. Ведь и в нас еще горит чувство национального самолюбия. Неужели мы не пошевелим пальцем для восстановления своих национальных прав? Неужели предоставим свободно исчезнуть свою бывшую когда-то вольную нацию? ...Возьмемся же дружно за работу, за восстановление своих национальных прав, за право на самоопределение, за автономную зырянскую республику. Да здравствует автономная зырянская республика!”

Времени для нормальной созидательной работы у земств не оказалось. 27 октября 1917 г. в Усть-Сысольске получили известие о захвате большевиками власти в Петрограде. Все местные органы власти встретили это известие резко отрицательно.

Атмосфера в крае постепенно накалялась. Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политическом строе, организацией новых выборных органов местного самоуправления, сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей. Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края обращали

свои взоры не к большевикам, эсерам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть.

Об этом точно сказал в январе 1918 г. Д.Я.Попов: "Тревога за хлеб, за жизнь заставляет желать какой-либо власти. Такая власть необходима для объединения народа и успокоения, чтобы никто не препятствовал никому трудиться для себя и на пользу государству. Власть желательно создать сильную, верховную, единую... Бывшая до сих пор власть потеряла авторитет, а без нее может наступить анархия... Неавторитетная власть вызовет всеобщее недоверие и вражду". Выступление Д.Я.Попова перекликается со словами П.А.Сорокина, сказанными им в сентябре 1917 г. перед открытием Демократического совещания в Петрограде (на том совещании присутствовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д., обсуждавшие вопрос о положении в стране, о власти). П.А.Сорокин говорил тогда: "Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на все глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падает благодаря экономике и новый строй..."

Никто из "старых" и "новых" претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами. Для того чтобы "ввести местную жизнь в колею", 17 (30) января 1918 г. в Усть-Сысольске собрался учредительный съезд (своего рода местный аналог Демократического совещания).

Председательствовал на съезде А.М.Мартюшев. Открыл работу съезда Д.Я.Попов, призвавший делегатов "создать сильную верховную власть для края, выражающую волю народа, власть беспартийную..." В соответствии с политическими реалиями этот новый орган власти получил название Усть-Сысольский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На съезде был избран временный уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, его исполком. Председателем Совета и исполкома стал А.М.Мартюшев. Его заместителем ("товарищем") избрали Д.Я.Попова. Все ранее существовавшие Советы объявили о своем самороспуске. Так в Усть-Сысольском уезде была установлена Советская власть. В Яренском и Печорском уездах власть перешла к Советам весной 1918 г. Это была третья реформа органов местного управления. Это был компромисс, вынужденное соглашение всех политических сил - от большевистских до либерально-демократических. Никто в Коми крае в тот момент не мог удерживать власть в своих руках в одиночку. В руках уездных Советов находилась тогда реальная, а не декларируемая власть.

Необходимо особо сказать о том, что на учредительном съезде в Усть-Сысольске впервые в практической плоскости в качестве одной из задач

новой власти был поставлен вопрос о Коми автономии. В конце работы съезда Д.Я.Попов выступил с очень важной речью. "Сегодня мы... создали верховную власть, после чего я могу свободно сказать вам о чрезвычайной важности автономии для нашего края, по примеру других автономных единиц. Богатство нашего Севера и открывающиеся после войны перспективы позволяют нам создать свою автономную единицу. Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш раньше служил лишь окраиной Великороссии, когда он имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадной территорией, национальными богатствами и даже выходом в море. Мы должны послать делегата на имеющий быть в недалеком будущем съезд представителей Северо-Восточных губерний для выработки общего положения об образовании из губерний: Уфимской, Пермской, Вятской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской особой автономной окраинной единицы. Мы должны послать нашего делегата, чтобы заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах". Д.Я.Попов закончил речь под аплодисменты: "Да здравствует свободный зырянский народ и его Совет!" О важности автономии говорили также Г.Г.Кассандров и Н.И.Митюшев; последний предложил созвать специальное учредительное собрание "от всего населения" для обсуждения и принятия окончательного решения по этому вопросу.

На заседаниях Совета в январе 1918 г. Д.Я.Попов развил свою мысль о статусе организованной власти и об автономии для коми. По его мнению, уездная (а в будущем подразумевалась, вероятно, и краевая) власть должна создаваться с участием всех групп населения, на "беспартийной" (правильнее, вероятно, — многопартийной, коалиционной) основе, но признавать решения II Всероссийского съезда Советов. Новой власти в Коми крае, считал Д.Я.Попов, "надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления". Она действовала бы исключительно в интересах местных жителей: "Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны — то согласимся, если не правильны, не согласимся. Наша организация беспартийная, значит, она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчинение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности". "Мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе". Выступления Д.Я.Попова содержали в себе целую программу по созданию автономной Коми республики в составе России — первую программу национально-государственного строительства в крае.

Вероятно, под влиянием идей Д.Я.Попова в Помоздино в первой половине (по некоторым данным, в феврале) 1918 г. возникла организация "Коми автономист чукор" (группа коми автономистов). Непосредственным инициатором ее создания был А.А.Маегов. Предполагалось, что "Коми автономист чукор" будет политической партией, которая боролась бы за образование "национальной автономной Зырянской республики". Эта организация не получила известности в крае до июня 1918 г., когда в одном из первых номеров газеты "Зырянская жизнь" появилось воззвание "автономистов". В воззвании, подписанном Н.А.Шаховым, в частности, говорилось: "Товарищи зыряне!.. Устраивайте сами свою судьбу, своё счастье. Русские уже "устраивали" нашу судьбу в течение нескольких столетий, - скажите, товарищи, по совести, какую нам пользу принесли?.. Не пора ли нам задуматься об этом?"

Дискуссия об автономии и полноте полномочий местных органов власти была продолжена на первом съезде Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда, открывшемся 23 марта 1918 г. На нем был избран уже не временный, а постоянный исполком Совета, который вновь возглавил А.М.Мартюшев. Земские органы управления ликвидировались. На съезде обсуждались и вопросы, связанные с автономией коми, причем мнения высказывались самые разные. Д.Я.Попов на заседаниях Совета говорил о необходимости "самостоятельности" Коми края, которую он понимал в форме создания Коми автономии в составе России. Позиция А.М.Мартюшева была весьма взвешенной и реалистичной. "Я не принадлежу к автономистам... - говорил он. - Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч."

Летом 1918 г. после большевистских переворотов проекты государственного строительства на время перестали разрабатываться советскими деятелями. К ним вернулись уже в 1920 г. Но небольшие силы выдвинули и отчасти реализовали свои проекты.

Летом 1919 г. на территории Удорского края существовало автономное местное самоуправление под названием "Верховное временное правительство". В архивных фондах КРГАОПДФ сохранились любопытные документы продовольственного комиссара из с.Усть-Вашка А.Попова, в которых упоминается о существовании на Удоре летом 1919 г. некоего Верховного временного правительства, стоящего между красными и белыми. Одним из главных действующих лиц в этом "правительстве" был подпрапорщик Л.П.Марков, уроженец д. Чернутаево.

Летом 1919 г. белые фактически оставили Удору, только в Важгорте находился небольшой гарнизон и изредка появлялись небольшие белогвардейские отряды из 10-15 человек. Вся власть на Удоре в течение июля-сентября 1919 г. принадлежала Верховному временному правительству, организованному Л.П.Марковым в Кослане. В этом селе

стоял отряд Л.П.Маркова в 40 человек. Из других лиц удорского правительтва известны еще Н.Мартюшев и А.В.Павликов, бывший жандарм из Ертома. Удорское "правительство" ориентировалось все же на белых. Те обеспечивали Удору хлебом, завезли его во все волости, в том числе Ертомскую, считавшуюся на Удоре пробольшевицкой. По словам большевика С.А.Захарова, летом 1919 г. Ертом был "нейтральной зоной", но "белые доставили в Ертом хлеб для бедноты, ... острый голод был изжит". В сентябре 1918 г. шпион красных доносил в Яренск, что "от Кослана до Усть-Вашки никаких сил и частей противника нет, за исключением местного кулачества и несознательного элемента". В октябре 1919 г. полковник П.А.Троянов разместил на Удоре ряд гарнизонов. Удорское "правительство" было распушено.

Белогвардейскому командованию 10 Северного Печорского стрелкового полка в лице командующего верхнепечорской группировкой войск белых капитана Валентина Шульгина и председателя батальонного реввоенкома (незадолго до капитуляции в войсках белых были созданы солдатские ревкомы) Пыжина принадлежала идея создания в верховьях Печоры и Вычегды "нейтральной зоны" (т.е. территории, свободной как от красных, так и белых войск) или т.н. Печорской республики. Это единственный случай в истории гражданской войны, когда белые попытались заняться государственным строительством на территории Коми края.

На протяжении всей гражданской войны белые контролировали Печорский уезд. Здесь были развернуты значительные армейские соединения Северного фронта белых численностью свыше 3 тыс. чел. под командованием полковника В.Ахаткина. Население в большинстве своем поддерживало белых и гражданскую земскую администрацию. На случай поражения в Архангельске даже существовал план эвакуации Северного правительства белых и части войск на Печору для продолжения борьбы с большевиками (об этом пишет, например, бывший военный прокурор Северной области С.Ц.Добровольский). В самом конце войны на Севере генерал-лейтенант П.П.Петренко получил полномочия командующего всеми вооруженными силами Мезенского и Печорского районов и возможность автономных действий в этом регионе.

28 февраля 1920 г. на переговорах с представителями советских войск под Троицко-Печорском делегация белогвардейского командования заявила о возможности создания "Печорской республики". Белые предложили завершить гражданскую войну в Коми крае на следующих условиях: "1. Прекращение активных действий с обеих сторон. 2. Не вводить советские войска в Троицко-Печорский район и в пределы реки Печора... 4. Должны быть даны полные гарантии со стороны советских войск о недопустимости какого бы то ни было террора, как-то убийств, грабежа, насилия, произвола, мародерства, спекуляции, так как таковые нами считаются подсудными преступлениями. 5. Должны быть гарантии всеобщего избирательного права пользующихся авторитетом и доверием от населения лиц..."

Предусматривалось создание в верховьях Печоры и Вычегды особой территории, свободной прежде всего от советских войск, где будет создано местное самоуправление на основе всеобщего избирательного права.

1 марта 1920 г. командарм 6 Красной Армии А.А.Самойло отклонил предложения белогвардейского командования о создании "нейтральной зоны" в Коми крае. 3 марта боевые действия возобновились, красные наступали на Троицко-Печорск, который был взят ими 6 марта. Судьба авторов проекта Печорской республики неизвестна.

**КОНСТИТУЦИЯ КОМИ АССР 1937 Г.
- ВАЖНЫЙ ЭТАП В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ**

*Напалков А.Д., Сметанин А.Ф.
ИЯЛИ УрО РАН*

В исторической литературе существуют полярно противоположные оценки политическим и национальным процессам в советском государстве, происходившим в конце 30-х годов двадцатого столетия. Известно, что этот период характеризовался исключительно активным государственным строительством, осуществляемым на базе доминирующих в то время идеологических воззрений о путях развития общества. Исходя из этого существенным преобразованиям была подвергнута национальная сфера. На основе Конституции СССР 1936 г. ряд национально-государственных образований получил статус автономной республики, что с формальной точки зрения явилось крупным шагом в развитии федеративного государства. В их числе была и Коми автономная область, получившая статус автономной советской социалистической республики. В советской историографии этот акт был представлен как выдающееся событие в исторических судьбах коми народа. В современный период (90-е годы) были даны другие оценки этому событию, основанные на утверждении о формальном характере изменения статуса автономии и, в условиях сложившейся административно-командной системы, ничего принципиально не прибавившего к ее суверенным правам. Однако, как показали новейшие исследования, особенно в связи с созданием многотомной истории Республики Коми, ни та, ни другая точки зрения не основаны на фундаментальной разработке проблемы. Как это ни парадоксально, даже в советской историографии, несмотря на крайне высокую оценку национальной политики государства, преобразование Коми автономии в автономную республику, а также создание нового типа властных структур не подвергались анализу. Самая общая характеристика процесса была дана лишь в обобщающих трудах по истории Республики Коми. Выводы, содержащиеся в работах последних лет, также носят

предварительный характер, сделаны без всестороннего изучения материала и не могут быть признаны адекватными. Между тем, проблема имеет исключительно важное значение. Она касается выявления природы государства, которое существовало в советской стране на протяжении почти всего двадцатого столетия и дискуссии о котором составляют едва ли не стержень современного противостояния в российском обществе.

5 декабря 1936 г. чрезвычайный восьмой Всесоюзный Съезд Советов принял новую Конституцию СССР. Говоря о ее значении, председатель конституционной комиссии И.В.Сталин отметил историческое значение документа, в котором сказано, "почти в протокольном стиле" говорилось "о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии". В связи с тезисом о демократии, предполагающей и свободу деятельности различных общественно-политических партий и движений, следует подчеркнуть, что Сталин начисто отметал подобную возможность. "В СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия, партия коммунистов...". Заложенный в Конституции СССР подобного рода принцип демократии не мог не сказаться и на советском строительстве, особенно в вопросах формирования Советов, наделения их властными полномочиями.

Как реагировала Коми автономная область на принятие Конституции СССР? Развернулась широкая пропагандистская кампания по обсуждению и разъяснению доклада Сталина. В информации заведующего отделом партпропаганды, агитации и печати обкома партии отмечалось, что повсеместно было организовано радиослушание "исторического доклада т.Сталина о проекте Конституции СССР". Правда, как замечает руководитель отдела, "в ряде мест слышимость была плохая, но все же основной смысл доклада т.Сталина, особенно его последняя часть, во всех местах был уловлен". Из информации же следует, что в результате обсуждения доклада и Конституции "увеличились в лесу ряды тысячников, приняты конкретные обязательства по улучшению животноводства..." и т.д. Несмотря на определенную абсурдность некоторых заявлений (об "уловлении" смысла при отсутствии слышимости радио, либо моментальном увеличении "тысячников"), население республики проявило подлинный интерес к новому Основному Закону страны.

Подвел итоги обсуждения проекта Конституции СССР одиннадцатый Чрезвычайный съезд Советов Коми автономной области, состоявшийся в ноябре 1936 г. За всю историю съездов он был самым представительным. Делегатами было избрано 299 человек, из которых 257 участвовали в работе съезда. Кроме того, члены областного и краевого исполкомов, присутствовавшие на съезде, но не избранные на низовых форумах,

признавались делегатами с совещательным голосом. Их было 23. Таким образом, всего в составе съезда работало 280 человек. Из них 206 впервые избирались делегатами. Из числа участников 46% являлись коммунистами, 42% - беспартийными. Более 80% делегатов являлись людьми в возрасте от 18 до 40 лет.

Форма и содержание съезда определялись политической обстановкой в стране. К середине 30-х годов основная часть крестьянства была объединена в колхозы, которые достигли определенных позитивных результатов в развитии хозяйства. В сравнении с предшествующими годами несомненные успехи имелись в индустриальном развитии СССР, что позволило руководству государства заявить о полной победе социализма. Все достижения связывались с именем И.В.Сталина. Ни одно более или менее важное политическое мероприятие не обходилось без избрания почетного президиума в составе политбюро ЦК во главе со Сталиным. Заметим, что эта традиция соблюдалась до середины 80-х годов.

Разумеется, без почетного президиума не остался и одиннадцатый съезд Коми автономной области. Предложение об избрании "творца новой - радостной и счастливой жизни, отца и вождя трудящихся всего мира Сталина", других членов политбюро, "рулевого Коминтерна Димитрова" делегаты встретили овацией.

Докладчик, председатель облисполкома А.П.Липин, все выступающие много говорили об успехах, высоко оценили проект новой Конституции СССР. Делегаты особо подчеркивали значение положения Основного Закона о преобразовании автономной области в автономную республику, как реальное воплощение в жизнь национальной политики советского государства. В целом же содержание съезда было мало похоже на обсуждение проекта Конституции СССР. Отсутствовали предложения о внесении поправок, дополнений, не говоря уже о каких-то критических замечаниях. Все выступления носили характер отчетов о выполнении планов, развертывании соревнования и т.п. Съезд под аплодисменты избрал трех делегатов на Всесоюзный съезд Советов СССР, который должен был принять Конституцию страны. Ими стали А.А.Семичев - секретарь обкома ВКП(б), А.П.Липин - председатель облисполкома и А.И.Коновалов - стахановец лесозаготовок, колхозник колхоза "Клим Ворошилов" Усть-Вымского района. В завершение форума председатель Коми облисполкома А.П.Липин предупредил делегатов, что съезд не закрывается, а лишь делается перерыв в работе. Этим же составом съезд должен был собраться вновь и принять Конституцию Коми АССР.

Еще в августе 1936 г. постановлением Президиума Коми облисполкома была создана комиссия по подготовке проекта Конституции Коми АССР, которую возглавил секретарь обкома партии А.А.Семичев. Вполне понятно, что без принятия Основных Законов СССР, РСФСР республика не могла вести работу по разработке своей Конституции. С их появлением комиссия приступила к активной деятельности. Ее задача значительно облегчалась. Иными словами,

подготовка Основного Закона республики не представляла каких-либо трудностей, т.к. его основой являлась Конституция СССР. "Наша Конституция,- отметил председатель комиссии А.А.Семичев - как бы является дочерью Конституции СССР".

В мае 1937 г. проект был подготовлен и опубликован в печати для широкого обсуждения. С этой целью партийными и советскими органами были организованы районные собрания партийно-советского актива, собрания коммунистов, рабочих, колхозников, митинги и другие агитационно-пропагандистские мероприятия. Обсуждение шло до 19 июня 1937 г. А 20 июня возобновил свою работу одиннадцатый Чрезвычайный съезд Советов автономной области. Председатель облисполкома А.П.Липин, открывший форум, предложил съезд автономной области "переименовать в Чрезвычайный съезд Советов Коми АССР", т.к. согласно принятой Конституции СССР автономная область преобразована в АССР. Предложение было встречено бурными аплодисментами.

Итак, после восьмимесячного перерыва открылся второй этап одиннадцатого Чрезвычайного съезда, делегатам которого выпала историческая миссия - принять первую Конституцию Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Перерыв в его работе оказался непродолжительным. Однако политическая ситуация в стране существенно изменилась. 1937 год стал пиком жестоких репрессий, проводившихся сталинским режимом. Они коснулись всех регионов страны, не миновав и Коми республику. Яркий пример тому - второй этап одиннадцатого Чрезвычайного съезда Советов. Многие из его делегатов оказались репрессированы.

Сразу же после начала работы съезда было предложено отвести из состава президиума съезда "врагов народа" Мануиленко (зам. председателя Севкрайисполкома), Булышева (секретарь Коми ОК ВКП(б), Гуляева-Зайцева (секретарь Печорского окружка ВКП(б), а также председателя Ижемского райисполкома Дерябина и председателя окрисполкома Нахлупкина, на которых имелись "дискредитирующие материалы". Кроме них к "врагам народа" были отнесены Михайлов (директор лесозавода), Плоскова (председатель Усть-Куломского сельсовета). Все они лишались права быть делегатами съезда. Та же участь "за связь с троцкизмом" постигла заведующего Сыктывкарским горфинотделом Бызова, председателя Троицко-Печорского райисполкома Игнатова и директора Визинской МТС Юшкова, а за буржуазный национализм - председателя Сысольского райисполкома Торлопова, директора Усть-Вымской МТС Костромина и председателя колхоза Усть-Куломского района Чаланова. Таким образом, за период с ноября 1936 по июнь 1937 г. 13 делегатов стали "врагами народа". Все они были сняты с работы, исключены из партии и осуждены.

Главной задачей открывшегося после перерыва съезда являлось обсуждение внесенных поправок и дополнений и принятие Основного Закона Коми АССР. Однако мало кто из ораторов (выступили 50 человек)

вносил какие-либо предложения к проекту. В основном говорилось о значении Конституции, ее одобрении и необходимости принятия. В каждом выступлении присутствовала тема бдительности, разоблачения и борьбы с врагами народа, шпионами, троцкистами. Например, делегат съезда, начальник Шошецкого лесопункта Трошев завершил свое выступление такими словами: "Наша задача - мобилизовать коми народ выкорчевать остатки шпионов, диверсантов, вредителей - заклятых врагов трудящихся".

Некоторые делегаты в своих выступлениях приводили примеры "вылазок врагов" при обсуждении на местах проекта Конституции республики. Так, секретарь Усть-Вымского райкома партии Лапин расценил выступление работника райпо Туркина на одном из собраний как "вылазку врага" только лишь за то, что он не согласился с идеей налогообложения за использование колхозной земли. Даже требование об уравнивании в правах колхозниц при предоставлении отпусков по случаю рождения ребенка с рабочими и служащими, высказанное колхозницей Кызьюровой, секретарь райкома также отнес к "вылазкам врага".

Вероятно, можно понять выступающих. Репрессивная политика, проводимая сталинским режимом, достигла в 1937 г. наивысшей точки. Не клеймить позором "врагов народа", "буржуазных националистов" вполне могло быть расценено как несогласие с линией партии на строительство социализма в СССР. К тому же своеобразную установку на борьбу со всякого рода вредителями дал докладчик о проекте Конституции, председатель республиканской конституционной комиссии, первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А.А.Семичев. Высоко оценив проект Основного Закона, он, в частности, заметил: "Что записано в статьях проекта Конституции - есть результат борьбы с врагами народа. Националисты Коюшев, Батиев, Булышев* и другие пытались навязать коми буржуазную республику, разницы между теорией Батиева и Булышева нет никакой. Они идеологи и вдохновители контрреволюции, они хотели реставрации капитализма".

Подводя итоги всенародного обсуждения, докладчик указал на большую активность трудящихся, которые внесли немало предложений, поправок и дополнений к проекту Конституции Коми АССР. Но, по его словам, они носили непринципиальный характер, "обсуждать их здесь нецелесообразно, а надо передать редакционной комиссии". На утреннем заседании (22 июня) съезд принял за основу проект Конституции и одновременно создал редакционную комиссию во главе с первым секретарем обкома партии А.А.Семичевым и поручил ей в однодневный

---

* И.Г.Коюшев - в 1929-1930, 1933-1935 гг. председатель Коми облисполкома. Д.А.Батиев - в 1921г. - руководитель Коми представительства в Наркомназе РСФСР. Ф.И.Булышев - в 1931-1937 гг. - второй секретарь Коми обкома ВКП(б).

срок подготовить окончательный текст, "учтя при этом результаты обсуждения".

На вечернем заседании (23 июня) А.А.Семичев доложил делегатам съезда об итогах работы, остановился на тех предложениях, поправках и дополнениях, которые прозвучали как на съезде, так и на собраниях трудящихся. В частности, комиссия не поддержала предложения о необходимости разукрупнения некоторых районов, ибо этим в будущем должен заняться Верховный Совет республики. Были обсуждены предложения о переименовании столицы Сыктывкар на Сталинкар, либо Комикар. Как заметил А.А.Семичев, переименование городов - прерогатива союзного правительства, поэтому съезд не вправе решать этот вопрос. Вносились дополнения и поправки о необходимости изменения сроков проведения сессий районных и сельских Советов. По существующему положению первые должны были проводиться не менее одного раза в 2 месяца, вторые - ежемесячно. Изменения здесь были недопустимы, поскольку это противоречило Конституции РСФСР, статья 85-я которой четко регламентировала сроки проведения общедепутатских форумов. Высказывались предложения о включении в Основной Закон положения о введении обязательного семилетнего (неполного среднего) образования. Однако еще председатель облисполкома А.П.Липин, в своем выступлении на съезде признавший правильность подобного шага, сказал о невозможности выполнения этой задачи из-за финансовых трудностей. Имелись и другие поправки и дополнения, но, как сказал А.А.Семичев, основа Конституции Коми АССР - "сталинская конституция, поэтому редакционная комиссия все время в своей работе это имела в виду и все то, что с этой установкой расходилось - было отвергнуто".

24 июня 1937 г. съезд приступил к постатейному обсуждению Конституции. Председатель облисполкома А.П.Липин каждую ее статью воспроизводил на коми и русском языках. Только после рассмотрения всех статей съезд проголосовал за Конституцию Коми АССР в целом. Утверждение Основного Закона сопровождалось бурными аплодисментами. По случаю принятия Конституции съезд выступил с обращением к трудящимся Коми АССР. Таким образом, 24 июня 1937 г. стал днем Конституции Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Некоторые делегаты призвали объявить его даже всенародным праздником. По этому поводу первый секретарь обкома ВКП(б) заметил, что можно таковым признать сам день принятия, но не делать праздник ежегодным.

Итак, завершился этап развития федеративного государства советского типа. Было ли принятие Конституции существенным шагом вперед в решении национального вопроса и почему именно в этот период руководство страны пошло на удовлетворение, казалось бы, уже забытых требований основателей Коми автономии?

Известно, что динамизм национально-государственного строительства, присущий 20-м годам, в последующее десятилетие в

значительной мере был утрачен. Национальная составляющая этого процесса была сведена до минимума, и, наоборот, произошла гиперболизация представлений о государстве как единственном регулирующем механизме как общественных отношений, так и отношений собственности.

Ее окончательное оформление было осуществлено во второй половине 30-х годов в целой серии документов. Центральное место среди них занимали Конституция СССР 1936 г. и решения XVIII съезда ВКП(б). Они законодательно утвердили идеологический тезис о построении основ социалистического общества. С одной стороны, эти документы юридически оформляли сложившиеся в обществе отношения. С другой - четко и ясно давали понять, что избранный курс развития государства является неизбежным и носит тот же мобилизующий характер.

Эти замечания необходимы для того, чтобы понять место и роль Верховного Совета Коми АССР в общегосударственной системе. Конституция республики 1937 г. исключительно интересна для анализа. Предполагалось, что подобного рода документ может быть отнесен только к территории, на которой проживает определенный народ. Однако национальная суть Конституции была полностью исключена, не было и упоминания о народе, давшем название республике. Первая статья Конституции гласила, что Коми АССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян, статья 13 - что она входит в состав РСФСР "на правах автономной республики". Автономная здесь автоматически предполагалась национальная, хотя эти слова не являются синонимами.

Собственно говоря, подобную Конституцию можно было отнести к любой территории страны, объявив ее по тем или иным причинам автономной. Поэтому мы склонны рассматривать ее не в контексте развития национальной государственности (как это утверждалось в официальной пропаганде), а как шаг в упрочении сложившейся государственной системы. В этом смысле Верховный Совет республики вполне можно было считать, выражаясь словами В.И.Ленина, пятым колесом в телеге советской империи.

Во взаимоотношениях с Центром по своим полномочиям республика мало чем отличалась от областей, краев. Главной отличительной чертой являлось неперемное наличие признаков государственности: Конституции, герба, флага. Действительно, в Конституции Коми АССР были статьи, посвященные гербу и флагу. Однако как государственным гербом, так и флагом автономной республики многие десятилетия являлись соответствующие атрибуты Российской Федерации, на которых под надписью "РСФСР" буквами меньшего размера дописывалось "Коми АССР".

Что же касается Основного Закона Коми АССР, то и здесь республике отводилась, в сущности, роль переписчика Конституции РСФСР. Она настолько подробно регламентировала порядок формирования, принципы деятельности представительных и исполнительных органов

власти республики, что сам по себе Основной Закон Коми АССР становился по сути копией общероссийского. Так, статья 60 Конституции Российской Федерации определяла структуру Президиумов Верховных Советов АССР, статья 69 - правительства автономных республик, статьи 96 и 99 - районных и городских Советов. В целом только высшему представительному и исполнительному органам власти АССР посвящалось более 15 статей. Для сравнения, в Конституции РСФСР, принятой в 1978 г., по ним имелось только шесть, в которых определялись лишь общие принципы их формирования и деятельности. Заметим здесь же, что принятие Основного Закона Коми АССР 1978 г. являлось прерогативой только высшего законодательного органа власти республики. Иными словами, он не утверждался Верховным Советом РСФСР, тогда как Конституция Коми АССР 1937 г. непременно утверждалась высшим законодательным органом власти России.

Все это позволяет утверждать, что преобразование автономной области в автономную республику стало, по существу, формальным актом. Как отмечают авторы научного доклада "Национальное строительство в Коми АССР (история и современность)", "он стал очередным этапом в реализации унитарности национально-государственного устройства".

Тем не менее, подготовка и принятие первой Конституции Коми АССР было большим событием. Вероятно, свою роль здесь играла и эмоциональная сторона. Воплощались в реальность многолетние чаяния коми народа. Можно вспомнить события двадцатых годов, когда его представители упорно добивались изменения статуса автономии. Ее преобразование в автономную республику давало возможность населению иметь свой (какой бы он ни был) Основной Закон, свой Верховный Совет, свое правительство. Вероятно, одиннадцатый Чрезвычайный съезд Советов Коми автономной области (1-3 ноября 1936г.), который обсудил и одобрил проект новой Конституции СССР, в своей резолюции отразил подлинное чувства трудящихся области, а именно то, что они с воодушевлением восприняли предусмотренное "проектом Конституции преобразование автономной области в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику".

Одной из важных проблем, решение которых остается актуальным, является выяснение причин, почему руководство страны пошло на преобразование автономии в республику, предполагающее собственную Конституцию и законодательный орган. Несмотря ни на что, это были атрибуты самостоятельного государства и, формально, они противоречили той государственной системе, которая к этому времени сложилась в стране. Отметим еще раз, что исключительно настойчивые попытки, предпринятые в этом отношении местными руководителями в 20-е годы, не увенчались успехом. Можно предположить, что И.В.Сталин хорошо осознавал политические приоритеты. К концу 20-х годов был пройден важный этап в развитии страны, и ситуация в национальной сфере стабилизировалась. Было достигнуто главное - страна,

практически рухнувшая в результате известных революционных событий и гражданской войны, была спасена от развала по национальным квартирам. Более того, народы России получили то, чего они никогда не имели, а большинство из них и не предполагало получить в ближайшее время. В то же время государство давало самостоятельность национальным территориям ровно до определенного предела, за которым возникала угроза интересам федеративного государства. Если исходить из многонациональности России, то следует признать, что в предвоенный период осуществлялась достаточно сбалансированная политика. На первом этапе темпы преобразования национальной сферы существенно опережали темпы реформирования экономики и политической системы. Однако в конце 20-х годов наступил момент, когда этот разрыв начал угрожать стабильности государства. Экономике необходимо было привести в соответствие с национальной надстройкой. В 1929 г. волевым образом и чрезвычайно решительно были изменены политические акценты. В короткий срок, опираясь на политический и национальный плацдарм, созданный в предыдущее время, страна была выведена на промышленный уровень. На население пришлось чрезмерная нагрузка, и это осознавалось. Необходимо было выпустить пар. Клапаном стала Конституция СССР 1936 г. Она преследовала как минимум две цели. Первая закрепляла результаты осуществленного социального переворота и юридически оформляла сложившуюся в стране государственную систему, вторая определяла пути развития общества на перспективу. Она имела огромное морально-политическое значение, поскольку ряд принципов, на которые она опиралась, был больше из области желаемого, чем достигнутого. В этом смысле Конституция венчала собой всю пропагандистскую работу, размах которой в 30-е годы достиг небывалых масштабов. С точки зрения решения общегосударственных задач Конституция СССР 1936 г. относится к числу выдающихся документов.

Абсолютно идентичной по духу была Конституция Коми АССР. Возвращаясь к характеристике общего курса в стране, нельзя не отметить, что руководители государства осознавали необходимость дальнейших шагов в национальной сфере. Они исходили из сталинских представлений о сущности федеративного государства социалистического типа. При этом укажем, что речь не шла об отдаленных перспективах национального государства. Решались текущие проблемы, жестко диктовавшиеся обстановкой. А она была таковой, что толкала на предельное регулирование национальной сферы государством. Приходилось балансировать между стремлением национальных регионов к максимальной самостоятельности (изначально присущей любым национальным движениям) и общегосударственными интересами, которые далеко не всегда сходились в едином русле интересов. Поэтому действовать по сценарию 20-х годов в силу целого комплекса причин было невозможно, поскольку это неизбежно

приводило бы к крайней демократизации национальной жизни. Тем более, что над страной нависала угроза военного конфликта.

К этому времени были опробованы методы сохранения ситуации в управляемых рамках. В 1929 г. Коми автономия, несмотря на ее сильнейшее противодействие, была включена в состав Северного края. Никаких катаклизмов за собой это не повлекло. Преобразование автономии в республику автоматически выводило ее из состава края. Таким образом не только формально, но и фактически укреплялась ее самостоятельность, что вполне удовлетворяло амбиции местных лидеров. К тому же они относились к новой генерации политиков, сформировавшихся уже практически в советское время. Такие решительно настроенные деятели, как Дмитрий Батиев, Иван Коюшев и другие, были или репрессированы, или по другим причинам сошли с политической арены.

В сентябре 1936 г. в области состоялись торжества по случаю 15-летия Коми автономии. Было продемонстрировано, что республика за прошедшие годы стала иной, что полностью соответствовало действительности. Поэтому повышение ее статуса представлялось логичным и естественным.

Никакой угрозы стабильности и единству государства, так же, как и самой власти, это не представляло. Одновременно реализовывались давние чаяния основателей Коми автономии, ратовавших за республику. Тогда, в 20-е годы, было не время, оно наступило во второй половине 30-х годов. Это удовлетворяло национальные массы.

Не могло не удовлетворить ее и само содержание Конституции. Республика провозглашалась социалистическим государством рабочих и крестьян, т.е. большинства населения. Гигантская работа, развернутая по ее пропаганде и обсуждению, создавала полную иллюзию народовластия. Очень важно при этом иметь в виду, что для народа это было невиданным явлением, т.к. он до этого никогда не участвовал в подобного рода акциях.

Чрезвычайно политически точно была сформулирована вторая статья Конституции, которую следует процитировать дословно: "Политическую основу Коми АССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов, завоевания диктатуры пролетариата, освобождения коми народа от национального гнета царизма и русской империалистической буржуазии и разгрома националистической контрреволюции". Содержание статьи являлось не только обобщением происшедших в обществе перемен, но и программным заявлением. Оно свидетельствует и о том, что Конституция писалась людьми, которые совершенно определенно представляли концепцию создаваемого ими государства. Анализ любой статьи Конституции приводит к подобному заключению.

Так, статья 6 о земле, ее недрах, лесах провозглашала все это не собственностью республики, а государственной собственностью, однако при этом добавлялось, что все это является всенародным достоянием.

Концептуально она, исходила из принципов народовластия и общенародной собственности, что нейтрализовало в сознании людей негативное восприятие последствий революционного преобразования общественных отношений и отношений собственности.

Особое место занимала ст. 18, определявшая компетенцию Коми АССР. Ведению республики подлежали:

а) установление Конституции Коми АССР, внесение ее на утверждение Верховного Совета РСФСР и контроль за ее исполнением;

б) установление районного деления Коми АССР, границ районов, городов и внесение на утверждение Верховного Совета РСФСР;

в) законодательство Коми АССР;

г) охрана государственного порядка и прав граждан;

д) утверждение народнохозяйственного плана Коми АССР;

е) утверждение бюджета Коми АССР;

ж) установление, в соответствии с законодательством СССР и РСФСР, государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов;

з) руководство осуществлением бюджетов округа, районов, городов и сельских Советов;

и) руководство страховым и сберегательным делом;

к) управление промышленными, сельскохозяйственными, торговыми предприятиями и организациями республиканского подчинения, а также руководство местной промышленностью;

л) контроль и наблюдение за состоянием и управлением предприятий, подчиненных органам СССР и РСФСР;

м) руководство и контроль за порядком пользования землей, недрами, лесами и водами в соответствии с законами СССР и РСФСР;

н) руководство жилищным и коммунальным хозяйством, жилищным строительством и благоустройством городов и других населенных мест;

о) дорожное строительство, руководство местным транспортом и местной связью;

п) контроль за проведением законов СССР и РСФСР о труде;

р) руководство делом здравоохранения;

с) руководство делом социального обеспечения;

т) руководство делом начального и среднего образования, контроль и наблюдение за делом высшего образования;

у) руководство культурно-просветительными и научными организациями и учреждениями Коми АССР;

ф) руководство и организация дела физической культуры и спорта;

х) организация судебных органов Коми АССР.

Это была широкая компетенция, максимально возможная в тех условиях. Впервые в истории народа законодательно закреплялись права по распоряжению собственной судьбой. Мы не анализируем сложившуюся в 30-е годы ситуацию в области реализации конституционных положений. Декларируемое и фактическое положение вещей оказывалось порой в прямом противоречии друг с другом. Однако провозглашенные в Конституции принципы в тот период воспринимались

как высокие достижения в развитии общества. Их дополняли права, гарантированные гражданину республики ее верховным законом, большинство из которых сходились с жизненными реалиями.

Итак, как показывает анализ исторического материала, преобразование Коми автономной области в автономную республику было важным событием в жизни народа республики. В значительной мере оно основывалось на исторических реалиях, сложившихся в результате коренной ломки общественных отношений, осуществленной в 20-30-е годы, и чрезвычайно активного вмешательства в национальную сферу. Формально были реализованы устремления основателей Коми автономии, изначально выступавших за максимально высокий статус автономии. Политические, культурные, экономические характеристики области были основанием как для национальных амбиций со стороны центральной власти, так и сохранения федеральных отношений в управляемых рамках. Осуществлявшиеся преобразования были восприняты национальными массами, а руководство страны если и не получило полной поддержки осуществлявшегося курса, то, по крайней мере, сумело удержать политическую ситуацию в тех пределах, которые не угрожали стабильности.

Пропагандистская кампания, развернутая в связи с реорганизациями второй половины 30-х годов, сыграла свою роль. В сознании населения реализуемая политика воспринималась как правильная и единственно возможная в тех условиях.

Известно, что власть оказалась замкнутой на центр. Однако предоставление максимально возможных прав, закрепленных в законах, позволяло (при сильной централизации) легализовать в глазах населения как обоснованные, так и противоправные действия. Это было важно, поскольку, например, Коми автономная область оказалась одной из тех территорий, где общественный эксперимент, осуществленный в 20-30-е годы, проявился наиболее характерно. Поэтому национально-государственные преобразования в рассматриваемый период оказались крайне противоречивыми. Руководству страны удалось сманеврировать таким образом, что общий курс при всех его зигзагах остался неизменным. Это свидетельствует о том, что государственные реформы второй половины 30-х годов носили больше характер политической целесообразности, нежели были вызваны желанием на деле реализовать провозглашенные в официальных документах ценности.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В КОНЦЕ XX ВЕКА:
ОТ КРИЗИСА К ПОДЪЕМУ**

Нестерова Н.А.

Представительство президента РФ в РК

В результате урона и кризиса, нанесенного в сфере государственной национальной политики Сталинским режимом в 30-50-е годы, первые успехи в данной области, достигнутые в 20-е годы советским государством, были сведены практически к нулю. В 30-е годы был репрессирован весь цвет коми национальной интеллигенции, к 70-м годам фактически ликвидирована коми национальная школа, значительно сужено и сведено к употреблению только в бытовой сфере функционирование коми языка, в среде коми народа, особенно молодежи, преобладающим стало явление национального нигилизма.

В условиях начавшегося в конце 80-х годов демократического преобразования общества наблюдается резкий и динамичный подъем национального самосознания как в целом в СССР, так и в России и в регионах. Однако данные процессы привели к неоднозначным последствиям, так как они носили в себе элементы не только прогресса, но и регресса. Подобно явлению освобождения "сжатой пружины" данные нерегулируемые со стороны государства процессы приобрели характер этнополитического коллапса и привели к дезинтеграции и разрушению советского пространства по национальному признаку.

В то же время этот глубочайший кризис в конце 80-х - начале 90-х гг. был адекватно воспринят в Республике Коми как "сверху" - со стороны органов государственной власти, так и "снизу" - со стороны общественного национального движения. На основе собственного опыта в республике была создана модель экстерриториальной автономии на основе самоуправления коренного народа, национально-культурной автономии для других народов, проживающих в республике, которая на бесконфликтной основе позволяет регулировать национальные отношения в регионе. В результате функционирования данной модели, развиваются коми язык, имеющий статус государственного, национальная школа, культура, а также системы образования, культуры, язык и других этнических групп, проживающих в республике.

На наш взгляд, в условиях многонационального Севера России данная модель является наиболее оптимальной, она получила свою апробацию и продолжает успешно функционировать. Главное - она позволяет развиваться самобытной культуре коми народа, не разрывая единого духовного полиэтнического российского пространства.

МОДЕЛИ АВТОНОМНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XX ВЕКЕ

Попов А.А.

Полномочный представитель президента РФ в РК

1. В условиях Российской империи до начала XX века коми не имели административно - автономной территории. Процесс этнического самоопределения усилился в начале XX века. Катализатором движения за автономию стали революционные изменения в России в 1917-1920 годах.

2. 20-е годы - относительно демократический начальный этап развития автономии в условиях НЭПа. Она была декретирована "сверху" Центром в форме Автономной Области (АО). Движение "снизу" имело целью более высокий статус в форме Автономной Республики (АССР) с более широкими политическими и экономическими правами.

3. Рубеж 20-х - 30-х годов - в условиях становления Сталинского режима - период отстаивания перед Центром реальной формы автономии в виде АО (борьба против включения в так называемый Северный Край).

4. 30-е годы - в условиях Сталинского режима формальное повышение статуса автономии до уровня Автономной Республики (АССР) с полной утратой политической и экономической самостоятельности.

5. 40-е - конец 80-х годов - "автономия" в составе унитарного авторитарного тоталитарного государства, в условиях декларируемого федерализма.

6. 90-е годы - период становления нового политико-правового и экономического статуса автономии в условиях становления федерализма в демократической России. Резкий ("стихийный") рост самостоятельности автономии де-факто и де-юре в асимметрично развивающейся Российской Федерации конституционно-договорного типа (в редакции Конституции РФ 1993 года). Основа отношений с Центром - Федеративный Договор 1992 года и Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами госвласти РФ и органами госвласти РК 1996 года.

7. Исследовательские оценки потенциала самостоятельного развития автономии исходят из критерия способности к политическому самоуправлению и экономической самодостаточности как национально-государственного субъекта федеративных отношений и субъекта внешних связей. Объективной основой является наличие сырьевых ресурсов, передовых технологий, интеллектуального потенциала, рыночной инфраструктуры. Республика является своеобразным "донором" в федеральный бюджет России. В научно-историческом плане к данной проблеме возможно применение разного рода "теорий развития", как, например, это сделано финским ученым П.Кауппала путем интерпретации теории Дитера Сенгхааза в совместном (Финляндия, Карелия, Коми) проекте "Национальная государственность у

финно-угорских народов Северо-Западной России в 1917-1940 гг.: Карелия и Коми в сравнении с Финляндией".

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В КОМИ АВТОНОМИИ (1918 - НАЧАЛО 50-Х ГГ.)

*Золотарев О.В.
Коми пединститут*

Отношения власти и церкви в советский период истории нашей страны были сложными и противоречивыми. Однако в отечественной историографии они трактуются в основном односторонне и представляются почти исключительно как враждебные¹. Думается, такая трактовка является упрощенной. Ведь во взаимоотношениях власти и религии прослеживается в 1920-50-е годы целый ряд серьезных изменений. Это просматривается и на материалах Коми Автономии.

Конечно, в начальный период установления и упрочения Советской власти церковь и большевистская партия очутились во враждебных лагерях. Это проявилось уже в конце 1917 года. В ответ на Декрет СНК, который санкционировал изъятие у православной церкви всех учебных заведений, Поместный Собор назвал большевиков "нашествием антихриста и беснующимися безбожниками", а патриарх Тихон призвал противостоять Советской власти "силою веры... нашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев". Уже в январе 1918 года в Москве и Петрограде состоялись религиозные демонстрации, носившие явный антибольшевистский характер². Враждебную новой власти позицию заняло и духовенство Коми края. В феврале 1918 года представители яренских и устьысольских священнослужителей участвовали в полупархиальном съезде в Великом Устюге, где выступили против Декрета об отделении церкви от государства.

Со стороны властей последовало дальнейшее ужесточение позиций. В январе 1918 года вышел Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Он фактически осуществил отделение церкви от государства и национализировал церковное имущество. Однако церковь продолжала бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, совершать обряды и т.д. Этот декрет был аналогичен закону, принятому во Франции в 1905 году³. Но православная церковь расценила его как акт открытого "против нее гонения". Конституция РСФСР 1918 года в части отношения к религии также носила относительно умеренный характер. Она хотя и лишала духовенство права избирать и быть избранными, но объявляла о свободе как антирелигиозной, так и религиозной пропаганды.

Однако следует признать, что нередко антирелигиозная пропаганда принимала уродливые формы. Так, Циркуляр комиссариата юстиции в августе 1920 года обязал власти на местах осуществить "полную

ликвидацию мощей". Эти действия явно не были продуманы с точки зрения возможных последствий. Ужесточение линии прослеживается и по окончании гражданской войны. В 1922 году выходит Постановление ВЦИК о необходимости изъятия церковных имуществ в фонд помощи голодающим. Верующие и священники оказали ожесточенное сопротивление конфискациям. Эта кампания на местах сопровождалась репрессиями против священнослужителей, многие из которых были расстреляны.

Конечно, на отношениях власти церкви в период гражданской войны отразилось прежде всего то обстоятельство, что значительная часть священников поддерживала белое движение. И, пожалуй, именно классовые противоречия, а не религиозные мотивы послужили причиной преследований сотен священнослужителей в 1918-22 годы. По некоторым сведениям, антицерковная кампания стоила в этот период жизни 1,2 тыс. священникам (в том числе 28 епископам)⁴.

Наступление на религию затронуло и далекую северо-восточную окраину России - Коми край. При этом надо помнить, что религиозные настроения были весьма сильны среди коми населения, что признавали и местные коммунисты⁵. Особенностью края при этом была весьма распространенная деятельность сект (в основном старообрядческих) - в некоторых деревнях до 75 % населения состояло в сектах⁶. Религиозные настроения сохраняли свое влияние даже среди членов партии, многие из которых и в середине 20-х годов продолжали принимать участие в отпращивании религиозных обрядов.

Такое положение создавало дополнительные трудности при ведении пропагандистской работы. Агитаторы из Петрограда, в декабре 1918 года посетившие Коми край, отмечали: "Сильно развитое религиозное влечение в деревне многому мешает и часто парализует все начинания крестьянина в области строительства жизни на новых началах"⁷.

Впрочем, антицерковная кампания на территории края в эти годы практически и не велась. Антицерковные действия выразились в закрытии нескольких храмов и Ульяновского и Кылтовского монастырей. Однако конфискация церковных имуществ 1922 года затронула и Коми-край. Из небогатых коми церквей было изъято 4 фунта золота и 34 пуда серебра⁸. При этом сопротивление коми духовенства было (в отличие от центральных областей) слабым и выразилось в попытках ведения подпольной пропаганды, не имевшей "никакого влияния на ход дела"⁹.

Но главная цель этой кампании была не в получении средств, а в попытке внесения раскола в ряды церкви. "Правда" в мае 1922 года писала, что изъятие ценностей должно послужить "тем клином, который должен был расколоть рыхлое тело бывшей государственной церкви"¹⁰. Советское правительство поддержало группу отколовшихся священников, объединившихся в "Живую церковь". Такое давление дало свои плоды, и в 1927 году митрополит Сергей, наследовавший патриарху Тихону, объявил о преданности Советскому государству.

В Коми крае раскол среди духовенства произошел в 1923 году в Усть-Сысольске. Постепенно он распространился на всю территорию Автономии. В конце 20-х-30-е годы действовала даже обновленческая Коми епархия.

Надо отметить, что определенные коррективы в отношении власти и церкви внес НЭП. Партийно-государственные органы делали теперь акцент в антирелигиозной деятельности на разъяснительной работе. Главной ее задачей было - "дать толчок мысли, забросить в душу верующих яд сомнения, свести божество с неба на землю".¹² Причиной такого относительно мягкого подхода стало негативное отношение значительной части населения (в основном крестьян) к атеистической работе, - они по-прежнему сохраняли религиозные чувства. А при НЭПе власть пыталась наладить отношения с крестьянством.

Однако на местах проведение действительно эффективной антирелигиозной пропаганды оказалось невозможным. Надо согласиться с Я.Н.Безносиковым, указавшим, что она "носила в тот период "кампанейский характер" и сводилась к разоблачению антисоветской деятельности священников. При этом крайне слабо пропагандировались научные знания. Да и сил для ее ведения не было: не хватало как квалифицированных кадров, так и средств¹³.

Проводимая на местах агитация больше вредила, чем помогала атеистической работе. Ибо нередко она сводилась к действиям, которые просто оскорбляли чувства верующих: проведение так называемых "комсомольских пасх", растапывание икон, разрушение церковных построек, битье окон в церквях, разорение церковных библиотек и т.п. Тогда же были закрыты и храмы Ульяновского и Кылтовского монастырей, а их имущество передали Областному отделу народного образования¹⁴. Часто советы действовать подобным образом шли и из центра (на страницах журнала "Безбожник" содержался совет - употреблять иконы на дрова). Однако именно в центре достаточно быстро осознали, что такие действия дают обратный эффект. ЦК РКП(б) в циркулярном письме в августе 1923 года отмечал, что "своими грубыми, бестактными действиями против верующих, представляющих громадное большинство населения, они (т.е. местные власти. - О.З.) наносят неисчерпаемый вред Советской власти". Центр справедливо указывал на места, что "успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонения на верующих, а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков"¹⁵.

Переломить ситуацию на местах пытались с помощью усиления активности общества "Союз безбожников" (позднее - "Союз воинствующих безбожников" - СВБ), которое выросло из общества "Друзей газеты "Безбожник". На базе ячеек этого объединения создавались антирелигиозные кружки, распространялась литература (тиражи атеистических изданий заметно возросли), устраивались антирелигиозные вечера. Но в Коми крае эти действия особой поддержки

у населения не получили. В начале 30-х годов в области действовало только 36 ячеек СББ (с 540 членами). Конечно, это было мало¹⁶.

Неудачи атеистической пропаганды тем более волновали власти, что религиозность населения не уменьшалась. В Коми крае даже члены партии и школьные работники участвовали в отправлении религиозных обрядов. Активизировали свою деятельность в 20-е годы и различные секты. В Коми области развернули работу секты истинно-верующих православных христиан (Удора, Летка), евангелистов (Усть-Кулом), баптистов (Ыб), старообрядческие секты "бурсьылысьяс" и др.¹⁷

В условиях обострения общеполитической ситуации в период осуществления коллективизации такое положение в деревне власти сочли нетерпимым. И с 1929 года наблюдается ужесточение политики по отношению к церкви. В апреле 1929 года ВЦКК СССР издал постановление о религиозных объединениях. Им значительно затруднялась деятельность церковных общин. В мае 1929 года были внесены изменения в Конституцию СССР: вместо свободы ведения как антирелигиозной, так и религиозной пропаганды теперь говорилось о "свободе отправления религиозных культов и свободе антирелигиозной пропаганды". В августе 1929 года была введена и более продолжительная рабочая неделя (пять рабочих дней, затем - выходной), что фактически упраздняло воскресенье и церковные праздники. Все эти меры свидетельствовали об ужесточении административного давления на церковь.

С осени 1929 года началась массовая кампания запрещения колокольного звона, в ходе которой колокола снимались с церквей. А вскоре она переросла в Массовое закрытие храмов. Власти пытались увеличить и количество членов СББ (их число выросло в 16 раз и достигло 8 млн. человек)¹⁸.

Конечно, сходные процессы шли и в Коми крае. На IX Коми областной партконференции (1929 год) призывали к усилению борьбы с религиозным и сектантским движением. Этот призыв реализовывался в крае в основном путем закрытия церквей. Их лишилось большинство населенных пунктов Коми области. Печальная участь постигла и центральную церковь Автономии - Стефановский собор в Сыктывкаре: он был разрушен. Имущество церквей при этом конфисковывалось. Например, колокола из Ульяновского монастыря были переданы на строительство самолета "Коми морт"¹⁹. Прокатилась в начале 30-х годов и серия арестов священнослужителей. В ходу были и другие методы притеснения церковных служащих: им не выдавали заборные книжки, несправедливо облагали сельхозналогом и т.п.²⁰

Впрочем, местные власти пытались сочетать административные методы с пропагандистской работой. Например, к 1931 году во всех сельсоветах области были организованы ячейки СББ. Был решен вопрос и об их финансировании. Особый упор в атеистической кампании опять делался на работу комсомола.

Ужесточение позиции властей по отношению к религии вызвало рост антисоветских настроений, особенно в деревне, где наиболее активно

проявлялось противостояние власти и церкви. Центральные власти в условиях коллективизации это чрезвычайно беспокоило. И вскоре они пошли на попятную. Уже в марте 1930 года И.В.Сталин писал: "Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, "революционерах", которые дело организации артелей начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокол - подумаешь, какая революционность". Эта же мысль была более четко выражена в Постановлении ЦК ВКП (б) "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении" (март 1930 года). В нем, в частности, уже предлагалось "за издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности"²¹. В конце же 1933 года данная тенденция смягчения отношений государства и церкви была подтверждена еще более решительно. Политбюро ЦК ВКП (б) объявило о недопустимости разрушения церковных построек, а ВЦИК указал, что служители церкви облагаются сельхозналогом не как кулаки, а как единоличные крестьяне, что заметно облегчило налоговое бремя священнослужителей²².

Однако, на местах еще не осознали начавшегося поворота. И в Коми области активно продолжалась политика закрытия храмов. Верующие в ответ засыпали центр жалобами. И эти жалобы во многих случаях имели вполне конкретные результаты: после вмешательства центральных властей удалось отстоять (хотя бы на время) церкви в селах Серегово, Усть-Цильме, Воскресенскую церковь в Сыктывкаре, молитвенный дом в с.Межог и т.д. Впрочем, подобное не удивительно, ибо даже местное ОГПУ полагало, что с закрытием церквей "наблюдается явный перегиб"²³.

В этих действиях центра прослеживается попытка по крайней мере не допускать дальнейшего ухудшения отношений с церковью. Это связано с поворотом общей линии. Был взят курс на национально-государственное выживание Советского Союза, в рамках его проводилось и широкое общественное и политическое реформирование страны. В действиях властей все больше проглядывались национально-государственные, а не идеологические тенденции. И в подобной ситуации было нужно налаживание отношений, а не конфликт с церковью. Но на местах действовали еще по инерции. Этим, а также относительной слабостью на тот момент выявившихся тенденций и объясняется упорное продолжение курса местных властей на закрытие храмов (часто под надуманными предложениями, причем в центр нередко шла ложная информация). В результате к концу 30-х годов на территории Коми Автономии нет уже ни одной действующей церкви²⁴. Впрочем, следует оговорить, что центр пока особо и не настаивал на изменении ситуации на местах.

Признаки реального поворота стали заметны в 1938 году. Именно тогда на совместном заседании Института истории АН СССР и центрального комитета СВБ впервые было сказано о положительной роли церкви в истории России. Сам же поворот надо отнести к 1939 году, когда Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение: "Признать нецелесообразным впредь практику... арестов служителей русской православной церкви, преследование верующих... Указание товарища

Ульянова (Ленина) ... "О борьбе с попами и религией"... соответствующие инструкции, ... касающиеся преследований русской православной церкви и православных верующих, - отменить"²⁵. Этот документ подводит черту под официальной враждебностью государства и религии.

Тенденциям к сближению власти и церкви способствовало и усиление военной опасности. А с началом в 1941 году войны это сближение пошло быстрыми темпами. Церковь призвала молиться за победу, организовала кампанию пожертвований на военные нужды. Высшие церковные иерархи именовали И.В.Сталина "богоизбранным вождем, который ведет нас к победе, к процветанию в жизни и светлому будущему народов"²⁶. Делает свой шаг навстречу и власть. В сентябре 1943 года восстанавливается пост патриарха, ряд церковных деятелей удостоивается правительственных наград, впервые Советское государство выделяет средства на восстановление храмов. Постепенно (и не без помощи власти) восстанавливается церковная администрация, открываются духовные учебные учреждения. Способствовали государственные структуры и преодолению раскола в православии. Обновленческое движение в 1946 году практически перестало существовать. Для регулирования ставших довольно тесными взаимоотношений церкви и государства в 1943 году был создан специальный орган - Совет по делам православной церкви.

Линия на сотрудничество была подтверждена и после войны: церковным общинам было предоставлено право юридического лица, началось возрождение монастырей (в 1946 году выходит Постановление СНК СССР "О православных монастырях"). Эти действия привели к значительному увеличению числа посещавших церковные службы. Количество церковных приходов также возросло и составляло на конец 40-х годов, по различным данным, от 14 до 20 тыс. (т.е. до половины существовавших до революции)²⁷. Конечно, надо указать, что количество верующих оставалось высоким и в конце 30-х годов, что говорило об определенной неудаче атеистической пропаганды и послужило еще одной причиной для поворота государственной политики в области религии. Оказалось, что достаточно было небольшого ослабления антирелигиозной деятельности, как атеизм значительного числа людей исчез без следа. Это лишний раз свидетельствовало о правильности курса в отношении религии, взятого государством в 1939 году, и власти чувствовали, что это приносит им дополнительную социальную опору.

Можно говорить, что в 40-е годы происходила не просто нормализация отношений власти и церкви, но и встраивание церкви в государственную иерархию.

Подобным же образом изменилась ситуация и в Коми Республике. Религиозные чувства населения здесь так же усилились в годы войны (конечно, играл роль и психологический фактор). А после окончания войны в Автономии открываются три православных храма (в с.Кочпон, Ыб, Айкино) и молеальный дом в Ухте.

Однако эта взаимовыгодная политика сотрудничества власти и церкви была прервана приходом Н.С.Хрущева. После удаления летом 1957 года сторонников мягкой линии по отношению к церкви от власти Н.С.Хрущев возродил самые худшие традиции воинствующего атеизма 20-х годов.

Подводя же итог взаимоотношениям власти и церкви в 20-начале 50-х годов, следует выделить ряд этапов:

- с 1917 до 1922 года, когда в условиях гражданской войны и социальных потрясений проводится политика отделения церкви от государства. Она сопровождается секуляризацией церковного имущества. Вместе с тем священнослужители преследовались в основном по классовым, а не религиозным мотивам.

- 1923-1928 годы - в период НЭПа - происходят попытки смягчения конфронтации с церковью. Упор делается на ведение массовой антирелигиозной пропаганды (которая, правда, порой принимает уродливые формы). Происходит это при сохранении идейно-политических основ власти. Но антирелигиозная работа не оставляет значительных следов - религиозность населения снижается крайне медленно и в основном среди молодежи. Сохраняется она даже в партийной среде. Особенностью Коми края при этом является активизация деятельности религиозных сект. Естественно, такое положение вызывает беспокойство властей.

- 1929-1933 годы - это период наиболее жесткого административного давления на религиозные структуры. На это время приходится апогей разрушительно-репрессивных методов борьбы с религией. В Коми крае (как и по всей стране) шло массовое закрытие храмов. Положение в Автономии усугублялось теоретической и правовой некомпетентностью подавляющего числа работников партийно-государственных структур (в особенности низового звена) и общей культурной отсталостью населения. Впрочем, в центре достаточно скоро осознали ущербность подобной политики, приводившей к сужению социальной опоры власти, что в условиях осуществления коллективизации и индустриализации было чревато серьезными последствиями. Уже в 1930 году И.В.Сталин заговорил о необходимости смягчения позиции государства по отношению к церкви, но начало этого процесса следует отнести к 1933 году.

- 1933-1939 годы - переходный период, когда власть в центре понимала важность изменения политики в религиозной сфере, но на местах слабо реагировали на эти призывы (а центр пока особо и не настаивал). И в Коми крае продолжалась практика закрытия церквей. Фактически была загнана в подполье деятельность сект.

- 1939 - нач. 50-х годов. Водоразделом следует считать решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года, в котором прямо говорилось об отмене борьбы с религией и налаживании отношений с церковью. Эти тенденции особо усилились в годы Великой Отечественной войны. Было восстановлено патриаршество (1943 год), началось воссоздание храмов, даже открывались новые церкви. В свою очередь,

церковь поддерживает Советскую власть в годы войны. Постепенно церковные структуры интегрируются в советскую государственную иерархию. Эти же тенденции наблюдаются и в Коми крае. Деятельность церковных общин практически уже не встречает противодействия. И такое положение (выгодное как для государства, так и для церкви) сохранялось не только вплоть до смерти И.В.Сталина, но даже до полного удаления сторонников этой умеренной линии с политической арены (1957 год). Только тогда вновь начинаются трудные для церкви времена. И они связаны с именем Н.С.Хрущева.

Таким образом, взаимоотношения власти и религии прошли в 20-50-е годы сложный путь. Идея ликвидации религиозных настроений в течение жизни одного поколения оказалась утопической, хотя религия и была возведена в ранг одного из злейших врагов проводящихся властью социальных преобразований. Когда же власти столкнулись в начале 30-х годов с необходимостью обеспечения национально-государственного выживания СССР, то они пошли на серьезную идейно-политическую реформу советского государственного и общественного строя. И в рамках данной реформы произошло не просто смягчение отношений власти и церкви, но и интегрирование церкви в государственные структуры.

***

1. Говоря об односторонней трактовке отношений власти и церкви, надо отметить, что до середины 80-х годов ученые и публицисты отводили роль "негативного героя" церкви. С конца 80-х речь идет почти исключительно о жестком и беспощадном преследовании государством всех проявлений религии, а также ее приверженцев и носителей. Этот путь проделала и коми историография. См.: книги Ю.В.Гагарина; Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978 и др. Из работ последних лет надо упомянуть ряд статей М.Рогачева (см., например: Энциклопедия "Республика Коми". Т.1., Сыктывкар, 1997) и др. (например: Мацук М.А. Религиозная ситуация в Коми республике в 1918-1938 годах (на примере Свято-Вознесенского храма г.Усть-Сысольска) // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Сыктывкар, 1997).
2. См.: Вострышев М. Божий избранник. М., 1990. С.62-63; Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. №8. С.41.
3. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М.,1992. С.157.
4. См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С.427.
5. Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований - далее КРГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.359. Л. 27 об.
6. КРГАОПДФ. Ф.70. Оп.1. Д.100. Л.214; Ф.182. Оп.1. Д.91. Л.73.
7. См.: Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае. 1917-1920: Сб. документов. Сыктывкар, 1966. С.180.
8. См.: Энциклопедия "Республика Коми". Т.1. С.199.
9. Национальный архив Республики Коми (далее - НА РК). Ф.3. Оп.1. Д. 2280. Л. 82.

10. См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т.2. Ч.1. С.221; Архивы Кремля. Кн.1. Политбюро и церковь. 1922-1925. М.; Новосибирск, 1997. С.251.
11. См.: Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и пути их преодоления. Сыктывкар, 1971. С.44.
12. Крупская Н.К. Педагогич. соч. М., 1960. Т.9. С.51; Календарь коммуниста на 1925 год. М., 1924. С.147-200.
13. Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. Сыктывкар, 1986. С.35.
14. КРГАОПДФ. Ф.70. Оп.1. Д.57. Л.2об; Ф.60. Оп.1. Д.1а. Л.9;Ф.182. Оп.1. Д.34. Л.20об; Ф.1. Оп.2. Д.261. Л.6; НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2110. Л.37, 40, 40 об.
15. Архивы Кремля. Кн.1. С.408,416-417,420 и др.
16. НА РК. Ф.148. Оп.2. Д.153. Л.9; Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки... С.59.
17. См.: Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки... С.46-47.
18. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927-1943 годах // Вопр. истории. 1994. №4. С.38-39.
19. НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2104. Л.9; Д.2167. Л.II; Д.54. Л.126-128; Культурное строительство в Коми АССР. 1918-1937. Сб. документов. Сыктывкар, 1979. С.155.
20. НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.46. Л.101; Д.2436. Л.46; Д.2213. Л.6 и др.
21. См.: Сталин И.В. Соч. Т.12. С.198; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т.5. С.104.
22. См.: Наш современник. 1999. №12. С.223; НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2132. Л.92об; Д.2130. Л.16.
23. НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2113. Л.6,22; Д.2118. ЛЛ.21,41; Д.2476. Л.27; Д.2133. Л.1.
24. См.: Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки... С.60.
25. Наш современник. 1999. №12. С.223.
26. Верт Н. История советского государства. С.286; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в 1943-1957 годах // Вопр. истории. 1995. №8. С.36.
27. См.: Шкаровский М.В. Русская православная церковь... С.47; Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви // Вопросы истории. 1973. №9. С.28-29.

**ВЫПУСКНИКИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПЕТЕРБУРГА
В КОМИ КРАЕ
(кон. XIX - нач. XX в.)**

*О.Е.Бондаренко
Сыктывкарский университет*

В конце XIX - начале XX в. учебные заведения Архангельской и Вологодской губерний входили в состав С-Петербургского учебного округа, все вопросы о перемещении и назначении преподавательского состава утверждались попечителем этого округа.

Выпускники учебных заведений Петербурга работали в женской прогимназии и гимназии г.Усть-Сысольска, учительской семинарии и высших начальных училищах Коми края.

В 1909 г. женская прогимназия г.Усть-Сысольска была преобразована в гимназию, с 17 февраля 1910 г. она стала носить имя Александринской. Среди преподавателей этой гимназии были люди, закончившие учебные заведения Петербурга.

Распоряжением попечителя С-Петербургского Учебного округа от 27 августа 1909 г. к преподаванию словесности и истории в 5-м и 6-м классах гимназии был допущен Владимир Павлович Голубев, который в 1908 г. окончил курс наук в Императорском С-Петербургском университете по историко-филологическому факультету. В его формулярном списке, составленном в 1910 г., отмечалось, что он "30 лет от роду, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, сын коллежского ассесора, жалование получает 910 рублей в год"¹. У родителей в Вологде был деревянный одноэтажный дом. До назначения в Усть-Сысольскую женскую гимназию он был сверхштатным чиновником для особых поручений при Новгородской казенной палате, по его прошению был переведен сверхштатным чиновником особых поручений Вологодской казенной палаты, временно исполнял должность старшего столоначальника в этом же городе. В.П.Голубев проработал в гимназии один год, в августе 1910 г. был перемещен "на должность наставника в Архангельскую учительскую семинарию"². Вместо него была назначена для преподавания этих предметов З.Боголюбова, окончившая С-Петербургские высшие женские курсы, но через месяц последовало распоряжение управляющего округом об освобождении "допущенной к преподаванию русского языка и истории в Усть-Сысольской женской гимназии З.Боголюбовой от сего преподавания, согласно прошению"³. Не доехал до г.Усть-Сысольска и выпускник Петербургского университета И.Пинчуков, который был назначен к преподаванию в старших классах математики и физики.

На долгое время связали свои судьбы с уездным Усть-Сысольском выпускники Петербургского университета Степан Матвеевич Каленик и Михаил Витальевич Галахов. В 1910г. С.М.Каленик окончил физико-ма-

тематический факультет, а М.В.Галахов историко-филологический факультет университета. Они были направлены для работы в женскую гимназию.

Дорога от Петербурга до Усть-Сысольска была неблизкой. Как отмечается в документах, каждый из них получил прогонные деньги "за расстояние 1442 версты на трех лошадях, считая по 3 коп. на версту и лошадь, всего 129 руб. 82 коп."⁴. Оба были молоды, первому было 27, а второму 25 лет. В этом городе они женились, женой М.В.Галахова стала Э.М.Юрак, которая тоже преподавала в гимназии, 21 сентября 1913 г. у них родилась дочь Ольга, в этом же году он был назначен временно исполняющим обязанности председателя педагогического совета. В 1914 г. годовое жалованье С.М.Каленика составляло 1685 руб., а М.В.Галахова - 1910 руб.⁵, в 1916 г. М.Галахов был назначен инспектором народных училищ первого участка Усть-Сысольского уезда.

В женскую прогимназию в 1904 г. на должность учительницы географии и истории была принята Анна Лыткина, окончившая в 1900 г. курс 8-ми классной С-Петербургской Покровской женской гимназии со званием домашней наставницы с правом преподавания этих предметов. До работы в прогимназии она была учительницей Читовского начального земского училища Усть-Сысольского уезда. Рекомендую ее для преподавания в прогимназии, инспектор характеризовал ее при этом как "способную и благонадежную"⁶. Она продолжила преподавательскую деятельность и в гимназии.

Ряд дисциплин в гимназии преподавали также выпускники других учебных заведений Петербурга. С 1914 по сентябрь 1916 г. французский язык вела Вера Николаевна Захарова, которая окончила женские педагогические курсы новых языков М.А.Лохвицкой-Скалон в Петрограде, годовой оклад жалованья составлял 1475 руб.⁷ В сентябре 1916 г. она была уволена от занимаемой должности согласно прошению. В 1915 г. в штат гимназии на должность классной надзирательницы была зачислена Евгения Михайловна Куликова, 29 лет, православная, окончившая Институт святой Елены в Петрограде с правом получения свидетельства на звание домашней наставницы и профессиональные курсы рисования Ксенинского института с званием ученой рисовальщицы. В гимназии она вела уроки рисования.

По "Положению о высших начальных училищах" на территории Коми края были открыты училища в городах Усть-Сысольске и Яренске, в селениях Ношули, Мохче, Усть-Выми, Усть-Куломе, Визинге, Помоздино. Значительно был расширен круг изучаемых дисциплин. Окончившие эти учебные заведения могли поступать в учительские семинарии. Успех обучения во многом зависел от профессиональной подготовки и мастерства учителей. Право преподавания в них имели выпускники учительских институтов, а также закончившие средние мужские и женские учебные заведения и сдавшие экзамены по педагогике и методике русского языка, арифметике и тому предмету, который они собирались вести, в объеме программы учительских институтов.

Инспектором Усть-Сысольского высшего начального училища был Я.С.Курбатов, выпускник С-Петербургского учительского института, который с 1902 г. работал в городском училище. В сентябре 1916 г. он стал наставником местной учительской семинарии, а на его место был назначен И.П.Петроканский, который окончил С-Петербургскую земскую учительскую школу⁸. В штате училища с 1913 г. состоял и Ф.Т.Надеждин, получивший образование в С-Петербургском учительском институте. Выпускники Петербургского учительского института работали также в Ношульском (В.А.Молодцов), Усть-Вымском (Н.И.Грачев, Г.И.Фадеев, А.Е.Егоров), Мохченском (М.С.Вайванцев, Н.П.Зиновьев), Визингском (М.Лебедев), Помоздинском (Н.Никитин) училищах. Директор народных училищ Вологодской губернии, ходатайствуя о назначении двух последних на должности инспекторов училищ, мотивировал это следующим образом: "М.Лебедев обладает хорошей педагогической подготовкой, серьезно относится к порученному делу и вообще зарекомендовал себя как хороший педагог и воспитатель и как человек безукоризненной нравственности. О Никитине... я считаю необходимым присоветовать, что Никитин, как мне известно, долгое время (8 лет) жил в Усть-Сысольском уезде, хорошо знает край и, что по моему мнению особенно важно, знаком с теми характерными чертами зырянской жизни, с которыми заведующему училищем в Усть-Сысольском уезде несомненно придется встречаться"⁹.

При Петроградском учительском институте также проводились краткосрочные курсы для учителей высших начальных училищ. Так, в 1914 г. Г.Медведев и А.Мохнатых, работавшие в Мохченском училище после окончания Тотемской учительской семинарии, обучались на таких курсах¹⁰.

В Петербурге существовали общеобразовательные курсы А.С.Черняева. Известно, что на этих курсах полтора года обучался П.Соколин, читал лекции К.Жаков. Среди слушателей этих курсов были и другие выходцы из Коми края: Ф.Г.Томов, В.А.Худяев, В.А.Ладанов, В.А.Исаков, Н.И.Покровский, Морозовы из Межадора, Налимовы, Кузьбожевы, Уродовы, Кулакова, Тентюкова и др. Судьба Филиппа Чукичева из с.Вездино, обучавшегося на этих курсах, прослежена в статье И.Н.Костроминой¹¹.

Летом 1916 г. на улицах г. Усть-Сысольска появились объявления об открытии в городе мужской учительской семинарии. В объявлениях отмечалось, что "в семинарию принимаются по экзамену молодые люди всех сословий, православного вероисповедания, не моложе 15 лет, физически вполне здоровые. Курс обучения в семинарии 4-х летний. При семинарии имеются казенные стипендии (по 180 руб. каждая). Казенные стипендиаты семинарии по окончании в ней курса обязаны прослужить в должности учителей начальных училищ не менее 4-х лет"¹². Потребность в открытии семинарии была вызвана ростом численности школ и нехваткой учителей в Коми крае со специальной подготовкой.

Для организации учебного процесса были приглашены учителя женской гимназии, высших начальных училищ Усть-Сысольска и Ношули, получившие образование в высших учебных заведениях Петербурга: С.М.Каленик, М.В.Галахов, В.А.Молодцов, Я.С.Курбатов. Я.С.Курбатов был назначен наставником учительской семинарии. Директор семинарии М.Успасский, рекомендуя его на эту должность, отмечал, что "Я.Курбатов известен как весьма опытный преподаватель, ведущий занятия с отличными успехами и интересующийся учебным делом..."¹³ С.Каленик и М.Галахов первоначально работали на условиях почасовой оплаты, а затем были зачислены в штат учителей семинарии. Так, на заседании педагогического совета семинарии 9 марта 1918 г. было рассмотрено прошение С.М.Каленика о назначении его штатным преподавателем семинарии по математическим предметам. При обсуждении вопроса было отмечено, что "Каленик обладает достаточным педагогическим опытом, занятия в семинарии ведет с похвальным усердием и добросовестностью и успешно"¹⁴, и принято решение о назначении С.Каленика штатным учителем по математическим наукам в семинарию с 1 июля 1918 г. В этом же году и М.Галахов был утвержден в должности штатного учителя русского языка Усть-Сысольской семинарии.

Образование в высших учебных заведениях Петербурга получили такие известные представители коми интеллигенции, как Г.С.Лыткин, К.Ф.Жаков, П.А.Сорокин, имена которых достаточно известны, работы этих ученых публикуются, проводятся научные конференции, посвященные изучению их научной деятельности.

Определенную роль в подготовке интеллигенции уезда сыграло Усть-Сысольское земство. Для местных уроженцев оно выделяло специальные земские стипендии и направляло их для обучения в разные города, в том числе и в Петербург. Земские стипендиаты обучались в Санкт-Петербургском Надеждинском родовспомогательном институте (Коновалова С., Габова А., Подорова В., Ципанова М.), в Санкт-Петербургском учительском институте (Дриацкий М., Чеусов И., Пуцятю Н., Никитин А.), на Санкт-Петербургских сельскохозяйственных высших курсах (Латкин С.), на Санкт-Петербургских высших физико-математических курсах (Тентюкова Е., Оботурова А.). Земские стипендиаты брали на себя обязательство после завершения обучения отработать несколько лет в уезде, в противном случае они обязаны были возместить выплаченную им денежную сумму.

С достаточной долей вероятности можно предположить, что на территории Коми края в рассматриваемый период работали выпускники и других учебных заведений Петербурга.

Итак, в конце XIX - начале XX в. преподавательский состав учебных заведений Усть-Сысольска и высших начальных училищ был достаточно сильным по своей профессиональной подготовке, этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что здесь работали выпускники учебных заведений Петербурга.

В рассматриваемый период лишь незначительная часть местных уроженцев могла получить образование за пределами Коми края, в том числе и в Петербурге.

Отрадно отметить, что традиции подготовки специалистов для Коми края в учебных заведениях Петербурга, сложившиеся в дореволюционный период, были продолжены и в последующем. Большую помощь учебные заведения Петербурга сыграли и в развитии высшей школы Республики Коми.

***

1. ЦГА РК. Ф. 182. Оп.1. Д.195. Л. 106-106 об.
2. Там же. Л. 116.
3. Там же. Л.119.
4. Там же. Л.124.
5. Там же. Л.197 об., 201 об.
6. ЦГИА СПб. Ф.139. Оп.1. Д.10094. Л.1об.
7. ЦГА РК. Ф.182. Оп.1. Д.195. Л.207.
8. ЦГА РК. Ф.192. Оп.1. Д.31. Л.40 об.
9. ЦГИА СПб. Ф.139. Оп.1. Д.15378. Л.371-371об.
10. ГААО. Ф.61. Оп.1. Д.1619. Л.8.
11. Костромина И. Ученик Каллистрата Жакова // Красное знамя. 1990. 1 июля.
12. ЦГА РК. Ф.184. Оп.1. Д.1. Л.15.
13. Там же. Д.3. Л.9.
14. Там же. Оп.2. Д.2. Л.38.

**ОРГАНИЗАТОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
А.И.А.И.ТОЛМАЧЕВ**

*Рощевская Л.П.
Сыктывкарский университет*

Имя Александра Иннокентьевича А.И.Толмачева (21.09.1903-14.11.1979), крупного ученого, вице-президента Всесоюзного ботанического общества, заведующего кафедрой систематики высших растений Ленинградского университета, действительного члена Немецкой академии естественных наук, Заслуженного деятеля науки России и Таджикистана¹, достаточно хорошо известно в кругах ботаников и естественников. В то же время его роль в становлении и развитии научных исследований самого широкого профиля еще не стала предметом специального изучения, хотя в различных изданиях его имя

---

¹ Юрцев Б.А. Развитие идей и научных начинаний А.И.Толмачева в современной ботанике // Ботанический журнал. 1994. № 6.

упоминается¹. Источниками для данной статьи послужили архивные материалы, а также анализ личной библиотеки А.И.Толмачева, хранящейся в научной библиотеке Сыктывкарского государственного университета.

А.И.Толмачев происходил из известной семьи. Внук академика А.П.Карпинского, он и жил у деда долгие годы, сопровождал его в экспедициях и поездках. Он испытал сильное влияние семейных традиций и интеллигентного научного окружения². В письме к А.И.Толмачеву исследователь И.С.Хантемир вспоминал в 1961 г. "событие четвертьвековой давности": "Мы остались с Вами вдвоем, сидели в полутьме за самоваром и Вы долго рассказывали мне о Вашем детстве в доме Вашего великого дедушки... Ваш рассказ тогда произвел глубочайшее впечатление и пробудил во мне глубочайшее уважение к Вашему роду не только как к роду ученых, но и замечательной русской семье, необыкновенно доброй, душевной и благородной"³.

А.И.Толмачев был ученым секретарем Полярной комиссии по изучению Северного края Академии Наук и стоял у самых истоков создания научных учреждений на Европейском Севере: был председателем Бюро по изучению Северного Края Полярной Комиссии АН СССР (1934-1936) и директором Северной Базы АН СССР (1939-1941).

В январе 1933 г. в Полярной комиссии слушали проект пятилетнего плана полевых работ Академии Наук в Северном крае. Было решено отправить в Печорский край комплексную научную экспедицию, позже получившую название Печорская бригада и создать Базу АН СССР в Печорском крае. 17 октября 1933 г. А.И.Толмачев доложил Президиуму АН СССР о работе Печорской бригады. Президиум признал необходимым включить Печорский бассейн в число основных районов исследовательской деятельности Академии Наук, санкционировать поездку Полярной бригады в 1934 г. на о. Вайгач, создать бюро Полярной комиссии по изучению Северного края в Архангельске. В декабре 1933 г. было утверждено Бюро Полярной комиссии. Председателем был назначен А.И.Толмачев. Он подчеркивал, что в состав Бюро вошли крупнейшие специалисты (профессора Н.М.Книпович,

---

¹ Коми Научному Центру Уральского отделения Российской Академии Наук 50 лет. Сыктывкар. 1994. С. 6; Тимонин Н. Организация академического учреждения в Республике Коми // Так начинался Коми Научный Центр... Сыктывкар. 1996. С. 8-9; Малкова Т.А. Исследование территории Коми края Академией Наук СССР в 20-30-е гг. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века / Труды ИЯЛИ. Вып. 61. Сыктывкар. 1996. С. 38; Мартыненко В.А., Котелина Н.С. Александр Иннокентьевич Толмачев. Сыктывкар. 1998. Опубликованы воспоминания Н.С.Котелиной. Б.И.Груздева.

² В составе его библиотеки всего несколько книг знаменитого деда, в том числе сочинения Карпинского, изданные в 1945 г. Сохранилось несколько книг его отца, а также работы о них. Некоторые книги по истории семьи имеют на полях читательские отметки и оценки.

³ Научный архив Коми Научного центра Уральского отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН), Ф. 14. оп. 4. Д. 23. Л. 15.

В.С.Шенников, С.В.Керцелли, А.А.Чернов и другие ученые)¹, а назначение А.И.Толмачева председателем доказывает, что уже тогда признавался его научный авторитет и большие организаторские способности.

В феврале 1935 г. в Москве на расширенном совещании АН СССР, посвященном проблемам перспективного освоения природных ресурсов и производительных сил Ухто-Печорского края, А.И.Толмачев выступил с докладом. К этому времени уже была разработана "Рабочая гипотеза народнохозяйственного освоения Ухта-Печорского края" (М., 1935)². На первое место А.И.Толмачев поставил проблему изучения горючих ископаемых нефти и угля, подчеркивал необходимость не только уточнения известных запасов, но и поисков новых месторождений, считая важнее всего удобные в транспортном отношении месторождения угля. Вторую задачу он видел в поиске таких полезных ископаемых, которые потребуют для освоения больших энергетических затрат, в том числе на Пай-Хое. Третью задачу он видел в определении количества запасов и качества леса. Немаловажным он считал изучение гидрометеорологического режима, изучение рельефа для транспортного строительства, картографические исследования. Последнее было особенно необходимо, по мнению А.И.Толмачева, т.к. ученые все еще пользовались картами, составленными экспедицией Гофмана в XIX в. На пятом месте А.И.Толмачев поставил изучение природы края: "нельзя миновать такие вопросы, как сельскохозяйственная база в связи проблемой снабжения промышленных предприятий". Иными словами, он определил научную последовательность в изучении Европейского Северо-Востока.

Основным задачам научно-исследовательских работ в Печорском крае он посвятил в 1936 г. специальную статью "Работы АН СССР по изучении Печорского края и основные задачи дальнейших научно-исследовательских работ". А.И.Толмачев настаивал на том, что нельзя обойтись в печорском районе только экспедициями, что необходимо вести здесь стационарные исследования и осуществлять их комплексно. Академия наук, считал А.И.Толмачев, сделала до революции существенный вклад в изучение Припечорья, но оно проводилось под влиянием индивидуальных научных интересов отдельными видными работниками Академии Наук. После 1917 г. изучение Печорского края не отражено в более значительных работах Академии Наук. В 1921-1922 гг. Полярная комиссия Академии Наук участвовала в изучении о. Вайгач и Югорский Шар. Первый крупный цикл работ Академии Наук по изучению Печорского края выполнила североуральская экспедиция АН и Уралплана летом 1924 г. под руководством Б.Н.Городкова. Его результаты были весьма значительны: проведены съемки Уральского хребта и получена

---

¹ Толмачев А.И. Академия Наук СССР и изучение северного края // За социалистическую науку. 1933. № 896.

² Книга имеется в библиотеке А.И.Толмачева.

надежная основа картографирования территории. Однако, по мнению А.И.Толмачева, участники этой экспедиции не уделяли особого внимания полезным ископаемым, их материал не обработан, не опубликован и поэтому мало используется.

А.И.Толмачев показал заслуги Коми-Печорской экспедиции 1930 г. под руководством Д.Д.Руднева, которая разработала методику изучения оленьих пастбищ, составила библиографию Печорского края и сводную карту северной части Печорского края. "Все перечисленные работы, при разных достоинствах и недостатках и при весьма различной эффективности, с народно-хозяйственной точки зрения, имели одну общую черту. Они ставились вне общего единого плана, подчинялись либо планам отдельных циклов исследований, выдвигавшихся независимо друг от друга и взаимно не связанных,... либо проводились просто беспланоно, как эпизодические мероприятия". Другая причина общей слабости и несистематичности работ Академии Наук - "недостаточно ясное представление о путях, по которым должно идти освоение его, неясность того, разрешению каких основных народнохозяйственных задач должны содействовать работы по его изучению". Практика показывает, считал А.И.Толмачев, что комплексные исследования призваны только намечать первоначальные пути осмысления территории. При относительной легкости составления такого плана его соответствие потребностям ничем не гарантируется и не поддается проверке.

А.И.Толмачев подчеркивал, что только геологические исследования в пределах печорского угольного бассейна и ухтинской нефти создали предпосылки для представления о Печорском крае как возможной новой топливной базе. Этими обстоятельствами он объяснял деятельность Академии Наук по созданию Печорской бригады. Он как бы подводил итоги деятельности Печорской бригады и высоко оценил гипотезу народно-хозяйственного развития Печорского края, которая позволяет наметить основные линии будущих исследований.

А.И.Толмачев разрабатывал схему развития научных учреждений собственно на территории Коми края. Большое значение он придавал работам АН СССР по изучению вечной мерзлоты еще в 1931-1932 гг., а в 1934 г. считал необходимым открыть стационарный мерзлотный пункт на Воркутинском руднике¹. Он писал о необходимости создать в Усть-Цильме сельскохозяйственную станцию, ратовал за сохранение в составе Базы АН СССР трех секторов (геологического, ботанического и зоологического), но считал этого недостаточным для научных исследований. Он наметил перспективу для развития в Коми Автономной Области таких направлений, как почвоведение, лесопромышленные и экономические исследования.

¹ В личной библиотеке А.И.Толмачева сохранилась книга Г.Ф.Писарева и Н.В. Датского "Вечная мерзлота и условия строительства в Усинской лесотундре Северного края" (1934) с дарственным автографом авторов А.И.Толмачеву от 17.01. 1935 г.

В 1940 г., обсуждая тематику работ Северной Базы АН СССР по Коми области, он предлагал сосредоточить в постоянной рабочей группе часть персонала геологического сектора и лесохозяйственной группы ботанического сектора.

Много лет спустя, в 1959 г., он писал, что, "оценивая деятельность научных учреждений на периферии, нельзя исходить только из того, что дало и что даст данное учреждение сейчас. Надо помнить и о том, что оно может дать в будущем". Он неоднократно подчеркивал, что в Коми филиале АН СССР "заложена *прочная база* для научной работы на Севере и потребность в ней будет *расти*" (курсив А.И.Толмачева). В письме к исследовательнице А.Н.Лашенковой в Сыктывкар он писал в 1959 г.: "Кажется, что "пересмотреть сеть" научных учреждений, ликвидировав то или иное из них, - простое дело, если кого-то вплотную задевающее, то разве лишь группу научных работников, теряющих казавшееся устойчивым служебное положение. А на деле при этом рушат живое дело, часто рушат так, что восстанавливать потом трудно... Дела филиалов АН продолжают меня тревожить. Самое худшее - это то ощущение неустойчивости, неуверенности в завтрашнем и послезавтрашнем дне, которое вдальбливается в сознание работников филиалов неосторожной постановкой вопросов об их судьбах".

Конечно, ученый никогда не прекращал собственные научные исследования. Еще в апреле 1935 г. А.И.Толмачев планировал исследования на Печорском Севере. Он писал в Президиум АН СССР, что кроме основной научно-организационной работы может уделить время работе по специальности и просил выделить немного средств на расходы по научно-теоретической работе в области изучения флор Северного края. В 1937 г. под руководством А.И.Толмачева большая группа ученых Северной Базы завершила отчет о сорнополевой растительности Северной Области¹. А.И.Толмачев в предисловии подчеркнул и прикладной и теоретический результат проведенной работы, выделил, какие районы изучены коллективом лучше, обратив внимание на изменение административно-территориальных границ.

Наряду с изучением сорно-полевой растительности А.И.Толмачев организовал в феврале 1938 г. изучение лекарственно-растительного сырья в Архангельске. Не останавливаясь подробнее на ботанической и флористической деятельности А.И.Толмачева, выделим его вклад в развитие других направлений науки.

А.И.Толмачев очень заботился о собирании самых разных сведений по Печорскому краю. На упоминавшемся расширенном совещании по проблемам перспективного освоения природных ресурсов — и производительных сил Ухто-Печорского края, созванном АН СССР (февраль 1935 г.), А.И.Толмачев говорил, что "вопросы труда, его

---

¹ Дылис Н.В., Перфильев И.А., Толмачев А.И., Хангемир И.С., Эшштейн В.М., Юдин Ю.П. Сорно-полевые растения Северной области (Архангельская область, средняя и восточная части Вологодской области) (НА КНИЦ УрО РАН.Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. 642 с., 23 илл.)

организации, вопросы культуры, особенно национальной культуры Коми области и ненцев, не должны оставаться вне внимания научных учреждений". В мае 1935 г. по его инициативе в Сыктывкаре рассматривали план работ Коми научно-исследовательского института и проспект словника Коми областной советской энциклопедии. В 1936 г. он упоминал библиографию Печорского края как определенное достижение в изучении истории региона, но "к сожалению, признанную негодной". Сохранилось несколько писем, в которых он выяснял судьбу подготовленного библиографического указателя: "Рукопись библиографии по Коми области была в [Совете по изучению производительных сил СССР]. Копии имеются в Северном крайплане и Коми облплане. Какова судьба основного экземпляра рукописи после передачи его в "доработку", мне осталось неизвестно".

В феврале 1930 г. А.И.Толмачев обратился в Общество изучения Коми края с просьбой сообщить, какие средства и когда могут быть выделены для завершения работ по сбору исторического материала в центральных архивах, библиографического указателя, для составления точной карты северных границ Печорского края и на полевые работы по изучению Коми Автономной Области¹. Вместе с известным археографом А.И.Андреевым А.И.Толмачев стал руководителем работ по подготовке сборника исторических материалов по Коми краю. К сожалению, из-за отсутствия средств сборник не был подготовлен².

К военному времени относится статья А.И.Толмачева "Правильно организовать краеведческую работу". Он серьезно интересовался проблемами краеведения. В его библиотеке сохранились программа работы I всероссийского краеведческого съезда, несколько изданий архангельского общества краеведения (1925 г.).

Как крупный ученый, А.И.Толмачев много занимался рецензированием, при этом не замыкался в профессиональных интересах. Сюжеты исследований были связаны с ботаникой, географией, почвоведением и другими отраслями естественных наук. Известно несколько его очень подробных рецензий на рукописи и опубликованные работы коллег³. Он придерживался при этом определенных принципов. Критика должна быть доброжелательная и обстоятельная, проявлять уважительное отношение к работе, недостатки надо указывать обязательно и постараться сделать это убедительно. Интересно его отношение к отзывам на собственные исследования. В одном из благодарственных писем рецензенту он писал, что публикация

¹ На Республики Коми. Ф. 963. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

² Рошевская Л.П. Археографическая работа Общества изучения Коми края в 1920-х гг. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар. 1990. Ч. 2. С. 73-74.

³ Материалы по земельно-водному устройству Большеземельской тундры, собранные экспедицией Северного Государственного земельного треста Северного управления земледелием в 1932-1933 гг. А.И.Толмачев оценил как "материал ценный, хотя и неполный и ориентировочный".

книги будет иметь одним из результатов выявление разных неточностей, а исправление ее дефектов будет результатом публикации (1940).

Кругозор и научные интересы А.И.Толмачева поистине впечатляют. 23 августа 1939 г. он писал вице-президенту АН СССР акад. О.Ю.Шмидту, что в 1936-1937 гг. на Северной Базе АН СССР А.Е. Первухиной выполнена работа по соляным источникам Севера. Он настаивал на поисках каменной соли или концентрированных рассолов на Севере.

Есть еще один аспект деятельности А.И.Толмачева. Его творческая биография связана с периодом, когда на Севере происходило становление ГУЛАГа. Прямых указаний на наличие этой структуры в Коми АССР в исторической литературе 1930-х гг. искать бессмысленно. Завесу тайны приоткрывали ученые других отраслей знаний, прежде всего А.И.Толмачев. Ему принадлежит инициатива в публикации исследований, которые вели в закрытой системе ГУЛАГа. 28 апреля 1935 г. А.И.Толмачев, как редактор "Трудов Полярной комиссии", обратился к начальнику ГУЛАГ НКВД М.Д.Берману с предложением опубликовать в трудах Полярной комиссии исследования Ухто-Печорского треста НКВД по геологии. А.И.Толмачев отмечал, что в Ухто-Печорском тресте сосредоточены громадные материалы по геологии, но не уделено внимания сельскохозяйственному освоению. Анализируя основные этапы и направления деятельности научных учреждений на Севере, А.И.Толмачев говорил о необходимости научно-критической оценки данных, добытых в разных организациях, прежде всего в Ухто-Печорском тресте НКВД. Статьи А.И.Толмачева предопределили развитие историографии изучаемой проблемы, т. к. историки учитывали авторитет А.И.Толмачева. В его статьях о работе Печорской бригады АН СССР в 1933 г. уже были намечены некоторые концептуальные послылки для оценки роли ГУЛАГа на севере.

Много и постоянно А.И.Толмачев занимался издательской деятельностью. В декабре 1935 г. Президиум АН СССР утвердил состав редколлегии сборника "Проблемы Печорского края". В нее вошли акад. А.П.Карпинский, И.М.Губкин, А.И.Толмачев и другие ученые. Он добился разрешения публиковать академические издания в Архангельске, о чем свидетельствует письмо к нему из редакционно-издательского совета АН СССР от 5 октября 1937 г. Он обратился в отдел печати Архангельского обкома партии и в архангельское областное издательство с предложением опубликовать серию популярных книг о природе, изучении и освоении севера. В сущности, он изложил целую программу: нужно издать популярную обзорную работу по оленеводству; "интересный объект для научно-популярного географического описания - полуостров Канин." В составленный им список включены также труды ботаника И.А.Перфильева¹. Сохранилось несколько его писем к бывшему

---

¹ Среди коллег, с которыми много пришлось сотрудничать А.И.Толмачеву, был ботаник И.А.Перфильев. Уже после его кончины Толмачев помогал в подготовке книги о нем. В его личной библиотеке сохранилась брошюра В.Страхова "Жизнь, отданная Северу" с

вице-губернатору Архангельской губернии, создателю Архангельского общества изучения русского Севера, известному библиографу и экономисту А.Ф.Шидловскому о возможности издания брошюры о П.Крузенштерне.

А.И.Толмачев считал, что "пора бы серьезно, но в широко доступной форме осветить старые плавания поморов в Ледовитом океане - походы на Новую Землю, Грумант (Шпицберген), Колгуев и т.д. Книжка должна охватить весь период от начала развития русского мореходства на Севере и до периода утраты значения поморским парусным флотом в связи с развитием пароходства. Книжка не должна представлять в строгом смысле историю поморских плаваний", материала много, но его надо обработать. "Вместе с тем надо четко показать, в какой экономической и политической обстановке осуществлялись плавания поморов. Отсутствие всякой поддержки инициативы предприимчивых людей, полное предоставление смелых мореплавателей самим себе и т.д. При надлежащем показе этой обстановки читателю станет понятным с первого взгляда не всегда правильно воспринимаемый факт постепенного отставания русских мореплавателей от иностранных в XIX столетии, факт "отхода на задний план" той группы северных моряков, которая в свое время бесспорно являлась передовой и наиболее стойкой не только в арктическом мореплавании собственно, но и в промысловом освоении арктических островов".

В результате большой организационной работы А.И.Толмачева к 1 августа 1938 г. издания Бюро по изучению Северного края, а также рукописи, уже поступившие в издательство, составили 31 название, что предопределило издательские планы на Севере на много лет.

На запрос издательства, планирует ли сам А.И.Толмачев участвовать в работе, он ответил: "Будучи крайне загружен своей научной и организационной работой, я не рискну предлагать издательству свои услуги в качестве автора. Если буду иметь возможность заняться литературной работой, я предпочту сделать это, не принимая на себя предварительно никаких договорных обязательств, и в случае удачи представлю на рассмотрение издательству ту или иную готовую рукопись".

А.И.Толмачев развернул большую популяризационную работу по пропаганде деятельности научных учреждений на Севере¹. Выявлены его статьи в журналах и газетах "Вестник знания", "Правда Севера", "Хозяйство Севера", "За социалистическую науку", "Ленинградская правда" и в других изданиях². В "Вестнике АН СССР" А.И.Толмачев

автографом "Александру Иннокентьевичу Толмачеву с благодарностью за помощь в работе над этой книгой с глубоким уважением В. Страхов. Июнь 1976 г. Ярославль".

¹ Толмачев А.И. Академия Наук на Севере // За социалистическую науку. 1933. 31 дек.

² Толмачев А.И. 1. Печорская бригада АН СССР // Хозяйство севера. 1933. № 2.; 2. О работе Печорской бригады АН СССР // Там же. 1934. №1-2. 3. Научно-исследовательские работы в Северном крае // Там же. 1934. № 11; 4. Печорская бригада и Полярная

опубликовал четыре работы. Его статьи можно рассматривать как постановочные, рассчитанные на широкого читателя.

Документы показывают А.И.Толмачева как человека, великолепно владеющего жанром путевых записок: "Долго и труден путь к Воркуте. Поселений на берегах мало и они невелики. И резко контрастирует с этой картиной безлюдья то, что мы видим на правом берегу Усы, утром 17-го [июля], подходя к устью Воркуты. Новые дома бараки, склады более десятка баржей, разгружающихся у берега реки, груды лесоматериалов, вагонетки, рельсы: картина оживленная, бурного строительства!... Рудник расположен дальше на север, километрах в 60-ти по прямой линии... Знакомимся еще с небольшим рудничным поселком. В нем мало основательно построенных зданий, большинство - небольшие и не очень плотные. На всем - печать трудностей."

А.И.Толмачев вел и большую преподавательскую работу. К 1938 г. относится подготовленный, видимо, для печати курс лекций "Дарвинизм", содержащий около 450 маш. стр.¹

А.И.Толмачев всегда заботился о рациональной работе библиотек. Будучи заместителем директора Северной Базы АН СССР, расположенной в Архангельске, в 1936 г. уже через полгода после ее создания, он командировал в Ленинград в Библиотеку АН СССР библиотекаря для "ознакомления с постановкой библиотечной работы, установления контакта по выписке литературы, обмену дублетами и о проч."

А.И.Толмачев впервые посетил Коми край в 1927 г. в составе Коми-Печорской экспедиции, которая ставила цель комплексного изучения Малоземельской тундры и флористических исследований в дельте Печоры. Литература по Коми краю в достаточном количестве отложилась в его личной библиотеке. Кроме ботанических исследований, надо назвать работу П.Н.Крылова "Вишерский край" (1926), Труды Печоро-Ильского заповедника (1940), "К проблеме Печорского промышленного комбината" (б. д.), "Результаты геологоразведочных работ Ухто-Печорского района", сочинения А.Сняткова, А.А.Жилинского, Бессонова, записки С.В.Керцелли, книгу Г.А.Старцева "Самоеды (Ненча). Историко-этнографический очерк" (1930). Несколько книг посвящены геологическому изучению Северного Урала. Наиболее поздние из них относятся уже к 1970-м годам. К этой же группе надо отнести монографию известного впоследствии ученого филолога В.Базанова, жившего в эвакуации в Сыктывкаре, "Из литературной полемики 60-х годов" (Петрозаводск. 1941).

комплексная экспедиция. Общий очерк // Экспедиция АН СССР. 1933. Л. 1934. С.308-311: 5. О работе Северной Базы АН СССР в III пятилетке // Новый Север. 1937. № 5.

¹ Среди уничтоженных дел имелась его статья "Против односторонности и упрощенчества в литературе по дарвинизму (по поводу книги Е.И.Лукина о географических закономерностях в изменении организмов)", а в его личной библиотеке сохранилось дореволюционное издание философа М.А.Антоновича "Дарвин и его теория" (1896) с дарственной надписью.

Начало войны А.И.Толмачев встретил в Сыктывкаре. Он остался здесь "для решения организационных вопросов", "для укупорки и отправки научного оборудования" в связи с эвакуацией академического учреждения из Архангельска и находился в Сыктывкаре до 6 августа 1942 г., когда он был утвержден директором Ботанического института Таджикского филиала АН СССР. В Сыктывкаре Толмачев продолжил организованную раньше работу по борьбе с сорняками на полях. В годы войны по его инициативе была проведена крупная работа по составлению схематической карты распространения зарослей шиповника и других витаминных и лекарственных растений по Архангельской области и Коми Автономной области. В условиях авитаминоза, вызванного военным временем, подобные разработки имели большой социально-экономический смысл.

А.И.Толмачев выехал из Сыктывкара в 1942 г., но постоянно участвовал в работе разных экспедиций, выступал в Коми филиале АН СССР с докладами, переписывался с коллегами из Сыктывкара. 26 октября 1973 г. бюро Коми обкома КПСС приняло решение о присвоении Толмачеву звания почетного деятеля науки Коми АССР¹. В сохранившихся письмах имеется множество его рассуждений о будущем науки в Коми АССР, горячая заинтересованность в делах коллег.

В 1947-1955 гг. А.И.Толмачев работал на Сахалине, поэтому не случайно у него хранились опубликованные воспоминания о Сахалине как каторжном острове, а также несколько книг по истории общественного движения России в середине прошлого века, в том числе собрание сочинений М.А.Бакунина.

Еще при жизни А.И.Толмачева его библиотека была отправлена в Сыктывкарский университет, о чем свидетельствует накладная от 22 сентября 1978 г.² Несколько ранее был подписан акт о передаче из отдела комплектования в научный читальный зал библиотеки СГУ Ботанического журнала, Вестников Ленинградского и Московского университетов, Вестника высшей школы, Известий высшей школы, реферативных журналов "Биология" (149 экз.) и других журналов - всего 579 экз.³ Кроме того, в университет была передана 31 карта, 268 названий бесплатной литературы, в том числе издания Академии Наук, программы работ общих собраний Академии Наук и академических секций, программы заседаний ученого совета Всероссийского Географического общества (1973-1974), разные доклады зарубежных ученых, программы различных научных сессий, несколько каталогов иностранной литературы, иностранные журналы и другие издания в виде

¹ Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Ф. 1. Оп. 43. Д. 30. Л. 25. Звание присуждено не было.

² Анализ личной библиотеки А.И.Толмачева как культурного и научного достояния сделан автором на научной конференции в СГУ в 1997 г.

³ Торлопов Г. В дар университету // Красное знамя. 1978. 31 дек.

брошюр и оттисков. Всего в составе личной библиотеки проф. А.И.Толмачева более 5200 названий на общую сумму 10021 руб.

Книги личной библиотеки А.И.Толмачева можно разделить на несколько групп: журналы и научная периодика, книги на иностранных языках (немецком, французском, английском и др.), русскоязычная часть.

Основную часть коллекции составляет специальная литература по ботанике и флористике. Среди них много собственных трудов А.И.Толмачева, а также книг и работ, изданных под его редакцией, опубликованные лекции, которые он читал студентам ЛГУ в 1958-1971 гг., несколько "Дневников всесоюзного совещания ботаников" (1928) и другая литература. Достойное место занимают труды сыктывкарских ботаников, многие с дарственными надписями.

Общегражданский интерес представляет вторая группа: многочисленные издания научных учреждений, расположенных на Севере и Дальнем Востоке страны: Труды Северной Базы АН СССР, Полярной Комиссии (1930-1935. Т. 1-27), а также приложения к ним, работы Мурманской биологической станции (1925), многотомники по Северному Ледовитому океану, труды комиссии по изучению Якутской СССР (1929), Труды Таймырской гидрографической экспедиции (1935)¹, Труды Сихоте-Алинского заповедника (1938), альбом иллюстраций и карт Чукотской экспедиции 1909-1910 гг. (Л. 1935). Имелась в его библиотеке Советская Сибирская энциклопедия (1929-1931. Т. 1-3). Среди оттисков имеется записка Уральского Общества любителей Естествознания (1924).

Третью группу составляют дореволюционные издания, в том числе рукописное пособие по ботанике, относящееся к середине прошлого века. К числу очень старых книг надо отнести пятитомник П.С.Палласа "Путешествие по России" (1770-1783), "Путешествие капитана Беллинсгаузена через Чукотскую землю" (1814), два экземпляра журнала "Сын Отечества" за 1819 г. с описанием путешествия Лазарева, несколько книг И.А.Лопатина с дневниками Туруханской экспедиции 1866 г. в обработке Н.Н.Миклухо-Маклая (1897), а также работы Лопатина в Записках Российского Географического Общества (1871), его же дневник Витимской экспедиции с дарственной надписью автора А.П.Карпинскому, и др.

В группе дореволюционных изданий - внушительное число справочников по лесоводству, естественно-географические путешествия, "Полное географическое описание нашего Отечества"(1903), "Путешествие по северо-восточной части Якутской области" (1896), "Карты Азиатской России" (1914), археологические дневники (1895), "Охото-Камчатский край" (1900), несколько номеров ежемесячного журнала "Морской врач" (1913), работы по Анадырскому краю (1915), "Полярная экспедиция лейтенанта Брусилова" (1914) и несколько работ членов этой экспедиции, "Материалы по исследованию Новой Земли" (1910), "Географический очерк Тобольской губернии" А.А.Дунин-

¹ В 1928-1929 гг. А.И.Толмачев возглавлял Таймырскую экспедицию.

Гаркавича (1904), "Научные результаты путешествий" (1889. Т. 1-2), "Ботанические результаты плавания ледокола "Ермак" в северном Ледовитом океане летом 1901 г." (1906) с авторской дарственной надписью, "Дневник русских естествоиспытателей и врачей в Москве (1910, несколько томов) и другие. Интерес представляют воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах "Таймыр" и "Вайгач" в экспедиции 1910-1915 гг. (М. 1929, автограф: "Многоуважаемому Александру Петровичу [Карпинскому] от автора".

Четвертая группа - сочинения видных ученых естествоиспытателей, в том числе И.М.Мичурина, Л.С.Берга (и литературы о нем)¹, юбилейные сборники, посвященные И.П.Бородину (1927), и его "Курс анатомии растений" (1910) с авторской дарственной надписью Карпинскому, "Орографический очерк" Ф.Н.Чернышева (1915), "Земля и люди" Э.Реклю, работы А.Е.Ферсмана, Р.Амудсена, "Собрание старых и новых путешествий А.Кастрена. 1838-1849" (1960) и многие другие.

Небольшую часть составляют справочники: Памятные книжки Академии Наук за 1894 и 1906 гг., Наука и научные работники СССР (Т. 2. 1926), Академия Наук СССР. Ее задачи, разделение и состав (Л. 1925) с владельческой надписью автора; Осведомительный бюллетень Академии Наук СССР. Особый комитет и исследования союзных и автономных республик (1927), книги по истории Ленинградского университета.

Многие книги из библиотеки А.И.Толмачева имеют владельческие, дарственные и читательские автографы, которые позволяют при тщательном изучении сделать интересные наблюдения о развитии его творческой деятельности, круге знакомых и единомышленников, о его роли в развитии науки на Севере. Особо надо подчеркнуть несколько книг с автографами А.П.Карпинского и дарственными надписями ему.

Выявленный архивный материал и анализ состава личной библиотеки А.И.Толмачева показывают крупную фигуру ученого и организатора научных исследований в самых разных областях, ученого с планетарным уровнем мышления и глубоко понимаемой гражданственностью.

При непосредственном участии А.И.Толмачева создавались на Севере научные учреждения, разрабатывались программы перспективных исследований и планы экономического развития региона. А.И.Толмачев проявил себя не как узкий специалист ботаник, а как человек широкого научного кругозора. Он не подходил формально к исполнению своих обязанностей, поэтому его деятельность по организации научных учреждений вышла за рамки чисто ботанических исследований. Являясь естественником по специальности, он очень много внимания уделял геологии, а также гуманитарным наукам, поощряя исследования национальной периферии. Умелое сочетание познаний в сфере естественных и социально-экономических наук позволили А.И.Толмачеву

---

¹ Работа Л.С.Берга "Открытие Камчатки и камчатская экспедиция Беринга" (1924) имеет автограф "Александру Петровичу Карпинскому в знак глубокого уважения от автора".

оценивать многие явления и процессы на Севере с принципиально новых позиций.

Особое внимание А.И.Толмачев уделял работе библиотек в научных учреждениях. Личная библиотека А.И.Толмачева отражает его разнообразные познания и интересы. Собираемая несколько десятилетий, личная библиотека отражает его жизнь и творчество, научные и человеческие интересы, видное место семьи и самого А.И.Толмачева в истории культуры страны.

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО СОЗДАНИЮ И РАЗВИТИЮ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА КОМИ РЕСПУБЛИКИ (20-80-Е ГОДЫ)

*Афанасьева Н.Л.
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*

В истории создания и развития нефтегазового комплекса Коми Республики появились особенности, методы, цена, достижения и потери индустриального освоения края, бывшего аграрной окраиной царской России.

В 1918-1919 гг. в условиях острого топливного кризиса центральное руководство страны, Совет Народных Комиссаров, ВСНХ, геологический комитет принимали меры по организации геологоразведочных работ и освоению Нефтяной Ухты. Однако гражданская война в Коми крае помешала осуществлению намеченных планов. Ухтинский район выдвигался Советским правительством как концессионный объект и как гарантия для получения Советской Россией иностранных займов. Но труднодоступная, малоисследованная Ухта не привлекала концессионеров.

В 20-е годы Коми автономная область не располагала необходимыми финансами, научными, инженерно-техническими и рабочими кадрами для освоения природных богатств края. Партийные и советские органы Коми АО обращались в ВСНХ, Геологический комитет с письмами, докладными записками, в которых обосновывали необходимость проведения геолого-поисковых исследований на нефть и строительства железной дороги на Северо-Западе через территорию Ухты.

Ухтинский нефтяной район вновь привлек внимание центральных учреждений страны в связи с открытием в апреле 1929 г. нефтяного месторождения на Урале, в Пермской области. Ухтинская геологоразведочная экспедиция, оформленная из заключенных Кемского и Соловецкого лагерей и прибывшая к месту назначения - реке Чибью, 21 августа 1929г., положила начало планомерным геологопоисковым и разведочным работам на нефть и газ, созданию и развитию нефтяной и газовой промышленности в Коми Автономии, широкому использованию

труда заключенных в индустриальном освоении природных богатств малолюдного края.

Развитие нефтегазовой промышленности находилось под жестким контролем центральных органов власти - ЦК ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР,

ОГПУ-НКВД-МВД. Выделение дополнительных капитальных вложений на освоение вновь открытых месторождений зависело от решения ЦК ВКП(б), такие вопросы, как строительство нефтешахты на Яреге, сажевых заводов входили в компетенцию союзного правительства.

Государственные, партийные и хозяйственные органы Коми автономии фактически были отстранены от управления бурным промышленным строительством, освоением нефтяных и угольных богатств на собственной территории. Их роль сводилась к оказанию практической помощи Ухта-Печорскому тресту в создании собственной продовольственной базы, переброски грузов для треста, выделении необходимого транспорта, рабочей силы и т.д.

В феврале 1938 г. ЦК ВКП (б) создает политотдел УхтоПечорского треста - чрезвычайный партийный орган, а после реорганизации лагерной системы - политотдел в УхтПечлаге, Воркутлаге, Севжелдорлаге и Печжелдорлаге. Политотделы являлись производственными партийными комитетами. Тем самым партийные организации нефтяной, угольной промышленности, геологоразведки, строительства выводились из-под контроля территориальных партийных комитетов - обкома, райкомов, которым они должны были подчиняться по Уставу партии. Политотделы выполняли двойную роль: политико-организационную и репрессивную.

В марте 1940 г. состоялась I Ухтинская районная партийная конференция, которая избрала территориальный партийный комитет - райком ВКП(б). Однако нефтяная, газовая промышленность, геологоразведка, строительство производственных объектов не входили в компетенцию Ухтинского РК ВКП(б).

После перехода Ухткомбината в ведение Министерства нефтяной промышленности СССР, ликвидации политотдела, системы лагерей в этой отрасли влияние Коми обкома, Ухтинского горкома партии на положение дел в нефтегазовой промышленности усиливается по сравнению с предшествующими десятилетиями.

1953-1958 годы были кризисными в истории развития этой отрасли в Коми АССР. В этот период идет массовое освобождение заключенных из лагерей. Очень остро встали проблемы обеспечения предприятий нефтегазовой промышленности квалифицированными инженерно-техническими и рабочими кадрами, жилищного строительства, технического прогресса на нефтепромыслах, газопромыслах, геологоразведочных и строительных организациях. Вследствие длительного невыполнения геологами Ухтокомбината планов прироста промышленных запасов нефти и газа встал вопрос о безнадежности разведки на эти виды полезных ископаемых в Коми АССР, о передаче

отпущенных на нее средств в другие, действительно перспективные районы. В 1958 г. стратегия и методика геолого-поисковых и разведочных работ была изменена. В результате был осуществлен переход от концентрации работ в одном, юго-восточном, направлении к поискам нефти и газа сразу в нескольких направлениях, к широкому изучению всей территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

С 1959 г. начинается второй этап в развитии нефтяной и газовой промышленности Коми Республики, характеризующийся резким повышением эффективности геологоразведочных работ, открытием таких крупных месторождений, как Западно-Тэбукское нефтяное, Вуктыльское газоконденсатное, Усинское нефтяное и другие.

Как и в предшествующие десятилетия, стратегические направления и тактические подходы по развитию нефтяной и газовой промышленности Коми АССР определяли центральные органы власти: ЦК КПСС, Совет Министров СССР, министерства. Из года в год увеличивались капитальные вложения в эти отрасли, форсированными темпами шло обустройство открытых месторождений, строительство целой системы магистральных нефте- и газопроводов. С 1960 по 1981 г. добыча нефти увеличилась в 25,5 раза, добыча газа - в 19,7 раза.

Коми ОК КПСС, горкомы, райкомы в значительной мере выполняли координирующую роль в деятельности различных предприятий и организаций нефтегазового комплекса Коми Республики, подведомственных многочисленным союзным министерствам. Местные органы власти, отстаивая интересы населения Коми АССР, добивались развития социальной сферы, но возможности были очень ограничены.

Результатом стратегии Экстенсивного освоения природных ресурсов Коми Республики, форсированной разработки крупных месторождений, чрезмерного отбора наиболее продуктивных запасов нефти и газа, финансирования социальной сферы по остаточному принципу, низкого уровня решения экологических проблем, явился кризис нефтегазового комплекса Коми Республики в 90-е годы.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КОМИ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900-1917 ГГ.)

*В. И. Чупров
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН*

Развитие сельскохозяйственного производства продолжало определяться господством мелкого крестьянского хозяйства. Частновладельческие хозяйства купцов, церковей и монастырей не получили большого развития и существенно не влияли на сельскохозяйственное производство. В начале XX в. продолжали развиваться обе отрасли: и земледелие, и скотоводство. В зависимости

от почвенно-географических условий земледелие в уездах края развивалось неодинаково. Почти повсеместно земледелие было распространено в Усть-Сысольском и Яренском уездах.

В Усть-Сысольском и Яренском уездах земледелие велось в основном с трехпольным севооборотом со значительным сохранением подсечного и залежного хозяйства. Дореволюционные исследователи обратили внимание на систему земледелия в Коми крае, которая имела отличия от других районов Севера. "Зырянское трехполье, - писали они, - имеет ту оригинальную черту, что здесь удобряется участок, идущий под яровой хлеб, озимь же (рожь) сеется на ежегодно неудобренный пар, распахиваемый три или четыре раза".

Наряду с развитием трехпольной и однопольной систем во всех районах края сохранилась патриархальная система земледелия - подсечно-огневая, залежная и перелог. Все эти архаичные системы хлебопашества были вызваны недостатком земли в крае, "благодаря" жесткой ограничительной земельной политике царизма. Хотя многие исследователи утверждают о хищническом использовании земли, однако перелог, залежь, подсека были тем дополнительным земельным фондом, когда при первой возможности крестьянин старался превратить их в регулярно обрабатываемую пашню. Подсечное земледелие вели как бедные, так и зажиточные крестьяне. Так, например, в Кочергинской, Ношульской, Борисовской, Шиловской и Уркинской волостях Усть-Сысольского уезда в 1901 г. подсеки имели от 73% до 95% наличных крестьянских хозяйств. На подсеках крестьяне сеяли главным образом рожь, частично - лен и обычно получали большие урожаи. Урожайность на подсеках доходила до "сам" 20 и более. Подсеки требовали колоссальной затраты труда, однако, находясь в тисках малоземелья, крестьяне вынуждены были прибегать к этой экстенсивной системе хозяйства.

Основными сельскохозяйственными культурами, которые высевались в крае были: рожь, ячмень, овес, пшеница, лен, конопля, картофель.

Львиную долю посевов составляли ячмень и рожь, а в Печорском уезде ячмень занимал 90% всех посевов. Пшеница и кормовые травы засеивались преимущественно в зажиточных хозяйствах и в опытным порядке. Возможности для возделывания льна и конопли были ограничены, тем более приобрести семена этих культур было негде. Картофель, который хорошо рос, имел еще слабое распространение. Крестьяне больше доверяли и надеялись на свои запасы зерновых культур, поскольку привоз муки в край сопровождался большими трудностями из-за плохого состояния дорог или их отсутствия.

Почвы на территории края были подзолистые, супесчаные и суглинистые - малоплодородные и требовали систематического удобрения. Единственным удобрением в крае был навоз. Средняя урожайность зерновых за период с 1902 по 1910 годы на облагаемых поземельным налогом крестьянских полях в Коми крае по отдельным уездам была такова: в Усть-Сысольском уезде рожь - сам-6,7, ячмень -

сам-4,7, пшеница - сам-5; Яренском уезде рожь - сам-5, ячмень - сам-4, пшеница - сам-5; в Печорском уезде рожь - сам-4,3, ячмень - сам-4,5. Урожайность на подсеках была намного выше, чем на надельных землях. Однако и подсека также не всегда давала гарантированного урожая. Крестьянская пословица: "Подсека год родит, да год зорит" в Коми крае оправдывалась. Опросы, проведенные участниками экспедиции Л.Рума в начале XX в. среди крестьян Усть-Сысольского уезда, свидетельствовали, что подсека давала лишь 50% гарантированного урожая.

В целом же размеры надельной земли, занятые под посевами зерновых культур были мизерными, они не превышали и одной десятины, в среднем, на один крестьянский двор. Так, в Сысольских волостях на один двор приходилось в 1909 г. 0,85 дес. всех посевных площадей, включая и расчистки, в Слободской волости в 1912 г. на 180 крестьянских дворов приходилось 103,6 дес. пахотной земли, т.е. в среднем на двор около 0,6 десятин, в Вотчинской волости подобных земель оказалось 403,7 дес., приблизительно на 600 дворов или на один двор пашенной земли насчитывалось 0,7 десятин. Это средние показатели. За ними скрываются хозяйства разной степени обеспеченности землей. Однако следует признать, что пашня размером менее десятины на один двор была крайне мизерной.

Небольшие земельные наделы, составляющие основу жизнедеятельности коми крестьян при слабой урожайности северных земель, определяли незначительную обеспеченность их хлебом. В 1895 г. в Коми крае было собрано 1500398 пудов различных хлебов. В расчете на наличную душу приходилось только около 9 пудов хлеба. Этого было, конечно, недостаточно. В 1911 г. в крае было собрано, по приблизительным данным, 1880324 пудов хлеба. На 223661 человек, проживающих в крае, приходилось по 8,4 пудов.

Бюджетное обследование крестьянских хозяйств Вологодского уезда Вологодской губернии в 1905 г. установило годовое потребление взрослого едока-мужчины в 24, 34 пуда хлеба.

Таким образом, 8-9 пудов, что приходилось в Коми крае на человека, было недостаточно и явно не обеспечивало прожиточного минимума. Даже в самые урожайные годы край нуждался в привозном хлебе. Бедняцкие и середняцкие хозяйства вынуждены были систематически покупать хлеб, брать в долг, в ссуду. В Усть-Сысольском уезде количество дворов, бравших хлебную ссуду, колебалось по волостям от 15 до 80%.

Негативное влияние на земледелие в крае оказывала и чересполосица. Ярким свидетельством этого являются поземельные книги сельских обществ. Они показывают, что на одном участке поля одни и те же крестьяне имели по несколько полос, расположенных отдельно друг от друга. Те же земельные книги показывают, что в редких случаях крестьянское хозяйство имело надельную землю менее чем на 10 полос. По наблюдениям М.А.Большакова в верхневычегодских волостях крестьянское поле дробилось здесь на "15-20 полос,

разбросанных в различных местах". К подобной чересполосице приводили и переделы сенокосных земель. Общинный сенокосный надел Шешкинской общины в 1914 г. состоял из 1199 полос. По количеству полос крестьянские хозяйства распределялись следующим образом: имеющие до 5 полос - 20,2%, от 5 до 10 полос - 63%, от 15 до 20 полос и выше - 16,8%. Встает вопрос: "Можно ли эффективно хозяйничать при наделе, разделенном на десятки полос?". Ответ, видимо, однозначен. Положение осложнялось еще и тем, что наряду с внутридеревенской общинной чересполосицей существовала межселенная чересполосица. Чересполосица заставляла крестьян вести принудительный севооборот, препятствуя развитию более интенсивных систем земледелия, крайне тормозя развитие крестьянского хозяйства.

Отсталому земледелию соответствовал и упрощенный сельскохозяйственный инвентарь.

По переписи 1910 года 35 тыс. хозяйств имели 30087 сох, 5000 косуль и только 392 плуга. Причем 377 плугов были деревянные и лишь 15 железные. На 100 орудий вспашки приходилось 84 сохи. Если в среднем по России соха и сабан занимали 56,0% всех орудий вспашки, то в Коми крае этот процент доходил до 98,7. Одно улучшенное орудие в среднем по России в 1910 году приходилось на 82,5 хозяйств. Одним словом, обеспеченность улучшенными сельскохозяйственными орудиями хозяйства коми крестьянина была в 29,5 раза ниже среднероссийской. Сложных сельскохозяйственных машин практически не было. Во всех крестьянских хозяйствах края насчитывалось 3 конных молотилки, 26 ручных молотилок и 72 вейлки. Замена примитивных дедовских орудий происходила очень медленно.

Вторым, тесно связанным с первым, важным аспектом характеристики сельскохозяйственного производства является вопрос об обеспеченности крестьянских хозяйств скотом. Хорошо знакомый с местными условиями усть-сысольский уездный агроном Н.Курбитов на заседании уездного земского собрания в 1901 г. говорил: "Случайная потеря скота от какого-нибудь несчастного случая в среднем крестьянском хозяйстве в громадном большинстве случаев равносильна его полному разорению. Нет в хозяйстве лошади - нет пашни. Да если бы крестьянин даже вспахал как-нибудь свою пашню и посеял на ней хлеб, то при отсутствии удобрения, навоза здешняя земля родит хлеб настолько плохо, что, пожалуй, не только не окупит затраченных на нее труда и капитала, а зачастую не возвратит даже и посевных семян". В дальнейшем своем выступлении Курбитов заключил, что скотоводство в Усть-Сысольском уезде "составляет краеугольный камень любого крестьянского хозяйства".

В Коми крае в 1910 г. в расчете на 100 хозяев было крупного скота больше на 22,3%, чем в среднем по Европейской России. Не говорят ли эти показатели о процветании животноводства в Коми крае? Нет. Имеющиеся исследования и материалы этого не подтверждают. Многочисленные документы свидетельствуют о неустойчивом развитии

животноводства в крае, о недостаточной кормовой базе для его расцвета. Специалисты сельского хозяйства дореволюционной России определяли годовую норму сена, достаточную на содержание одной головы крупного скота, не ниже 130 пудов.

Если исходить из этой нормы, то даже в самом благополучном по сбору сена в Усть-Сысольском уезде не хватало 57% кормов, в Яренском - 18% и в Печорском - 30%. Эти расчеты произведены по облагаемым налогом сенокосным участкам. Если сюда добавить еще 30% сбора сена с лесных расчисток, то и здесь для Усть-Сысольского уезда до нормы далеко.

Под воздействием экономических законов капиталистического развития происходило социальное расслоение крестьянства. В коми деревне шел процесс вымывания среднего слоя крестьянства. Так, если, например, в 1901 г. в Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда из 797 обследованных хозяйств 13,8% были безлошадными, однолошадными - 83,1, имели две и более лошади - 3,1%, то в 1909 г. из 1013 хозяйств, соответственно, 18,7, 74,1 и 7,2%. В Корткеросской волости того же уезда в 1901 г. Из 720 опрошенных хозяйств процент безлошадных дворов равнялся 3,9%, однолошадных - 91,2%, с двумя и более лошадьми - 4,9%. А в 1909 г. из 835 обследованных хозяйств безлошадных здесь уже было 11,7%, однолошадных - 81,9%, с двумя и более лошадьми - 6,4%.

Приведенные данные свидетельствуют, что деревня поляризовалась. С одной стороны, росла и укреплялась зажиточная часть, с другой стороны, непрерывно увеличивалась бедняцкая прослойка.

За пользование государственными землями: пашнями, сенокосами - крестьяне должны были нести государственные повинности. С 1 января 1887 г. по закону 12 июня 1886 г. вместо оброчной подати были введены выкупные платежи. Система выкупных платежей на многие десятилетия определила положение крестьянского сословия как основного податного сословия империи. С чисто финансовой точки зрения, закон 12 июня 1886 г. представлял собой грабительскую операцию, проведенную по фискальным соображениям. Выкупные платежи представлялись не чем иным, как замаскированным увеличением оброчной подати. Выкупные взносы стали составлять основной вид государственных платежей. За время действия выкупной операции крестьяне Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов выплатили огромную сумму (около 1095900 руб.). Примерно за десятину земли крестьяне Яренского и Усть-Сысольского уездов в конце XIX в. платили по 1 руб. 42 коп. В 50 губерниях Европейской России прямые налоги исчислялись в среднем в 1 руб. 56 коп. с десятины.

В годы первой революции под натиском народных масс правительство вынуждено было отменить выкуп земли. Но денежные налоги, взыскиваемые с них и после отмены выкупных платежей, существенно не уменьшились. Кроме государственного поземельного налога, крестьяне

платили губернский и уездные земские сборы. Тяжелым бременем на крестьян всех трех уездов ложились мирские сборы, носившие целиком сословный характер.

Помимо прямых денежных платежей, тяжелым бременем ложились на крестьян натуральные повинности: квартирная, дорожная, подворная. Они были наиболее неприятными и обременительными для крестьян. В условиях большой протяженности дорог и малонаселенности края особенно изнурительной для крестьян была дорожная повинность. И дело было не только в большом объеме работ, но и в системе их организации. Крестьян заставляли выполнять эту повинность далеко за пределами своей местности и нередко в разгар полевых работ.

Особый вид сельских платежей составляли сборы на содержание церкви и церковнослужителей, на ремонт, отопление и освещение церковных строений (церквей, часовен, жилищ). Основную часть доходов священников составляло не государственное жалование, а поборы с прихожан.

Первая мировая война нанесла тяжелый удар по сельскохозяйственному производству Коми края. Из края было мобилизовано большое количество взрослого мужского населения. К 1917 г. в армию было мобилизовано 27,3% всех мужчин. Около 12,0% коми крестьянских хозяйств лишились вообще своих мужских работников. Война нанесла огромный урон сельскохозяйственному производству. Население страдало от реквизиций скота для нужд армии. Данные сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. показывают, что только за один год количество животных (без оленей) в крае уменьшилось более чем на 14 тыс. голов. Особенно большой урон был нанесен крупному рогатому скоту. В 1917 г. его поголовье составляло 89,0% (к 1916 г.), коров - 87,1%. Количество лошадей за это время уменьшилось на 2,9%. Переписью 1917 г. в крае было учтено 4,9% бескотных, 19,7% безлошадных и 8,7% бескоровных хозяйств.

Война породила рост цен на основные продукты питания и товары первой необходимости. К началу 1915 г. цены на рожь, овес, ячмень в Яренском уезде выросли в среднем на 14,5% по сравнению со второй половиной 1913 г. Пуд ржаной муки в 1917 г. стоил в 2,6 раза дороже, чем в 1914 г. Население края, и до войны нуждавшееся в значительном привозе продовольствия, оказалось в очень тяжелом положении.

Таким образом, быстрый рост дороговизны при сохранении многочисленных полукрепостнических налогов и повинностей, сокращение доходности крестьянских хозяйств вели к обнищанию трудящихся масс. Царское правительство сохранило свое монопольное владение огромными массивами леса и земли. Крупная земельная собственность государства являлась экономической основой сохранившихся пережитков государственного феодализма в коми деревне. Царизм стремился сохранить средневековый земельный строй, приспособив его к потребностям развивающегося капитализма. Различные повинности, подати, взимаемые с крестьян государством,

были не чем иным, как видоизмененной формой феодальной ренты. Сложившееся крестьянское землепользование лишало всякой возможности организовать более или менее интенсивное сельскохозяйственное производство.

ОТРАСЛЕВАЯ НАУКА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ (1917-1990-Е ГГ.)

*Малкова Т.А.
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН*

Понятие "отраслевая наука" связано со сложившимся организационным устройством и отражает подчиненность построения сети научных учреждений отраслевой структуре народного хозяйства. Это понятие имеет два устоявшихся, общепринятых толкования. Во-первых, отраслевой называют науку, расчлененную на отрасли знаний, представленную одной или несколькими из них (сельскохозяйственная наука, технические науки и т.п.). Во-вторых, к отраслевой относят науку, обеспечивающую непосредственные научные запросы отраслей производства и функционирующую в тесной с ними взаимосвязи. Именно по этому второму признаку в структуре науки, наряду с академической и вузовской, выделена и отраслевая наука. Становление отраслевой науки как организационной системы началось после 1917 года. Первые научно-исследовательские институты появились в системе Академии наук на базе отделов и комиссий КЕПС. Также исследовательские учреждения организовывались и при других наркоматах: Наркомздраве, Наркомземе, Горном отделе ВСНХ и других главках. Формирование промышленной (еще не вполне отраслевой) науки началось под руководством Научно-технического отдела ВСНХ РСФСР. Научно-технической отдел стал руководящим и координирующим центром для исследовательских институтов, подчиненных главам ВСНХ. В этот период при НТО начали действовать 15 исследовательских институтов, лабораторий, станций, комиссий, в том числе Комиссия по изучению и практическому использованию русского Севера, проводившая работы в Печорском крае. Все эти исследовательские центры, связанные с промышленностью системой договорных работ, получали за их выполнение спецсредства, позволяющие привлекать к выполнению работ ведущих ученых и квалифицированных специалистов.¹

Полярная Комиссия Академии наук участвовала в организации и работе Северной научно-промысловой экспедиции (Севэкспедиция), основанной 4 марта 1920 г. при НТО ВСНХ и унаследовавшей профиль работ Комиссии по изучению Севера и Ухтинского бюро (в отношении Печорского края). На Севэкспедицию возлагалось проведение научно-технических исследований естественных производительных сил русского Севера в целях их практического использования, а также руководство и координация исследовательскими работами, проводимыми всеми

организациями и учреждениями на этой территории. Академия наук приняла участие в составлении программы работ экспедиции, в основе которой стояли задачи научно-практического освоения Севера: обследование экономической и промысловой жизни, рациональное использование и охрана природных ресурсов, выявление полезных ископаемых.

Северная научно-промысловая экспедиция положила начало научного исследования Коми края новыми методами, объединив научные силы многих отраслевых научно-исследовательских учреждений во главе с Академией наук. Впервые в рамках одной исследовательской организации были разработаны и проведены комплексные исследования: геологические, географические, этнографические, экономические, ихтиологические, давшие важные научные и практические результаты. В результате этих исследований в дальнейшем были оформлены многие научные направления и школы, сделаны важные теоретические выводы. Материалы исследований были опубликованы в ближайшее время после окончания экспедиций и стали известны и доступны широкому кругу ученых, хозяйственных и советских работников. В 1925 г. Севэкспедиция была переименована в Институт по изучению Севера при ВСНХ, который продолжил традиции экспедиции по изучению Печорского края, а в 1930 г. во Всесоюзный Арктический научно-исследовательский институт².

В начале 20-х гг. в Коми автономной области появились первые отраслевые научно-исследовательские организации, находящиеся в подчинении Наркомзема - Печорская сельскохозяйственная опытная станция и Печорский ветеринарно-бактериологический институт.

История создания и деятельность первых стационарных научно-исследовательских учреждений Коми края - Печорской опытной сельскохозяйственной станции и Печорской (Полярной) ветеринарно-бактериологической лаборатории, преемниками которых впоследствии стали Государственная сельскохозяйственная опытная станция Республики Коми и Печорский ветеринарно-бактериологический институт, неразрывно связана с историей изучения и освоения Печорского края.

В начале XX века интерес к исследованию Печорского края усиливается в связи с ростом экономического значения его природных богатств - леса, полезных ископаемых, земельных фондов. Начинаются исследования, выявляющие возможности колонизации этого региона. В целях изучения сельскохозяйственных возможностей края начинается работа по созданию опытных станций. Профиль этих учреждений соответствовал наиболее важным для этого периода отраслям хозяйства, наименее изученным, но перспективным в будущем экономическом развитии края.

По инициативе Андрея Владимировича Журавского было открыто первое опытное сельскохозяйственное учреждение. Исследования, проведенные А.Журавским и сотрудниками станции, вскрыли богатейшие потенциальные возможности северной земли, способной давать высокие

урожаи многолетних трав, кормовых и овощных культур. Перспективные направления сельскохозяйственного освоения Севера, разработанные сотрудниками станции до 1917 г., продолжены в советский период новыми поколениями исследователей.

4 января 1919 г. СНК РСФСР был издан декрет о развитии и плановой организации опытного дела в стране, в результате действия которого были организованы первые семь комплексных сельскохозяйственных областных станций. В 1924 г. Наркомзем РСФСР при пересмотре сети опытных учреждений и по ходатайству Государственного института опытной агрономии включил Печорскую сельскохозяйственную опытную станцию в сеть действующих опытных станций России. Финансировалась станция Наркомземом РСФСР при небольших дополнительных дотациях из местного бюджета. В целом, хотя финансирование из года в год увеличивалось, оно было недостаточным и не могло обеспечить всех потребностей опытной станции. Основные средства шли на выплату заработной платы сотрудникам и рабочим станции, а на ведение научно-исследовательских работ приходилось от 10 до 15% вложенных средств. Из года в год станция испытывала большие трудности по привлечению научно-исследовательских кадров из-за суровых климатических условий региона, низкой заработной платы, отсутствия местных квалифицированных работников.

В 1920-е годы работа станции была ограничена изучением растениеводства и луговодства: географические посевы Института Прикладной Ботаники, опыты по агрометеорологии, вегетационные опыты, опыты по сортоиспытанию, подбору и выведению сортов для Печорского края.

Быстрый рост добывающей и лесозаготовительной промышленности в 30-е годы в Печорском крае и связанный с этим большой приток населения потребовал создания своей продовольственной базы. Опыт хозяйств Ухто-Печорского треста, Печорской сельскохозяйственной станции и земледельческая практика местного населения подтвердили возможность развития на Печоре не только животноводства, но и полеводства, огородничества. Темами исследования станции по животноводству стали вопросы кормления крупного рогатого скота, воспитания молодняка, улучшения местной печорской породы крупного рогатого скота. С вопросами развития животноводства параллельно изучались вопросы кормодобывания. Исследования по овощеводству проводились с основными культурами, имеющими наибольшее распространение в хозяйстве северян, а также парниковыми культурами. Проводилась большая работа по акклиматизации картофеля как основного пищевого продукта на Севере.

Опытной станцией была проделана огромная работа по совершенствованию породных и продуктивных качеств сельскохозяйственных животных. Завершена работа по выведению нового печорского типа крупного рогатого скота холмогорской породы, отвечающая требованиям производства молока на промышленной

основе, а по биологическим особенностям - условиям Севера. Силами сотрудников станции выведена и оформлена новая полутонкорунная порода овец, превосходящая местную породу по продуктивности и настигу шерсти. В 40-50-е гг. окончательно оформилось животноводческо-кормодобывающее направление исследовательских работ Печорской сельскохозяйственной станции, отвечающее запросам хозяйства этого северного региона.³

В начале XX века исследователями оленеводства была дана научная классификация оленеводческого хозяйства России и сделаны первые практические шаги по открытию научно-исследовательских учреждений в Печорском крае: санитарной станции с бактериологическим кабинетом в Архангельске и Печорской (Полярной) ветеринарно-бактериологической лаборатории в селе Усть-Цильма.

Деятельность лаборатории, открытой в 1910 г. на средства МВД России, была направлена на изучение болезней оленей, проведение противосибиреязвенных прививок и подготовку кадров прививальщиков. Научная работа сотрудников была ограничена проведением опытов по получению иммунитетной сыворотки от различных видов скота, изучением возбудителей и переносчиков сибирской язвы, изучением ветеринарно-санитарного состояния тундр.

Печорский ветеринарно-бактериологический институт был открыт в 1925 г. в с.Ижма на основании постановления СНК РСФСР от 18 октября 1924 г. в целях охраны оленеводства от эпизоотий и для оказания постоянной ветеринарной помощи кочевому населению тундр. Штат института формировался из сотрудников Архангельского Бактериологического института, областных ветеринарных кадров и выпускников Московского Ветеринарного института, уроженцев Ижмо-Печорского края. Первый состав сотрудников института проделал огромную работу по ликвидации эпизоотий сибирской язвы в тундрах Печорского края. Работами в будущем известных ученых А.Д.Николаевского, Ф.А.Терентьева, С.И.Распутина были обстоятельно изучены причины возникновения этого заболевания, его распространение и выработаны наиболее эффективные способы вакцинации при эпизоотиях. Сибирская язва в Печорском крае была ликвидирована, а ветеринарная наука обогатилась новыми знаниями, прошедшими практическую апробацию.

В 1935 г. на базе института была создана Ижмо-Печорская научно-исследовательская ветеринарная станция по изучению болезней оленей (НИВОС), унаследовавшая профиль работы института.⁴

Курс на индустриализацию требовал от науки всемерной поддержки. Для этого нужно было расширить объем научно-исследовательской деятельности и преобразовать саму структуру управления наукой, сблизив ее с производством, и развивать направления, способствующие разрешению насущных проблем. Наметился переход к планомерному развитию науки, соответствующей планам индустриализации страны. Становление отраслевой науки как организационной системы началось с

постановления СНК СССР от 7 августа 1928 г. "Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности". Постановление определило основные организационные принципы: построение сети отраслевых НИИ в соответствии с отраслевой структурой промышленности, территориальное развитие с приближением к производству, передача результатов научных разработок непосредственно предприятиям для внедрения под контролем главков, участие научных учреждений в рассмотрении результатов промышленного производства и развития предприятий. Именно в эти годы прикладная наука стала в прямом смысле отраслевой. Это была система научных учреждений, подведомственных руководству отраслей (наркоматов) и выступающих самостоятельными хозяйственными единицами.

В 30-е годы становления отраслевой науки одной из ее задач являлось изучение природных богатств страны как предпосылка их последующего освоения. Региональное развитие отраслевой науки происходило как за счет отпочкования филиалов центральных институтов, так и за счет организации новых в местах, где сложилась или наметилась концентрация производств данного профиля. Однако в целом бурный рост числа отраслевых институтов в стране в начале 30-х гг. не внес существенных изменений в территориальные пропорции. Сложилось сохранившееся на долгие годы положение, при котором основные институты и большая часть квалифицированных кадров по-прежнему тяготели к центрам, в то время как соответствующие производства развивались в отдаленных регионах.

В эти годы в советском государстве сложился и был закреплен на несколько последующих десятилетий определенный тип связей и отношений между научной интеллигенцией и политическим режимом, который может быть назван "сталинской научной политикой". Эту политику характеризовал ряд отличительных черт, среди которых: огосударствление и департаментализация (ведомственность) науки; идеологизация науки с жестким контролем за мировоззрением и деятельностью ученых; репрессии по отношению к научным кадрам, выразившиеся в различной форме: от морального унижения до физической расправы.

Огосударствление науки с превращением ее в разновидность инфраструктуры для обеспечения реализации крупных народнохозяйственных проектов первых пятилеток проявлялось в различных формах, в том числе в форсированном наращивании отраслевого сектора науки, научном обслуживании нужд и потребностей ведомств, не располагающих собственным научным потенциалом, одним из которых являлось ОГПУ-НКВД-МВД. Занимая совершенно особое положение в системе государственных учреждений, это ведомство с начала 30-х гг. приняло на себя ряд функций, присущих народнохозяйственным ведомствам, нуждаясь в консультации и помощи со стороны гражданских научных учреждений. Научная помощь

оформлялась путем заключения договоров с СОПСом АН СССР о проведении экспедиционных исследований в зоне нового промышленного строительства, проводилось также широкомасштабное привлечение научных кадров насильственным путем. Репрессивные меры составляли неотъемлемую часть научной политики 30-50-х гг. применительно к кадрам ученых и специалистов. В Коми АССР с введением гугаговской системы и насильственным применением труда репрессированных ученых в 30-40-е гг. были заложены основы будущих отраслевых научно-исследовательских институтов, проводивших большой объем исследований, обеспечивших стабильное развитие бассейна, в ряде случаев выходящих по своему значению и сфере применения за пределы Коми АССР и страны.

Все основные исследования проводились силами репрессированных ученых и инженеров, хотя научное руководство оставалось за Академией наук СССР. В Воркуте и Ухте в 30-50-е гг. в результате политических репрессий правительства оказалось большое количество высококвалифицированных специалистов и ученых, внесших достойный вклад в науку, несмотря на специфические условия научной деятельности. История науки на Севере в эти годы - это история научно-производственных коллективов, в которых заключенные и вольнонаемные ученые и инженеры работали вместе в обычных организациях, и отличало их только то, что на время работы многих из научно-технического персонала приводили под конвоем. Уже Ухтинская экспедиция 1929 г., преобразованная в 1931 г. в Ухто-Печорский трест, состояла в основном из заключенных, бывших "буржуазных спецов", занимавших до ареста видное положение в Геологическом комитете и других ведущих геологических организациях и учреждениях. Постепенно усилиями начальника треста Я.М.Мороза на Ухте были собраны крупные специалисты - нефтяники, угольщики, направленные сюда из разных лагерей и тюрем: Н.Н.Тихонович, П.И.Полевой, Н.И.Инкин, Ю.К.Максимович, К.Г.Войнович-Кригер, А.А.Аносов, Н.М.Леднев, И.Н.Стрижев и другие. Очередные витки репрессивной политики пополняли научно-производственные организации Печорского края новыми научными кадрами.

Научная тематика включала весь комплекс научно-технических проблем, связанных с созданием и развитием этой северной топливной базы страны, с угльным центром в Воркуте и нефте-газовым - в Ухте. Все научно-производственные организации находились в двойном подчинении - НКВД и союзных наркоматов, территориальных органов власти, Академии наук. Научные исследования проводились по направлениям, которые определялись характером производства: геология, горное дело, строительство в условиях вечной мерзлоты, химия, нефтепереработка. Научные силы были сосредоточены в следующих организациях: в Воркуте - Центральной химической лаборатории (ЦХБ), преобразованной в 1948 г. в Центральную научно-исследовательскую базу (ЦНИБ), а затем в Восточный углехимический

институт (ВУГИ), реорганизованный в 1957 г. в Печорский научно-исследовательский угольный институт (ПечорНИУИ); в Отделе геологоразведки Ухтинской экспедиции ОГПУ, ставшей Геологоразведочным управлением комбината Воркутауголь, а затем - трестом Печоруглегеология; в Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции АН СССР; в Мерзлотной - геотехнической конторе (МГК) комбината Воркутауголь; в Ухте - в геолого-топографическом отделе Ухто-Печорского треста, затем с 1938 г. научно-исследовательском бюро (НИБ), преобразованном в Центральную геологическую лабораторию (ЦГЛ), а с 1941 г. - центральной научно-исследовательской лабораторией (ЦНИЛ) Геологоразведочной конторы (ГРК) Ухтижемлага; с 1930 г. в химической лаборатории радиевого завода; с 1937 г. в Проектном отделе Ухтокомбината, преобразованном в Проектно-изыскательскую контору Ухтокомбината.

При выяснении эффективности использования научного потенциала в лагерях ГУЛАГа выделяются несколько категорий научных и технических кадров: ученые и инженеры, специальность которых соответствовала промышленной ориентации лагерей и они использовались по профессии; гуманитарии, знания которых оставались невостребованными; ученые и инженеры, которые по режимным соображениям использовались только на общих работах; каторжане, которые по судебному определению при вынесении приговора предназначались для самых тяжелых работ. Помимо труда заключенных при научных исследованиях использовались и вольнонаемные кадры, состав которых был очень различен. Основную часть их составляли бывшие заключенные, члены их семей, раскулаченные и другие категории репрессированных.

Материально-техническое обеспечение в научно-производственных организациях в определенные периоды было различным: от скудного в 30-40-е гг., до вполне соответствующего российскому стандарту в 50-е г. Большим недостатком в научной работе в 30-40-е гг. было слабое информационное обеспечение. Отсутствовала полноценная научно-техническая литература, ученые почти не имели возможности выезда в командировки, решение академических проблем постоянно сдерживалось прикладным характером исследований. Научные проблемы диктовались производственной необходимостью и спускались сверху с жестким контролем за выполнением планов⁵.

Репрессивная политика сталинского режима по отношению к научным кадрам имела разнообразные последствия, одно из которых проявилось в формировании на территории Тимано-Печорской провинции отраслевых научно-исследовательских учреждений. Исследования, осуществлявшиеся в период 30-50-х гг. отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями, в значительной степени способствовали укреплению промышленного потенциала Печорского бассейна. Изменение политической атмосферы в стране, переход угольной и нефтегазовой промышленности в систему министерств этих отраслей, установление прочных связей с другими научно-

исследовательскими учреждениями, значительное расширение возможностей получения информации, приток молодых специалистов из вузов страны, возможность публикации результатов исследований в печати способствовали созданию благоприятных условий для расширения тематики и объема ведущих работ.

Послевоенный народнохозяйственный подъем сопровождался расширением фронта исследований и разработок, шел ускоренный процесс создания новых институтов и филиалов. Особо ускоренный рост числа периферийных научных учреждений происходил в 1957-1962 гг., когда созданные в стране совнархозы обладали правом создания новых научных учреждений. После возврата к отраслевой схеме управления отраслевой наукой создание периферийных институтов продолжалось, причем новым моментом было создание некоторых из них по территориально-производственному принципу, т.е. в рамках отрасли, но с территориальной привязкой. Вслед за нарастанием числа научных учреждений в регионах начались процессы налаживания внутрорегиональных связей - межнаучных, научно-производственных, с вузами, снабженческими органами и т.д. Содержанием территориального развития стал не столько количественный рост, сколько создание территориальной инфраструктуры. В период с 1945 по 90-е гг. в Республике Коми полностью сложились три основных компонента научно-организационной структуры - академическая, отраслевая и вузовская науки. В большую сеть научных учреждений вошли отраслевые институты: ПечорНИПИнефть (1937 гг.), КомигипроНИИлеспром (1958 г.), Северный филиал ВНИИСТА (1958 г.), СеверНИПИгаз (1960 г.), ПечорНИИпроект (1972 г.), СевНИИГиМ (1975 г.), Коми отделение Ленгипроводхоз (1974 г.), Коми филиал Севзапгипрозем (1975 г.), Коми филиал НИИЗУС (1977 г.), Комигражданпроект (1964 г.), Комиагропроект (1937 г.), ВНИГРИ (1981 г.), СОНИИОСП (1936 г.).

В 90-е годы сокращение уровней добычи, многочисленные организационные новации привели к сокращению объемов работ многих отраслевых институтов и, как следствие - к ликвидации целых направлений исследований и сокращению численности сотрудников и даже к превращению государственных институтов в структурные подразделения акционерных обществ.

***

1. Быстрова М.С. Становление советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973. С. 163, 167, 178; Лактин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990. С.48-50.
2. Малкова Т.А. Исследования территории Коми края Академией наук в 20-30-е гг. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С.51-62.
3. НА РК. Ф.1267. Оп.1. Д.15. Л.1-5; Д.21. Л.1; Д.25. Л.156, 243; Д.30. Л.2-3.

4. Малкова Т.А. Из истории становления исследований по ветеринарии оленеводства Коми края в конце XIX - 30-е гг. XX века // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми. Сыктывкар, 1977. С.70-85.
5. Маркова Е.В., Родный А.Н. Роль репрессированных ученых и инженеров в освоении Печорского угольного бассейна // Вестник Российского гуманитарного фонда. 1998. №3. С.47-60; Нефтегазоносность и геолого-географическая изученность Тимано-Печорской провинции: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 1999.

ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ НАЧАЛА XX В.

**По материалам «Известий Архангельского Общества
Изучения Русского Севера»**

*Елькин А.Ю.
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН*

В начале XX в. Российская империя стремилась осуществить свой вариант «догоняющей» модернизации, чтобы в новом столетии ее экономика могла не только обеспечить внутренние потребности страны, но и быть конкурентной на мировом рынке. В условиях растущих запросов на различные сырьевые материалы стратегически важной для российской экономики стала задача практического освоения и использования богатств провинций, в том числе и Европейского Севера России. Решение этой задачи не представлялось возможным без наведения коммуникаций с труднодоступными районами. В связи с этим закономерным было появление значительного числа проектов транспортного освоения Севера.

Обращение к истории транспортных проектов на Европейском Севере в начале XX в. позволяет поставить проблему эволюции инженерной мысли. Особенно много проектов такого рода публиковал журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (1909-1917). В работе анализировались материалы журнала за первые шесть лет его существования.

Выдвигались проекты создания грунтовых, водных, железнодорожных и даже нефтепроводных путей. Наиболее существенным обстоятельством была географическая направленность разных типов путей сообщения, поскольку это обуславливало ориентацию будущей продукции на определенные рынки сбыта.

Часть проектов была «меридианной» ориентации. Планы водно-железнодорожного пути для соединения Чердынского уезда с Печорским краем еще в конце XIX в. были предложены жителем села Камгорт И.А. Сусловым, инженером Великановым и начальником Пермской судоходной

дистанции Главизниным. Все эти проекты предполагали прежде всего соединение железной дорогой Якшинской пристани на реке Печора и реки Березовки камского бассейна. Затем следовало «улучшить водный путь по рекам Печоре, Березовке, Вишерке и Колве, ... сделать вполне судоходным в течение трех навигационных месяцев»¹. Положительным в данных проектах было то, что они учитывали сложившиеся торговые связи между двумя экономическими регионами. Однако в них не учитывались гидрологические условия малых рек, которые даже при расчистке не смогли бы стать полноводными и пропускать все увеличивающийся поток грузов. Кроме того, здесь не учитывались «торгово-экономические связи камских пристаней, кроме печорского края, еще и с вологодским», хотя через село Троицкое - ниже по Печоре - существовал тракт на Усть-Кулом и далее по реке Вычегде. Однако, несмотря на недочеты проекта, Суслову «была даже разрешена правительственная субсидия». Хотя по каким-то причинам он ее не получил². Новый проект Сулова предполагал уже железную дорогу от Чердыни до Троицко-Печорска. Это учитывало выгодность положения Троицкого как «начала вполне судоходного участка огромной реки».

В первое десятилетие XX в. интерес к освоению печорского края небывало обострился. Прежде всего это было связано с проведением качественной экспертизы ухтинских нефтеносных месторождений.

С этим обстоятельством была связана и деятельность инженера Н.В. Попова, которому правительством поручило исследование возможности северного пути сообщения. К 1907 г. Попов выдвигал несколько проектов для «выхода ухтинской нефти»: «1) железная дорога от Ухты до станции Солеварня Пермской железной дороги...; 2) нефтепровод Ухта-Солеварня ...; 3) водный путь по р. Ухте, Ижме на р. Печору и вверх по ней до Якшинской пристани, по р. Волоснице ... на р. Каму». Проекты Н.В. Попова своими новшествами ознакомили новый этап развития инженерной мысли в освоении Печорского края. Хотя им были свойственны недостатки гидрологического, экологического и экономического характера.

Другая часть проектов предполагала сообщения «широтной» направленности. Среди них - проекты «приполярных» железных дорог. Главной целью их был экспортный вывоз богатств Сибири через Баренцево море.

Проект Голохвастова предполагал, что сибирские грузы будут следовать по Иртышу до низовьев Оби (Обдорск), а затем по железной дороге через Полярный Урал к порту, который предстояло построить в бухте между Белковским носом и Югорским шаром. Подобным был проект Гетте и Кноре, согласно которому дорогу следовало направить дальше на запад до Варандейской бухты³. Главным достоинством этих проектов была возможность внешнеторгового соединения, но им были свойственны ряд недочетов: требовались масса затрат, привлечение рабочих рук в непригодные для хозяйствования районы и обустройство нового порта.

Но инженерная мысль не стояла на месте. Так, в 1910 г. К. Сулов предложил провести железную дорогу с Оби (село Мужы) до сплавной реки Усы (правого притока Печоры). Второй этап проекта предполагал довести дорогу до устья реки Индиги, где - «естественный и удобный морской порт».

В целом ориентация этих проектов на экспортный вывоз учитывала нужды российской экономики.

В то же время стали появляться проекты гораздо более крупномасштабные. Так, в 1909 г. М.В. Перешневым был подан проект железнодорожной магистрали на 1200 верст, которая получила название «Обь-Архангельской железной дороги». В том же году появился проект «Восточно-Уральско-Беломорской железной дороги» инженера В.Н. Вольтмана. Активно обсуждался проект «Рыбинск-Обдорской железной дороги» Вриони. Странники Сибирско-Архангельского направления обвиняли Вриони в лоббировании частных интересов рыбинских и петербургских экспортеров и считали эту магистраль «невыгодной для государства». В таком важном деле нельзя было некомплексно подходить к интересам различных регионов и, прежде всего, самого Севера.

Рассмотренные проекты каждый по-своему решали проблему освоения Европейского Севера России. Большинству проектов не удавалось решить вопрос комплексного использования богатств при их разработке и при вывозе на различные рынки сбыта, не учитывались возможные экологические последствия.

Благодаря «Известиям АОИРС» проекты становились предметом общественного обсуждения. Критика способствовала более тщательной и продуманной разработке и усовершенствованию замыслов. Для проведения более глубоких изысканий требовалась дополнительная помощь и покровительство государства.

Эти проекты создали плодотворную почву для дальнейших разработок в этой области.

***

1. Известия Архангельского Общества Изучения Русского Севера (ИАОИРС). 1910. №17. С. 59.
2. ИАОИРС. 1910. №16. С. 9.
3. ИАОИРС. 1909. №6. С. 49.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ОСУЖДЕННЫМ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В КОМИ АО (КОМИ АССР)

Рогачев М.Б.

Лицей при Сыктывкарском университете

Публикация многочисленных материалов по истории политических репрессий в годы советской власти на территории современной Республики Коми (с 1921 по 1936 г. - Коми АО, с 1936 по 1990 г. - Коми АССР) в значительной степени помогает понять этот трагический период нашего прошлого. Но полная история политических репрессий в регионе не может быть написана, пока мы не ответим на вопрос: "Какова численность репрессированных по политическим мотивам?" Отсутствие точных данных по численности политических репрессированных порождает противоречивые выводы о масштабах политических репрессий в нашей республике - от утверждения об их незначительности до предложения отнести коми к числу репрессированных народов, основанного на представлении об особом размахе репрессий против коренного этноса.

Согласно Закону РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" политических репрессированных можно разделить на две группы: осужденные либо признанные социально опасными по политическим мотивам по решению судов и внесудебных органов и репрессированные по политическим мотивам в административном порядке. В настоящее время мы можем составить достаточно полное представление только о численности и характеристиках первой группы. Это стало возможным в результате выпуска в 1998-1999 гг. первого и второго томов Коми республиканского мартиролога жертв политических репрессий "Покаяние", содержащих списки осужденных по политическим мотивам на территории современной Республики Коми.

Опубликованные списки, составленные по материалам архивных следственных дел УФСБ РФ по РК, включают более 8 тыс. справок по политическим репрессированным, арестованным в период с 1920 по 1980 г. и впоследствии реабилитированным. Это большинство, но не все число осужденных по политическим мотивам на территории Коми АО (Коми АССР). В частности, нет данных по осужденным ревтрибуналами в 1918 - начале 20-х гг. Не полны сведения по осужденным в 20-е гг.: в списки включены 27 человек, арестованных в 1920-1929 гг., в то время как по сводкам ОГПУ за "контрреволюционные преступления" только в 1923 г. были осуждены 20, в 1926 г. - 26, а всего в период с 1923 по 1929 г. - 172 человека [1]. По различным причинам (в основном из-за отсутствия следственных дел) в мартирологе отсутствуют сведения об аресте и осуждении некоторых политических репрессированных 30-40-х гг. (в частности, в него не включен и Ф.Г. Тараканов, арестованный в Архангельске, а затем этапированный в Сыктывкар, где ему и было объявлено решение ОСО НКВД СССР об осуждении на 5 лет). Можно

лишь предположить, что таких случаев относительно немного (в пределах ста человек).

При оценке масштабов политических репрессий необходимо учитывать, что Коми край в 20-50-е гг. был одной из самых больших "провинций ГУЛАГа". Уже в начале 20-х гг. Коми АО (Коми АССР) стала местом ссылки и высылки действительных и мнимых противников советской власти. С 1930 г. начинается массовая высылка на спецпоселение различных социальных и национальных групп ("кулаков", поляков, немцев, направленных в республику в годы войны по мобилизации в трудовую армию, а затем поставленных на учет спецпоселения, литовцев, "власовцев", украинцев-"бандеровцев"). Общая численность высланных на спецпоселения в 30-50-е гг. превышает 100 тыс. человек.

С 1929 г. на территории Коми АО формируется одна из самых мощных в СССР система исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). На начало 1932 г. в области было 9 тыс. заключенных. Но уже к 1939 г. их численность превысила 100 (для сравнения - численность населения Коми АО без заключенных по переписи 1939 г. - 320 тыс. человек), а в 1942 г. - 230 тыс. человек. После резкого сокращения "лагерного населения" в 1943-1944 г. (многие были отправлены на фронт, очень высокой была смертность) начинается новый рост числа заключенных, достигший пика в 1950 г. - 242,8 тыс. человек. В 50-е гг. число заключенных сокращается до 38,6 тыс. [2].

Спецпоселенцы и заключенные составили значительную часть политических репрессированных. Но можно определенно сказать, что в списки попали не все заключенные, осужденные по политическим мотивам в период отбывания наказания в лагерях Коми АО (Коми АССР). Так, только во время "чистки лагерей" от "троцкистов" по приказу НКВД СССР № 00409 в конце 1937 - начале 1938 гг. ("кашкетинские расстрелы") было расстреляно более 2,5 тыс. заключенных [3], в то время как общая численность репрессированных в эти годы (как заключенных, так и "вольных"), включенных в списки, составляла немногим более 1,5 тыс. чел. Не учтены те, кто после войны были направлены в лагеря Коми АССР как следственные и впоследствии осуждены. В списки вошли не все осужденные по ст. 58-14 УК РСФСР ("контрреволюционный саботаж"), действие которой, согласно директиве НКВД, НКЮ и Прокурора СССР № 0087/06/ПР/29 от 28 апреля 1941 г., распространялось и на совершивших побег из лагерей.

По приблизительным оценкам число осужденных по политическим мотивам на территории современной Республики Коми за годы советской власти составляет не менее 10 тыс. человек. Приведенные данные не дают оснований утверждать, что в Коми АО (Коми АССР), по сравнению с другими регионами, политические репрессии были более широкомасштабными. К примеру, в Карелии, при численности населения около 400 тыс. человек только в 1937-1938 гг. было репрессировано по политическим мотивам более 8,5 тыс. человек (без учета арестованных заключенных Белбалтлага) [4].

Однако только по числу осужденных нельзя судить о размахе политических репрессий в нашей республике. Для полноты картины необходимо учитывать репрессии периода коллективизации против крестьянства ("раскулачивание"), перевод на режим спецпоселения всех проживавших в республике немцев (демобилизованных трудармейцев, эвакуированных и репатриированных) и другие, осуществлявшиеся в административном порядке.

Из общего числа политических репрессированных, включенных в мартиролог, 4691 (58,5%) на момент ареста были заключенными, 219 (2,7%) - ссыльными, 352 (5,4%) - спецпоселенцами (трудпоселенцами) и трудармейцами и 2763 (34,4%) - местными "вольными" жителями (причем и среди них было немало бывших ссыльных и спецпоселенцев). В общей сложности не менее 70% политических репрессированных ранее уже подвергались репрессиям, но далеко не все - по политическим мотивам. Разумеется, среди репрессированных преобладали мужчины (в основном в возрасте 25-40 лет) - 91,6%.

Преобладание среди репрессированных заключенных и спецпоселенцев наложило отпечаток на национальный состав осужденных по политическим мотивам. Среди них встречаются представители 65 национальностей. Больше всего русских - 3807 (47,4%), затем идут коми - 1464 (18,2%), украинцы - 893 (11,1%), немцы - 424 (5,2%), евреи - 303 (3,7%), белорусы - 265 (3,3%), поляки - 199 (2,4%) человек (репрессированные других национальностей насчитывают менее 100 человек). Различия национального состава репрессированных и всего населения Коми АССР очень заметны (по переписи 1926 г. коми составляли 92,2%, 1939 г. - 72,5%, 1959 г. - 30,4% населения).

Подавляющее большинство репрессированных были осуждены по различным пунктам ст. 58 УК РСФСР 1926 г. (действовала до 1960 г.). Как и везде, самыми распространенными были пункты 10 ("пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...") и 11 ("всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению" контрреволюционных преступлений, "а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения" таковых преступлений), под которые можно было "подогнать" все, что угодно. Только по ним или в совокупности с другими пунктами (самым распространенным сочетанием как раз и было 58-10,11) были осуждены соответственно 5776 (более 70%) и 1519 (около 20%) человек. Особенностью политических репрессий в Коми АССР, связанной с тем, что республика была "лагерной", является достаточно большое число репрессированных по п.14 ("контрреволюционный саботаж"), в основном применявшемуся к заключенным (1781 чел.). Остальные пункты 58-й статьи применялись достаточно редко (по каждому - не более 2% осужденных).

Из общего числа осужденных к высшей мере наказания были приговорены 2195 (более 25%), лишению свободы на срок 15-25 лет - 132, 10 лет - 2685 (34%), 6-9 лет - 1238 (16%), до 5 лет включительно - 1478 (19%), к ссылке и высылке на различный срок - 222 человека. Но надо иметь в виду, что суровость приговоров в различные периоды репрессий весьма значительно различалась.

В мартирологе учтены 8137 арестов, из них 437 не датированы. Всего 27 арестов приходится на период до 1930 г. Даже с учетом того, что это неполные данные, можно сказать, что в 20-е гг. политические репрессии еще не были массовыми. На 1930-1933 гг. приходится 873 ареста - такой резкий рост связан с "усилением классовой борьбы" в период коллективизации. Затем наступает короткая передышка 1934 года - всего 32 ареста. Таким образом, на первую половину 30-х гг. приходится 11,7% от числа датированных арестов. Надо отметить, что в этот период приговоры были относительно мягкими - к высшей мере приговаривали редко, в основном - к 3-5 годам заключения либо к ссылке.

Новый мощный всплеск репрессий начинается после убийства С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. (1935 г. - 108, 1936 г. - 128 арестов). "Пик" приходится на трагический 1937 г. - 1285 арестов. В 1938 г. было арестовано 375, в 1939 - 110 человек. Всего на вторую половину 30-х гг. приходится 26% всех арестов (в 1937-1938 гг. были арестованы 21,6% и осуждены 20,3% политических репрессированных), причем более половины арестованных были заключенными. В это время "мягкие" приговоры становятся большой редкостью. Из общего числа смертных приговоров, вынесенных за весь рассматриваемый период, около половины приходятся на 1937-1938 гг., когда было расстреляно более 65% политических репрессированных. Остальные, за редким исключением, были осуждены на 10 или 15 лет лишения свободы.

Политические репрессии второй половины 30-х гг. многими рассматриваются как высшая точка репрессивной политики в СССР. Во многом это связано с тем, что именно в эти годы была уничтожена "ленинская гвардия" - потенциальные противники И.В.Сталина, репрессирована партийно-советская "верхушка" на местах, значительная часть высшего военного руководства, интеллигенции, духовенства. Политические репрессии сопровождалась истеричной кампанией в средствах массовой информации по разоблачению "троцкистов", "национал-шовинистов", "вредителей" и т.д. Проводились открытые судебные процессы над "контрреволюционерами", пленумы обкомов ВКП(б), партсобрания в низовых партийных структурах по разоблачению "врагов народа".

Коми АССР, разумеется, не была исключением. Начиная с 1935 г. газеты регулярно публикуют материалы, разоблачающие "контрреволюционные элементы". Кульминационным моментом в развертывании кампании борьбы с "врагами народа" стал внеочередной пленум Коми обкома ВКП(б) 1-2 ноября 1937 г. (основной пункт повестки дня так и назывался: "О работе по разоблачению и выкорчевыванию

врагов народа"). Были проведены и открытые процессы над "вредителями", как, например, процесс "контрреволюционной диверсионно-вредительской группы, орудовавшей в лесной промышленности Коми АССР", - Полякова, Дьячкова и других (июнь 1938 г.). В числе "врагов народа" оказались практически все руководители республики. Были арестованы и осуждены четыре секретаря обкома (в том числе два первых), четыре заведующих отделами обкома, 25 секретарей райкомов, шесть председателей облисполкома, занимавших этот пост с 1921 по 1937 г. (в том числе и Ф.Г.Тараканов), два заместителя председателя облисполкома, 21 председатель гор- и райисполкомов [5].

С конца 1938 г. со страниц газет исчезают материалы о "врагах народа" (наоборот, появляются статьи о "перегибах" в репрессивной политике), прекращаются открытые политические процессы. С назначением наркомом внутренних дел Л.П.Берии (декабрь 1938 г.) на какое-то время сокращается число арестов, некоторых даже освобождают (надо было показать "вредительскую" деятельность прежнего руководства НКВД СССР во главе с Н.И.Ежовым). Но эта передышка была недолгой. Уже в 1940 г. число арестов возросло более чем вдвое (216 в 1940 г. против 110 в 1939 г.).

Второй, еще более мощный, чем в 1937-1938 гг., всплеск политических репрессий в Коми АССР приходится на военные годы. Особенность его в том, что подавляющее большинство репрессированных в этот период - заключенные. С началом войны был ужесточен лагерный режим: прекращено освобождение из лагерей "контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников"; их, а также "польские контингенты, немцев и иноподданных" сосредоточили в усиленно охраняемых зонах, отменено "бесконвойное использование на работах", приказано арестовать "заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности" (директива Народного Комиссара Внутренних Дел и Прокурора СССР № 00221 от 22 июня 1941 г.).

Именно в 1941 и 1942 гг. число арестованных (соответственно 1342 и 1270 человек) возрастает особенно резко. Причем на эти два года приходится около 40% всех смертных приговоров (расстреляно более трети осужденных). В 1943-1945 гг. количество арестов существенно сокращается (1943 г. - 475, 1944 г. - 248, 1945 г. - 226). Всего на 1941-1945 гг. приходится 46,2% датированных арестов (на 1941-1942 гг. - 33,9%).

В послевоенные 1946-1949 гг. ежегодное число арестованных было немногим меньше, чем в последние годы войны, и только с 1950 г. начинает существенно сокращаться (1947 г. - 220, 1950 г. - 86, 1953 г. - 36 человек). Всего на 1946-1953 гг. приходится 12% датированных арестов. Однако было бы неверным считать, что политические репрессии в период "позднего сталинизма" затухают. К примеру, именно в это время были поставлены на учет спецпоселения все немцы, высланные в

Коми АССР в военные и репатриированные в первые послевоенные годы (на начало 1953 г. их насчитывалось 12,1 тыс. человек) [6].

И только после смерти "вождя народов" начинается массовое освобождение из лагерей и снятие с учета спецпоселения оставшихся в живых политических репрессированных 30-начала 50-х гг. Часть бывших политических заключенных даже сумела добиться реабилитации. Однако политические репрессии были сведены до минимума, но не уничтожены. На период с 1954 по 1980 г. приходится 63 (0,8%) датированных арестов.

Приведенные данные не дают исчерпывающего ответа на вопрос о масштабах политических репрессий на территории современной Республики Коми даже по категории осужденных по политическим мотивам. Однако с их помощью можно составить примерное представление о трагедии народа в годы советской власти и обозначить направления дальнейшего поиска материалов об этой странице отечественной истории.

***

1. Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995. С.29; Захаров В.Д. При отсутствии состава преступления // Покаяние. Сыктывкар, 1999. Т.2. С.580.
2. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справ. М., 1998
3. Полещиков В.М. За семью печатями С.26
4. Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С.103.
5. Захаров В.Д. Жертвы безумной веры // Покаяние. Сыктывкар, 1998. Т.1. С.491. Материалы пленума 1-2 ноября 1937 г. и газетные публикации того времени см.: Покаяние. Т.1. С. 622-669; Т.2. С. 626-677.
6. Немцы в Республике Коми. Сыктывкар, 1998. С.25

**ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ БАРЬЕРА:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ХУДОЖНИКОВ
В КОМИ АССР В 1940 - 1950-ЫЕ ГОДЫ**

*Беляева С.А.
Национальная галерея*

Историки искусства в республике никогда не использовали в своих исследованиях ни устных, ни документальных, ни творческих материалов о репрессированных художниках, работавших в Коми АССР. Такое замалчивание стало одной из причин однобокости выводов и оценок, а в конечном счете и искажения реальной картины становления профессионального изобразительного искусства республики.

Целенаправленное замалчивание отдельных устных сведений о деятельности профессиональных художников - заключенных и репрессированных - было составной частью культурной политики государства. Негласный закон жестко ограничивал доступ прошедших

лагеря художников (не говоря уже о заключенных в них) к творческой работе в официально признанной государством, единственной после 1932 года, организации профессиональных художников - Союзе художников СССР.

Деятельность репрессированных художников тесно связана с вопросом расширения географии функционирования Союза Советских художников в Коми АССР. Если в документах Управления по делам искусств при СНК Коми АССР в 1938 -1943 годах подчеркивалось, что профессиональные художники Коми АССР работают только в Сыктывкаре, то уже с 1944 года в официальных отчетах, главным образом о выставочной деятельности, появляются имена художников, живших в Ухте, Абези, Воркуте. В первой половине 1940-х годов, в момент организационного становления Союза художников в Коми АССР, никто из официальной группы первых профессиональных художников республики (В.В.Поляков, Г.А.Стронк, В.Г.Постников, Н.Л.Жилин, М.П.Безносков) не жил за пределами Сыктывкара. Естественно предположить, что речь идет о деятельности художников, репрессированных и уже "отбывших сроки", но оставленных в республике в связи с "поражением в правах".

Число их, уже в первой половине 1940-х годов, преодолевших "творческую блокаду" и представленных на республиканских художественных выставках, невелико. Опубликованные каталоги выставок 1945 - 1947 годов содержат такие имена: В.И.Прокошев, А.М.Комаров, Л.Н.Рыминский, К.К.Пантелеев, А.С.Кузнецов, А.Е.Зост, В.З.Эдельгаус, Г.Г.Филипповский, П.Э.Бендель, В.Я.Краулис.

Поначалу сложно было определить их статус относительно официально признанной группы профессиональных художников республики. Был найден вполне благонадежный термин: "художники новостроек".

Была и другая, несравненно большая группа живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов, работавших "за колючей проволокой". Не всем из них довелось дожить до участия в выставках; для многих такие выставки состоялись спустя почти четыре десятилетия. Разные источники упоминают имена следующие: А.П.Арцыбушев - график (в 1946 - 1952 гг., Воркутлаг, поселки Абезь, Инта); И.А.Борхман - график (в 1942 - 1952 гг., Воркутлаг, поселки Абезь, Инта); Л.Е.Кропивницкий - живописец (в 1946 - 1956 гг. Ухтижмлаг Коми АССР и Степлаг Казахской ССР); А.С.Малешевский - театральный художник (в 1949 - 1955 гг., Особый лагерь № 1 - Минлаг, Инта); А.И.Некрасов - искусствовед, профессор (в 1938 - 1948 гг., Воркутлаг); И.П.Суханов - архитектор и художник (в 1935 - 1938 гг., Ухтпечлаг); Б.П.Свешников - график и живописец (в 1946 - 1954 гг., Ухтижмлаг); Г.В.Гориневский - архитектор и художник (в 1937 - 1942 гг. Ухтпечлаг и Воркутлаг); В.Н.Городецкий - график (в 1933 - 1934 гг., после освобождения поселился в Воркуте); Х.Г.Хейнла (в 1949 - 1954 гг. Воркутлаг (?), затем ссылка в Инте); Н.П.Преображенский - художник

по росписи (в 1937 - 1947 гг., Ухтижмлаг); Н.А.Миллер (в 1948 - 1956 гг., Ухтижмлаг); Б.(?).Блощинский - самодеятельных художник (Ухтижмлаг).

Этот список должен быть продолжен.

Впервые имена "художников новостроек" упоминаются в прессе в связи с республиканскими выставками 1945 и 1946 годов.

Республиканская художественная выставка 1945 года открылась 1 июля в Шахматном павильоне парка культуры и отдыха г. Сыктывкара. В ней официально участвовало 8 художников: М.П.Безносов, Н.Л.Жилин, А.Е. Зост, А.М.Комаров, В.В.Поляков, В.Г.Постников, В.И.Прокошев, Л.Н. Рыминский. Работы художников из Воркуты прибыли на выставку с опозданием, таким образом они не вошли в Каталог выставки. Список участников выставки должен быть увеличен до 10 человек: в него не вошли А.С.Кузнецов и К.К.Пантелеев. Это замечание существенно в связи с рассматриваемым вопросом.

Вторым заслуживающим внимания фактом стала сама обширная газетная публикация, которая также впервые, наряду с официально признанными художниками, не только упоминала фамилии художников Абези и Воркуты, но и давала критический анализ их творчества.

Беспрецедентной в плане участников стала художественная выставка 1946 года, посвященная 25-летию Коми АССР. Весь план творческой работы ССХ Коми АССР на 1946 год был построен с ориентацией на юбилей республики. Среди прочих мероприятий была организована и художественная выставка, которая открылась 23 августа 1946 года. В ней также приняли участие 10 художников Сыктывкара и новостроек: М.П.Безносов (Сыктывкар), Н.Л.Жилин (Сыктывкар), А.М.Комаров (Абезь), В.С.Кадыш (Абезь), А.С.Кузнецов (Воркута), В.В.Поляков (Сыктывкар), В.Г.Постников (Сыктывкар), В.И.Прокошев (Абезь), К.К.Пантелеев (Воркута), П.М.Митюшев (Сыктывкар). Представлено 108 произведений живописи и графики, созданных с момента организации ССХ в Коми АССР.

Кратковременная эйфорическая поствоенная либерализация допустила приглашение к участию в выставке художников, еще недавно бывших заключенными. Среди хорошо знакомых имен графиков и живописцев из Сыктывкара появляются художники Абези и Воркуты. К уже перечисленным добавим еще несколько фамилий: В.З.Эдельгаус (Сыктывкар), Г.Г.Филипповский (Сыктывкар), П.Э.Бендель (Воркута), А.Е.Зост (Абезь) и обозначим основной круг художников, сумевших выйти на официальную творческую и выставочную арену республиканского уровня. Многие из них до своего заключения были известны в художественных кругах страны. Ситуация информационного прорыва сохранилась лишь в 1945, 1946 и частично 1947 гг. Затем более 40 лет ни один искусствоведческий либо исторический источник в республике не упоминает о творчестве художников-заключенных.

Система управления лагерями включала в себя подразделение КВО - культурно-воспитательный отдел, с более мелкими подотделами - КВЧ

(культурно-воспитательная часть), работавших на отдельных колоннах, т.е. отдельных географических направлениях расположения лагерей.

Художники-заклученные и вольнонаемные работали главным образом при театрах, так как это позволяло осуществлять строгий принцип тотального государственного контроля за деятельностью творческих работников, а в "местах новостроек" не было других форм творческих объединений. Театры же совмещали в себе творчество и практические цели организации досуга значительных групп населения.

Официальная хроника констатировала: в целях улучшения культурного обслуживания работников угольной и нефтяной промышленности, строителей и железнодорожников Коми АССР были созданы Воркутинский, Ухтинский и Абезьский музыкально-драматический театры, а республиканский драмтеатр организовал свой филиал в г. Инте. Ижемский колхозно-совхозный театр был переведен в Усть-Кулом, в наиболее густонаселенный район республики. В 1949 году главным образом из-за финансовых затруднений были закрыты Объячевский и Усть-Куломский театры. Вместо них в этом же году был создан Княжпогостский колхозно-совхозный театр, но и его деятельность продолжалась только около года. Театр не смог преодолеть тех же трудностей, которые явились основной причиной закрытия предыдущих театров.

В 1944 году, во время своей второй творческой командировки в Воркуту (первая состоялась летом 1943 года) В.В.Поляков - первый председатель Союза художников республики - провел несколько собраний с художниками Воркуты. В результате встреч с шестнадцатью художниками Воркуты (цифра, названная Поляковым в отчете ССХ за 1944 год) было даже организовано Оргбюро для подготовки выставки "Воркута в годы Отечественной войны". Ее планировалось развернуть в Воркуте к XXVII годовщине Октябрьской революции, т.е. осенью 1944 года, однако выставка не состоялась "в виду неподготовленности", - как отмечал Поляков. Он же продолжал: "Надо учесть, что все художники Воркуты творчески могут работать только урывками в немногие свободные от своей работы часы".

В 1943 - 1944 годах Поляков начинает переписку с группой художников из 5 человек поселка Абезь, как называл Поляков, - "центра строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали". "В виду специфичности условий этих пунктов (Воркуты и Абези), в основном располагающими кадрами, работающими в системе лагерей, непосредственное и прямое руководство их работой не всегда бывает возможно".

В отчетах Оргбюро ССХ в Коми АССР за период 1943 - 1946 годов отмечено, что в Коми АССР работают не только известные художники - члены ССХ, но и художники новостроек: В.И.Прокошев, А.М.Комаров, Л.Н.Рыминский из Абези; К.К.Пантелеев, А.С.Кузнецов из Воркуты.

Названные художники из Абези к моменту проведения юбилейной республиканской выставки 1946 года уже работали "по вольному найму"

в театре ПЖДС пос. Абезь и участвовали в предыдущей республиканской художественной выставке 1945 года.

План мероприятий на 1946 год, посвященных 25-летию Коми АССР, предусматривал интенсивное привлечение художественных творческих сил. И поскольку художники работали только в Сыктывкаре и число их к этому времени все еще оставалось незначительным, были предприняты попытки собрать художников из других населенных пунктов республики. В связи со спецификой республики такими "поставщиками" профессиональных художников могла стать лишь разветвленная сеть лагерей.

Так, планы предусматривали, что оформлением республиканской выставки народного хозяйства будут заниматься во главе с художником Н.Л.Жилиным художники Безносков, Митюшев, Постников, Комаров, Прокошев, Кадыш и другие. Оформление города Сыктывкара к празднику возглавлял В.В.Поляков; с ним в команде работали художники Прокошев, Комаров, Кадыш, Антоновский, Кузиванов, Киселев.

Сегодня, восстанавливая по крупицам не только биографию, но, главное - творческое наследие репрессированных художников, мы пытаемся оценить их безусловный вклад в развитие профессионального изобразительного искусства республики. Не секрет, что чаще всего репрессированные художники имели хорошее профессиональное образование. У многих из них был опыт участия в крупных художественных выставках. Их культура, их творческий опыт, их педагоги, наконец, - все это было насильственно истребляемым духом уходящей России. Декларативно организованный "сверху" Союз Советских художников в Коми АССР - был духом России новой.

Творчество репрессированных художников четко выполняло две главные задачи. Первая - расширение географии функционирования официального Союза художников в республике. Вторая - широкое использование профессиональных навыков или природного таланта художников для решения народнохозяйственных задач. Таким образом и изобразительное искусство ставилось на службу и под контроль государства. Шел стремительный процесс смены ленинского принципа "партийности" искусства на сталинский принцип "огосударствления" искусства. Сложный и почти эфемерный вид духовной деятельности человека одевался в панцирь грубой государственной директивы. Свободный дух творчества заключался в рамки цифр хозяйственных планов.

**СОВЕЩЬ ОБЩЕСТВА 90-Х ГОДОВ
(КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА 90-Х ГОДОВ)**

*Л.Косова
Коми-Пермяцкий отдел общественных наук
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
Кудымкар*

В конце этого года, 25 ноября, исполнится 100 лет со дня рождения А.Н.Зубова - поэта, переводчика, основоположника коми-пермяцкой литературы.

Андрей Никифорович вместе с М.П.Лихачевым и другими подвижниками коми-пермяцкой литературы стоял у ее истоков и все силы, всю душу отдавал делу становления литературы. Так и случилось, он отдал душу не только в переносном смысле, но и в прямом – поплатился жизнью за свои идеи, за свое дело.

Хочется надеяться, что его юбилейная дата не останется без должного внимания со стороны властей и общественности округа, что его деятельность будет оценена по заслугам.

Андрей Никифорович был не только поэтом, переводчиком, преподавателем, но и был агрономом, ученым, патриотом своего края, лучом света своего времени, одним из тех учителей-просветителей, которые позже сами заживо сгорели в пламени своих идей. О том, как Андрей Никифорович "болел за свой народ, за свой край", все еще вспоминают люди, знавшие его.

В 1937 кровавом году, который останется позорным пятном в истории нашей страны, Андрей Никифорович был репрессирован. Вскоре вслед за ним был арестован и М.П.Лихачев. В тот период было репрессировано много других патриотов, имевших отношение к культурно-национальному возрождению. Конечно, 37 год в своих кровавых сапогах наследил по всей стране, прошелся «по головам» многих умных и талантливых людей, но более всего (что видно и по истории Коми-Пермяцкого округа) пострадала культура, литература малых народов.

Какой след оставил тот год в истории развития коми-пермяцкой литературы, сейчас уже многое известно. И все же хочется еще раз остановить внимание на некоторых фактах и сделать выводы. "О том, какой урон понесла коми-пермяцкая культура, свидетельствует список книг, подлежащих уничтожению, как троцкистско-зиновьевская, бухаринская, буржуазно-националистическая литература", – оценивает ситуацию А.А.Ничиперович. Он же пишет, что были уничтожены все книги, к изданию которых оказались причастны (были либо автором, либо составителем, либо редактором) А.Зубов, М.Лихачев, Ф.Тупицин, С.Нефедьев, В.Дерябин.

В Кудымкаре горели костры "инквизиции", на которых сжигалась "крамольная мысль" – труды вышеназванных авторов. Очевидицей

одного такого костра является К.Ф.Ковыляева, в то время студентка педтехникума.

Сгорели книги, «сгорели» писатели. Но значение удара по литературе не только в этом, но и в том, что «подпалилась» литература будущего. Зерна сомнения и страха были посеяны в души молодых писателей, тех, кто пришел к литературному труду гораздо позже.

Понадобились годы, чтобы литература поднялась до прежнего уровня, а затем крепко встала на ноги. Труднее восстанавливалась проза – только через 34 года появился новый (после романа М.Лихачева) коми-пермяцкий роман. Это был роман В.Боталова "На рассвете". Пострадала от репрессий и поэзия. В ней недоставало критического взгляда на жизнь, или он был чересчур осторожным. К тому же, она была политизирована. В 40-60-е годы каждый поэтический сборник "начинался стихами, посвященными Ленину, Сталину, ... партии"¹.

Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что в округе с 20-30-х годов по 50-60-е происходили прогрессивные изменения. Строились дороги, появилось радио, электричество, тракторы, машины. Все это происходило на глазах поэтов, писателей, и конечно, они не могли этим не восхищаться. Негативные жизненные процессы не замечались.

Казалось бы, кануло это тяжелое время в лету, и незачем об этом вспоминать. А вспомнить нужно хотя бы ради того, чтобы такие или подобные времена не повторялись, чтобы литература уверенной поступью продвигалась вперед, чтобы никакие смуты не могли помешать ее поступательному движению.

Вспомнить нужно хотя бы потому, что и по сей день в коми-пермяцкой литературе идет процесс, грозящий стать необратимым, а потери – невозполнимыми.

В 90-е годы вошли в литературу с первыми своими сборниками пятеро молодых авторов, и только один из них – прозаик. И какими бы объективными причинами не пытались объяснять ситуацию (тяжелым финансовым положением, временем), цифры – вещь упрямая, и они говорят об утратах. И в первую очередь об утратах в жанре прозы. Если учесть то обстоятельство, что подающий надежды молодой прозаик в данное время не пишет (будем надеяться – временно), то самым молодым активно пишущим прозаиком является член СП России С.А.Федосеев, которому в этом году исполнилось шестьдесят четыре года. Сколько потребуется времени, чтобы вырастить новые поколения прозаиков? Сколько лет придется ожидать первый роман (роман – самый трудоемкий жанр)? Снова 30-40 лет, как после репрессий 1937 года?

Литература растет десятилетиями, даже столетиями, профессиональными писателями и поэтами также не становятся за день, даже за год. Для того чтобы начинающий автор мог состояться, стать мастером своего дела, недостаточно иметь данных природой способностей, чутья, интуиции, необходимо их культивировать, ибо "сам по себе растет только сорняк, а цветы необходимо возделывать". А такие "цветы", подающие надежды, есть. И не один, не два, целый букет,

нужно только не дать им засохнуть. Проблема, как видно, не в отсутствии способных и талантливых личностей, проблема в другом. Она проста и банальна – в отсутствии финансирования.

Для творческого роста молодого автора приемлемы любые формы и методы работы: консультации, творческие встречи, обсуждение своих произведений с коллегами, конкурсы, конференции и другие формы и методы работы. Искать финансы для проведения мероприятий, в то время когда государственные и местные органы власти не считают литературу значительной частью культуры – это хождение по мукам. Такого врагу не пожелаешь.

Невелики шансы для творческой самореализации активно пишущих авторов старшего поколения. Общеизвестно, что самым действенным материальным стимулом для писателя является гонорар. Он дает оценку его труду, дает силы и возможность работать дальше. О состоянии гонорарной политики в округе в настоящее время можно сказать однозначно – она стимулирует наоборот – не писать.

В 90-е годы писательская организация стала общественной, а общественная понимается как ничья. Есть она – хорошо, нет ее – еще лучше, одной головной болью меньше. Вопрос – кому лучше? Только тому, кому безразлично развитие культуры, литературы. И это очень пагубно отражается на жизни общества, ибо "литература – это "барометр общества"², его "совесть ..., его душа. Честь и достоинство писателя состоит в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах"³.

И "высшим достижением" литературы 90-х годов можно считать тот факт, что в округе не стало человека, который бы не косвенно, а напрямую отвечал за развитие литературного процесса, т.е. который бы получал за это зарплату и с которого был бы спрос. Понятно, если нет ставки, нет и спроса. Та единственная ставка, которая все же была до конца 1997 года, оказалась "не по силам" бюджету. Возникают сомнения, что она была высокой, но вернее всего эта попытка указать место литераторам, закончить с литературным вопросом.

В общем и в целом, ситуация литературы 90-х годов малообнадёживающая. Кризис, летаргический сон литературы 90-х годов очень напоминает кризис послерепресссионных годов. Следовательно, влиять на историю литературы можно не только репрессивными мерами, но можно просто не видеть, не слышать, не замечать ее проблем. Результаты одинаковы.

Конечно, во многих вопросах хочется сослаться на время, или скорее "безвременье", но это время характерно и положительной чертой – гласностью. И всех, кто каким-то образом причастен к литературе, культуре, способствовал ее развитию, история вспомнит поименно.

***

1. Истомин Ф.С. Коми-Пермяцкая поэзия и 20 век. Золотой свет. Кудымкар, 1995. С.394.

2. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С.594.
3. Там же. С.578.
4. Там же. С. 530.

ЖАНР И АВТОРСКАЯ ОЦЕНКА В РАССКАЗЕ К.Ф.ЖАКОВА "ЖИЗНЬ ФАЛАЛЕЯ"

*Лимерова В. А.
Сыктывкарский университет*

Особое место в творческом наследии К.Ф.Жакова занимают рассказы-жизнеописания. "Охотник Максим", "Парма Степан", "Старик Матвей", "Агафья", "Дарук Паш", "Марья Севастиановна Оплеснина" - вот далеко не полный перечень произведений, жанр которых можно соотносить с той или другой разновидностью художественной биографии. В этой связи симптоматичен автобиографизм самого значительного его произведения - романа "Сквозь строй жизни".

Представляется, что активное обращение К.Жакова к биографическим жанрам не случайно и связано со столь характерными для писателя поисками идеального: именно "биографии" обладают возможностью непосредственного воплощения авторского идеала человека.

Поиск идеального как истинного мыслится К.Жакову как уход от стандартного, усредняющего. Такими идеальными ареалами, в которых только и возможна реализация самобытности каждого человека, а значит и человеческого вообще, являются для героев Жакова пространства, которые можно определить как "не город" и искусство. Обитатель этих пространств - природный, не испорченный цивилизацией и городом и в этом смысле дикий человек - является героем рассказов - жизнеописаний и предлагается читателю в качестве нравственного идеала.

Показателен в этом отношении рассказ "Жизнь Фалалея", характер оценки главного героя в котором определяется не только законами жанра жизнеописания, но и реальной прототипичностью образа главного героя: в резчике и иконописце Фалалее без труда угадывается отец писателя. Собственно, отношение сына к отцу, ставшее художественным фактом, и обуславливает жанровую модификацию произведения. Имея единую с христианским житием задачу "прославления своего героя"¹, рассказ начиная с названия имеет ряд общих с житием свойств. Однако в самом житии как жанре угадывается более древний субстрат, восходящий к архаическому фольклору. Поэтому уместно обратить внимание на типологическое (а, возможно, и генетическое) сходство героя рассказа, героя жития и героя народного эпоса. Существенно, что герой рассказа выполняет функции культурного героя, состоящие, как считает Е.М.Мелетинский, в "добывании культурных объектов" и "устройстве мира для человека"².

Фалалей отмечен особой любознательностью, открытостью миру и способностью удивляться ему. Именно Фалалею, подобно архаическому первопредку, открываются ценности, не всегда доступные другим. Наидостойнейшей человека культурной ценностью в представлениях героя является искусство. Именно поэтому и отвергается Фалалеем ремесло плотника, приносящее ему верный кусок хлеба, как дело, абсолютных ценностей не производящее. Глядя в церкви на иконостас, изумлялся Фалалей и спрашивал себя:

- Чьи пальцы сделали это, чья голова построила это?

И больше, и больше думал он.

О, как было бы хорошо, если и он был бы таким же резчиком?! Но где ему: он умеет делать только косяки для мужицких дверей и рамы оконные!³

Научившись в дальних землях мастерству резчика, вернувшись в родные места, Фалалей сам принимает за внутреннее убранство церкви, тем самым как бы приобщая людей к добытым в странствиях и безусловным для него самого ценностям, что в модифицированном виде и реализует сюжетную линию культурного героя.

Важно, что искусство для Фалалея является не только наивысшей ступенью, но и пределом человеческих возможностей, человеческой компетенции. Художник призван являть человеку божественный мир, но не может претендовать на роль самого Создателя. Фалалей "думал, веря в Бога, что не его дело знать судьбы неба и земли", - отмечает рассказчик. Не случайно Фалалей выбирает иконное искусство, не являющееся самовыражением художника и не содержащее вымысла в нашем, современном его понимании. "Иконописцы свидетельствуют не свое иконописное искусство, т.е. не себя, а святых, свидетелей Господа, или же - и Самого Господа", - пишет П.Флоренский, указывая на то, что чем искуснее художник, тем менее видимо его "мастерство, а более - полно-реальное бытие самих ликов"⁴. Сравним описание иконостаса, встречающееся в рассказе: "Переехав в большое село Вишеру, стал (Фалалей) делать здесь иконостас в большой каменной церкви. Все старание, все искусство употребил он и сделал нечто, достойное удивления.

Резьбы блистали червонным золотом, капители над колоннами были как живые цветы, иконостас весь окрашен в пурпурный цвет. Херувимы на облаках, как живые, глядели на мятежное племя людское. Наверху иконостаса, на облаках сидел Бог-Саваоф - и держал в руке шар земной, по правую сторону его сидел Сын, по левую - Дух, голубь носился над водами... Все это дышало величием и таинственностью. Вся мудрость древняя и новая вылилась под пальцами Фалалея в светоносные образы, врезающиеся в душу жизненностью своей..."

Как видим, жизненность образов, возникающих из-под пальцев Фалалея, особо подчеркивается в тексте. Для иконописца, отмеченного особым, трансцендентным видением, в принципе не может быть "нежизненных" образов, поскольку образ Бога, изображенного на иконе,

и есть Сам Бог, явленный в иконе. Ср. у П.Флоренского: "Вот я смотрю на икону и говорю в себе: "Се - Сама Она" - не изображение Ее, а Она Сама, чрез посредство, при помощи иконописного искусства созерцаемая. Как чрез окно, вижу я Богоматерь, Самую Богоматерь, и Ей Самой молюсь, лицом к лицу, но никак не изображению".⁵ Так и Фалалей "кончил иконостас и, стоя посреди храма в синем казакине, держа в руке белую шляпу, усердно молился..." Фалалей изумлен своей работой не меньше "подавленных великолепием" иконостаса людей. Не художество, а живое свидетельство Бога видится Фалалею в том, что "вышло из-под его рук". По мысли рассказчика, а можно утверждать - и автора, подобная "жизненность" и есть критерий настоящего, истинного искусства, способного "тронуть сердце человеческое". Рассказчик противопоставляет этому искусству свое, "мирское", определенное как "бытописание и мечты", и восклицает: "Искусства неподвластно мне!" С одной стороны, это отделение истинного, исходящего от Бога, искусства от искусства человеческого, причастного только миру людей, а с другой стороны - определение предельности возможностей каждого человека. Предел Фалалея - видеть Божественный мир, а предел рассказчика - видеть мир людей.

Жизнь Фалалея как бы протекает в некое близкое к идеальному время, когда еще возможно духовное единство человека и Природы. Именно поэтому возможны "прорывы" Фалалея в божественный мир. Время же рассказчика уже отмечено признаками упадка. В рассказе это выражено противопоставлением искусства кустарей, иконописцев-одиночек поточной работе артелей наемных дипломированных резчиков. Иконостасы стали более пышными, более изукрашенными. Фалалей не сопротивляется новой моде и даже констатирует это как развитие искусства. Однако в таком искусстве, по сути утратившем божественное и ставшем художеством, Фалалей не находит себе места. Мир Фалалея становится принадлежностью идеализируемого прошлого, уподобляясь веку древних героев. Но и в современном рассказчику мире есть человек, отмеченный особыми качествами, - это сын Фалалея Мамант, необычайная мудрость которого была предсказана еще до его рождения. Таким образом, жизнь Фалалея ценна не только сама по себе, но и потому, что от него рождается новый герой. Конечно, отцовство Фалалея имеет в рассказе не только буквальное, но и более универсальное, метафорическое значение. Пожалуй, именно оно и объединяет в Фалалее свойства героя архаического фольклора и героя житейного. Многие ситуации действия: непохожесть героя в детстве на других, его прилежание в учебе и равнодушие к детским играм, необычная, особенная неуязвимость и мотивация этого свойства божественным покровительством (Христов мальчик, - говорят бабы, удивляясь, что восьмилетний мальчик в мороз, "когда вороны падают на лету", преодолел волок в двадцать верст и не замерз), чудесное предсказание ("Знай, один из сыновей твоих будет мудрецом и восхвалит, и вознесет отца своего и мать свою"), подвижничество героя - его "жизнь среди

икон", испытание стойкости его духа жизненными невзгодами, рассказ о последних днях Фалалея, его смерти и в заключении - похвала ему - напоминают постоянно присутствующие и в житиях, и народном эпосе сюжетные мотивы. Однако в своем конкретном содержательном и смысловом наполнении они воспринимаются именно как житийные. Так, наставничество Фалалея не только в жизни ("Водки не пейте братцы, о брюхе думайте меньше, брюхо не решето, не видно, что положено. Дома сидите, в Питер не ходите. "Питер все бока вытер", - говаривали мне старые люди"), но и в вере ("О душе думайте, мы гости здесь, в этом мире") иначе как чертой житийного героя не назовешь.

Наделение Фалалея наилучшими, образцовыми человеческими добродетелями, носителем которых в представлении автора и является житийный герой, призвано выразить в рассказе авторское отношение к герою, отношение сына к отцу, ученика к наставнику.

Кроме того, рассказ стилистически близок житию. Прежде всего следует отметить адекватно выраженное в "Жизни Фалалея" коренное свойство поэтики жития, заключающееся в том, что нравственный принцип, нравственное отношение автора к герою становится принципом стилистическим. Отсюда повышенная эмоциональность, экспрессивность речи повествующего, особенно в местах риторических: при уничтожении автором своих литературных способностей ("Отчего я, бездомный странник, все дни лью слезы и не умею тронуть сердце человеческое моими бытописаниями и мечтами. Искусство не подвластно мне! О горе, о горе!), обосновывая необходимость рассказать о жизни героя (Скажут: ничего великого не сделал он, зачем же описывать его жизнь. Был мудр он и честен, и образ его привлекает душу мою... Нигде.., никто не скажет о нем ни единого дурного слова. Это ли мало значит?"), возвеличивая его подвиги ("И жизнь Фалалея протекла... озаренная каким-то сиянием... Вся мудрость древняя и новая вылилась под пальцами Фалалея в светоносные образы, врезающиеся в душу жизненностью своей... О искусство! Твои тайны постиг Фалалей!"), скорбя о кончине героя и утешаясь обретением Вечности ("Как великий пожар медленно угасает, когда загорится дремучий лес севера.., так медлительно ослабевали силы резчика... Но и это ничего, люди угасают на земле только для того, чтобы искры их духа снова зажглись на иных мирах, и Фалалей это знал, будучи религиозным"). Таким образом, о жизни героя не просто рассказывается, а она как бы переживается повествующим лицом.

Представляется, что именно житийный жанр и, возможно, его северно-русская традиция, которой не чуждо "изображение быта, человеческого характера, природы"⁶(Ср. северно-русскую икону), и с которой, конечно, был знаком К.Ф.Жаков, проведший в 1892 году пять месяцев в Заозерской пустыни недалеко от Вологды, оказался той формулой мира, которая наиболее адекватно могла воплотить столь важное для автора в рассказе "Жизнь Фалалея" единство мироощущения отца - героя и сына - его биографа.

***

1. Буланин Д.М. Жития святых // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987, С. 108.
2. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994. С.17.
3. Здесь и далее цит. по: Жаков К.Ф. Жизнь Фалалея. // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С.48-70.
4. Флоренский П.А. Иконостас. М., 1995. С.67.
5. Там же. С.67.
6. Дмитриев Л.А. Жанр северно-русских житий // История жанров в русской литературе X - XVII вв. ТОДРЛ. XXVII. Л., 1972. С.262.

СЕМАНТИКА САДА В ЛИРИКЕ КОМИ 1920-30-Х ГОДОВ

Остапова Е.В.

Сыктывкарский университет

Вхождение образа сада в финно-угорские литературы можно датировать эпохой послереволюционного строительства государственности, с которой связывается и период зарождения самостоятельных литератур во вновь образованных республиках. Несомненно, проявляется много общего в начале пути "сада", в котором отражается не столько мироощущение "лесного" человека либо человека "от земли" в период социальных преобразований, сколько восприятие новой жизни как стремление к раскрепощению, свободе, к счастью наиболее образованной части народа, мнение которого часто выражало официальную точку зрения на происходящие события в стране и в мире.

Сады воспеваются основоположниками национальных литератур И.П.Кривошеевым в мордовской поэзии, удмуртским поэтом Кузебаем Гердом, коми-пермяцким поэтом М. Лихачевым. Начиная с 1920-х годов мотив сада является неотъемлемой частью коми лирики и участвует чаще всего в развитии тем пробуждения природы и человека, режестивии и любовного свидания, уединённых мечтаний, ностальгических воспоминаний детства. В разные периоды литературной жизни доминировало то или иное проявление рассматриваемого образа, выходили на арену литературной жизни либо скрывались определённые его черты.

Основополагающими, оказавшими значительное влияние на развитие темы сада в мировой литературе, считаются фрагменты о садах в творчестве античного поэта Вергилия. "Корикийский старик" и его сад остаются постоянной дискуссионной темой. В русской культуре и литературе образ **сад** занимает особое место. Уже в Древней Руси его образ постоянен в православных хвалебных жанрах, гимнографии, раскрывается новыми гранями в эпоху Сентиментализма, Романтизма, Реализма. На смену знаменитому, полному драматизма и ощущения конца, восклицанию героя "Вишнёвого сада" А.П.Чехова: "Вся Россия -

наш сад!", прозвучавшему на рубеже веков, приходят мажорные, с верой в будущее, послереволюционные слова В.Маяковского: "Здесь будет город-сад!".

В современных исследованиях ведётся активный поиск семантики образа сада в мировой и отечественной литературе. Д.С.Лихачёв отмечает два типа семантики сада. Первый тип может быть почти адекватно выражен или объяснён словами. Это различные аллегории, символы определённых понятий, событий, людей, богов. Второй тип значения - это общее примыкание элементов садового искусства к тому или иному понятийно-стилистическому строю" (Д.С.Лихачёв, С.9). Т.В.Цивьян отмечает, что "в понятие сада прежде всего входит его принадлежность к сфере культуры... Сад олицетворяет категорию искусства в его целостности, как потребность в создании эстетических ценностей" (Цивьян Т.В. С. 141, 146). В работе М.Ф. Мурьянова приводится следующее его толкование: "Сад является символом рая, символом душевных состояний, соответствующих жизни в раю... И даже сейчас, когда в структуре сознания нового человека нет места ни верованиям, ни знанию о былых верованиях, древнее слово способно задевать какие-то струны подсознания" (М.Ф.Мурьянов, С.219).

Исследуя поэтику образа сада в лирике коми 1920-30-х годов, необходимо отметить, что можно привести лишь несколько примеров (в последнем трёхтомнике коми народных песен мы нашли три) упоминания сада в позднем песенном фольклоре коми. Садоводческая культура у коми слабо развита, в отличие, скажем, от южных соседей финно-угров (удмуртов, мари, мордвы), сад состоит из специально посаженных растений, требующих особого ухода и надзора. В историю коми литературы "сад" входит с творчеством К.Ф. Жакова, где этот образ употреблён в символическом контексте. Возможно, эти обстоятельства диктуют исключение его из прозы и драматургии коми, появление и долгую жизнь в лирических произведениях, где он отсутствует как реальия и приобретает чётко очерченный символический оттенок,

В начале 1920-х годов слово "сад" встречается в стихотворениях Виктора Савина "Гажа сад" ("Весёлый сад") и Вениамина Чисталёва "Веж, гажа сад" ("Зелёный, весёлый сад"). В обоих стихотворениях устами детей рассказывается о кипучей трудовой жизни в весёлом, полном счастья, детском саду. Центральным здесь является мотив преобразования жизни:

*Ми, гажа войтыр, песни йоз,
Бур пуктам асьным сад.*

*Мы, весёлый народ, маленькие люди,
Хороший посадим сад.*

В. Чисталёв.

Детство-сад отождествляется с лесом, которому расти и крепнуть для будущего. С первых же произведений ярко выделяется и в дальнейшем становится центральным мотив преобразования жизни. Образ сада входит в 1930-е годы в лирику молодого поколения поэтов - А.

Размыслова, Н.Фролова, В.Елькина - где он утверждается в основном как носитель особого весеннего настроения и приподнятого душевного состояния, вызванного веяниями меняющейся эпохи. Эпоха борьбы старого и нового позволяет смешивать давние фольклорные традиции и романтическое, классическое наследие русской литературы с реалистическими установками современности.

В образе сада получает развитие мотив любовного свидания. Особенное положение он занимает в творчестве Анания Размыслова.

Сад - место, где происходит встреча влюблённых:

*Гажа сад йорын августя рытын
Тэно аддзёллі, сьёлэмшор ныв.*

"Нывлы письмо"

*В весёлом саду августовским вечером
Тебя увидел, моя любимая.*

"Письмо девушке"

Сад соперживает любящим сердцам:

*Ськод шувгё отлаын
Йшинювса сад...
Милой дінэ ветлыны
Волі эськё рад.*

"Бушков"

*Вместе с ней шумит
За окошком сад,
Встретиться с милой
Был бы очень рад.*

"Пурга"

Сад - выразитель особого душевного состояния влюблённого:

*Югыд тулыслон кад -
Здукон веждё сад.*

"Воліс ар..."

*Светлое весеннее время -
Мгновенно зеленеет сад.*

"Приходила осень..."

Но всё же связь "любви" и "сада" остаётся до конца не раскрытой, в ней ощущается недосказанность. Скорее всего она находится в подчинении другой функции. **Сад** в этот период выступает как фон, на котором особенно явственно обновление природы и жизни человека, связанное с началом эстетического освоения мира. Он изображён в роли плодоносящей природы, где зреют малина, крупные плоды, как, например, в стихотворениях М.Лебедева "Ичот нывлөн сьыланкыв" ("Песня маленькой девочки") и В.Елькина "Мыла горон" ("Ласковым голосом").

*Гажа садйысь локті,
Которті ме оні.
Гордодёма, кисьмё
Чёскыд ёмидз эні.*

*Тувсов садйын
Дзоридзальсь розьяс,
Гырысь плодьяс
Быдмёны кон тыр.*

*Из красивого сада пришла,
Прибежала сейчас.
Покраснела, зреет
Там вкусная малина.*

М.Лебедев

*В весеннем саду
Цветущие гроздьи,
Крупными плодами
Переполненные.*

М.Елькин

Сад сам говорит своими природными звуками: "Сыко́д шувго́ отлайн
 (шинювса сад..." ("Шумит вместе с ним Сад под окном", А.Размыслов),
 "Тёпко́ войтва, лыддьо́ кад, Бордо́ лысвао́н льом сад" ("Звенит капель,
 считает время, Плачет росой черёмуховый сад", Н.Фролов), "Юрoбытлас
 медым гажа сад" ("Пусть громко зазвучит весёлый сад", М.Елькин). Но
 он не может высказаться до конца. "Сад нуждается в том, чтобы кто-то
 стал за него говорить"(Лихачёв Д.С.,С.23). В лирике коми это чаще всего
 птицы и реже - влюблённые.

Растительный мир сада в стихотворениях не разнообразен, но
 постоянен, в основном это берёза, реже - черёмуха и осина; у В.Елькина
 встречается сад с небывалыми цветами.

Исходя из таких примеров, видимо, нужно вести речь не только о
 пейзажном саде, который, отметим, не имеет чётких границ с
 окружающей сельской местностью, природой. Мы не найдём описания
 реального сада как замкнутого пространства с перечислением растений.
 Сад часто приобретает "планетарные" масштабы, включая в своё
 пространство всё человечество.

Разъявны

Став вольной му выв пасьта

Кутас энэж улын гажа сад.

Цвести

По всей свободной земле

Будет под небом прекрасный сад.

(А.Размыслов)

Ывла вылын тулыс,

Ывла вылын гогор быдмо сад.

На улице весна,

На улице повсюду растёт сад.

(В.Елькин)

Ми аддзам кельыдник корйысь

Сук лапта паськыд гажа сад.

Мы видим в бледной листве

Густой широкий прекрасный сад.

(Н.Фролов)

Образ сада, широкого, радующего, цветущего, повсеместного,
 переключается с мечтой молодого поколения 30-х о всеобщем счастье,
 это антитеза образу жизни в прошлом: бедности, узости пространства
 жизни.

Необходимо отметить, что "по структуре сад соотносим с мировым
 деревом (он может воплощаться в мировом дереве, он может быть его
 центром, пространственным и семантическим) и, следовательно, имеет
 трёхчленную вертикальную организацию" (Цивьян Т.В., С.146). В
 рассматриваемых произведениях образ сада представлен верхним и
 средним уровнями в поющих птицах или девушках, шумящих больших
 деревьях, нижний же уровень завуалирован либо вовсе исключён из
 поля зрения. В контексте временного рассмотрения структуры этого
 образа возможно предположение параллели нижний мир - прошлое, а
 средний и верхний, соответственно, настоящее и будущее. Прошлое в 30-
 е годы воспринимается как негативное, старое, вымирающее или уже

мёртвое. У наших авторов ему соответствуют такие образы, как кляча, сломанная телега (А.Размыслов), паутина, потемневший деревянный плуг (Н.Фролов).

С первых стихотворений постоянными эпитетами образа сада являются "веж, гажа" - "зелёный, весёлый, уютный". Их вариантами могут быть "дзордзалан" - "цветущий", "мича" - "красивый", "тувсов" - "весенний".

Т.В.Цивьян отмечает, что с античности основной "типологический" цвет сада - зелёный. Сквозными эпитетами в изображении природы в лирике коми также будут "свежий, зелёный, радостный", которые у В.Савина и В.Чисталёва нередко вынесены в названия произведения: "Веж видз вывті муна", "Тувсов вой", "Гажа сад", "Кõнкõ веж турун повст", "Сьывліс гажа колипкай", "Тувсовья", "Тувсов войын", "Веж, гажа лун".

Эти эпитеты раскрывают мировосприятие лирического героя, его отношение к социальным явлениям: "грездын гажа (радно в деревне), гажа гудок гы (радная волна гармон), гажа уджлõн шы (звук весёлой гармон), сиктса том йõзлõн гажа төв ныр (весёлый порыв сельской молодёжи), ставсьыс мем долыд и гажа (от всего мне хорошо и радно)".

Образы времени и сада с первых же стихотворений соединяются рифмой "кад - сад" (время - сад), которая становится формульной до конца рассматриваемого периода и, хотя реже, но используется поэтами наших дней, например, с 1940-х годов до современности она сохраняется в творчестве народного поэта Серафима Попова.

Такая тесная позиционная связь в стихе коми и русского слов возникает прежде всего благодаря близости их фонетического облика. Любопытно, что в 30-е годы в стихотворениях коми-пермяка М. Лихачёва не раз рифмуется "кад - посад (время - село)".

В поэзии коми рассматриваемого периода реализуются далеко не все возможности паронимического сближения со словом "сад". Например, в 1950-е годы появляется рифма "салдат-сад", "созиданье-садйõ" (С.Попов), в 1980-е - "сад-лад" (Е.Козлов). Углубление и расширение семантического поля слова "сад" происходило путём включения его в один ряд с близкозвучным с ним словом - эпитетом "**рад**", образовав новые рифмы "кад-рад", "сад-рад". Слово **кад** чаще стоит первым, тем самым как бы сначала называется главный образ, лишь затем он расширяется, наполняется новым содержанием. Ассоциативная связь образов времени и сада закрепляется рифмой и раскрывается эпитетом "рад".

Место образа сада в произведениях можно обозначить как промежуточное между природным, циклическим и человеческим, конечным, как связующее звено между реальностью и мечтой, настоящим и будущим. Это связь времён, утверждение идеала вечной жизни в её движении.

В лирике коми 20-30-х годов преимущественное значение получили те элементы сада (носителя жизнеощущения человека нового времени), которые отражают устремлённость вверх, в будущее - большие деревья, птицы; кипучую жизнь - пение птиц, шум листвы; идею распространения счастливой коллективной жизни для всех народов мира - размножение, разрастание сада до бесконечности, приобретающее масштабы вселенной. Главным же будет особое, приподнятое, переполненное счастьем восприятие лирическим героем жизни - сад зелёный, весёлый.

Вбирая в своё пространство главные черты изображения в фольклоре и мировой классической литературе, в послереволюционный период, с момента появления в литературе коми, образ **сада** становится одним из основных структурообразующих компонентов **образа времени**, символизирующим обновление жизни вообще.

Дальнейший путь "сада" на многие годы в художественной истории лирики коми был связан с именем народного поэта С.А.Попова. Одной из особенностей его творчества, как уже отмечалось в коми критике, является соединение героического пафоса, связанного с воспеванием боевых и трудовых подвигов, и удивительного лиризма. Возможно, в этом сказывается тесная духовная связь с поэзией 1930-х годов, временем начала творческого пути поэта. Восприятию лирическим героем послевоенной жизни характерна присущая довоенному поколению поэтов коми приподнятая тональность, уверенность в прекрасном будущем. Рифма "кад-сад" уже не играет значительной ритмообразующей роли, как это было в начале пути рассматриваемого образа. Слово "сад" либо не рифмуется, либо "уходит" с конца в начало и середину стиха. В стихотворениях С.Попова образ сада несколько меняет своё внутреннее содержание.

Образ сада выступает в основном в двух ипостасях. **Сад** - созидательное начало в жизни человека и общества:

Виль выньяс чӧжӧ

Миян сӧвмысь сад,

А сьёлом зэвтчӧ

Босьтчаны виль уджӧ.

"Мед шондӧ дзѐбсис"

Новые силы набирает

Наш зреющий сад

А сердце стремится

К новому труду.

"Пусть солнце скрылось"

Узьны оз позь татшӧм вежалӧм кадӧ,

Сьёломӧн пыр эськӧ ытшкыны-гӧрны...

Мыйла нӧ му вылад, ӧтувья садъяд,

Войтырыс чой-вок моз овны оз торны

"Асья нюм"

Петан кӧ тэ тайӧ тышысь ловйӧн,

Аддзан, кыдзи сувтӧс сотчӧм сад.

"Ананий Размыслов"

Сад - природа, близко окружающая человека, нередко показывающая чувства грусти и скорби в изображении опущенных до земли рук (что соответствует изображению скорби в довоенном и послевоенном искусстве). Тем самым в образе сада проявляются женские черты, по замечанию Мурьянова, изначально присущие "саду".

*Пета аслам ёшинювса садё
Лэбачьяслы уна сия пёв.
«Помнита ме ичётдырся кадёс*

*Аддза, шогсян и тэ, менам сад,
Ассьыд киястё му бердё ёшин.
"Арся мотивьяс"*

*Веж кияс увлань лэдзис сад
Да ёшинь улын чёла узьё.
"Руа асыв"*

*Вижу, грустишь и ты, мой сад,
Свои руки к земле опустив.
"Осенние мотивы"*

*Зеленые руки вниз опустив
Тихо спит под окном сад.
"Туманное утро"*

Все реже сад определяется эпитетами "радостный", "зеленый", "весенний", "цветущий". Начиная с 1940-х годов с расширением географии событий в жизни поэта, связанных с дорогами войны, образ сада обогащается новыми эпитетами: "муса (милый), паськыд корья (широколистый), лунвывса (южный), тшёкыд (густой, частый), кылпёдчысь (растущий), выль (новый), маслиновёй, гёлиник (бедненький)... Частыми становятся эпитеты принадлежности, приобретая более личностный характер: мян (наш), ётувьё (общий), менам (мой), ёшинювса (за окном). Постепенно "сад" в лирике С.Попова перестает быть спутником мотива любви. Но именно их связь становится главным в обращениях к теме сада в произведениях поэтов 1980-х Е. Козлова и А. Некрасова. Сад - это целый мир вне и внутри лирической героини. Сады - места в путешествиях ее по апрельскому парку (1969 г.) - "не обнаженному-опустошенному", по "окраине Тбилиси", по "Лахемаа - земле замков", по "Певческому полю в Таллине" (1994).

Образ сада, выраженный в стихотворении "На Вашке" как запас зимнего моря и влажных кипарисов, и яблонь, и груш, и вишен - в их предвесеннем томлении", настагает героиню на Вашке, на деревенской улице, на перекрестке трех дорог, посреди тайги... И уничтожает расстояния между отдаленными географическими точками земного пространства. Сад в поэзии Г.Бутыревой многоуровневый. Высший уровень - звездное небо - "райские кущи", далее сад или парк с плодовыми деревьями, далее - маленькая клумба с маками и даже стриженный газон. Сад определяется как "не совсем обыкновенный", "чудесный". Он может быть и не

назван, но изображение пейзажа, зеленого либо небесного, например с "фантастическими деревьями - созвездиями и звездами, как перезревшими грушами", подразумевает его образ как подчеркнuto мифологичный, поскольку он и есть мифологическая картина мира. В этом контексте "Старый Георгий, хозяин сада" в стихотворении "На окраине Тбилиси" соотносим со сторожем садов Приапом, образом корикорийского старика Вергилия. А концентрация, сведение воедино различных деревьев, названных женскими именами различных национальностей: Нана, Юлле, Зинаида Филипповна, Галина, может обозначить место сада как центра мира, сводящего различные направления пространства в одну точку. Вся вселенная в образе сада - сердце лирической героини поэтессы:

*Но наши сердца,
как те цветы на маленьком кустике
в уголочке сада...*

В лирике коми поэтессы Г.Бутыревой образ сада проявляется как ассоциативная связь миров, осознание которой пропущено через душу. Таким образом, в центре мира - сада - оказывается сама лирическая героиня.

Очерчивая траекторию пути "сада" в лирике коми, можно сделать следующие предварительные обобщения.

Основное условие возникновения, а в данном случае заимствования и своеобразного преломления образа сада в литературе коми - начало эстетического усвоения меняющегося мироустройства. В его содержании проявляются изначально присущие этому образу главные черты: мифологичность, связь с женским началом. Но в различные эпохи художественной истории лирики коми образ сада менял свои функции, структуру, следовательно, наполнялся новым содержанием.

Так, в изображении сада как модели мира в 1920-30-е годы внимание уделялось верхнему (образы птиц) и среднему уровням (лирический герой).

В лирике С.Попова "сад" создается приемом олицетворения и на передний план выходит средний уровень - жизнь человека, прошедшего войну, создателя истории. В лирике Г.Бутыревой явна многоступенчатость "сада", который приобретает высоту, достигаемую лишь человеческим воображением, и глубину, соотносимую с глубинами души и сердца человека. Мифологический центр такого сада легко перекодируется в духовную ценность.

В 1920-е годы в функцию образа сада входило воспевание веселой и трудовой жизни детей в новом обществе. В 1930-е годы этот образ являлся одним из основных структурообразующих компонентов изображения меняющейся эпохи, символизировал

обновление жизни вообще; в послевоенные годы изображение сада все более приближается к образу отдельного человека, "сад" начинает соотноситься с внутренним миром лирического героя.

В связи с этим наблюдаются перемены в средствах его изображения. В 30-е годы тема сада вводится в подчеркнуто необязательном, модальном аспекте, хотя многократное упоминание о нем как бы маркирует "сад" как самостоятельную словарную единицу в поэзии коми.

Наряду с использованием формульных эпитетов "радостный, зеленый" образ сада обогащается другими, более лично передающими впечатления. В большинстве случаев рифма "кад-сад" сохраняется, но она приобретает другой смысл; если в 30-е годы в данном случае под временем больше имеется в виду эпохальное и человеческое время, то в 1960-е годы подразумевается время природное.

Изображение реального сада с названиями растений и деревьев возникает лишь в русскоязычной поэзии Г.Бутыревой. Связанный с образом сада мотив любви не получает должного развития в лирике коми.

В большинстве примеров стихотворений коми изображение сада сродни изображениям природы, но при этом подразумевается особенная ее чистота, возвышенность, несущая радость и чувство прекрасного. Несомненно, сад в коми лирике - символ особых душевных состояний человека, отражающий представление о жизни прекрасной, счастливой, часто неземной, но на земле, среди людей.

***

Виктор Савин. Борйом гижодъяс. Сыктывкар, 1956.

Елькин В. Борйом гижодъяс. Сыктывкар, 1948.

Размыслов А. Медводдза любовь. Сыктывкар, 1990.

Тима Вень. Менам гора тулыс. Сыктывкар, 1980.

Фролов Н. Эжва дорын. Сыктывкар, 1985.

1. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л: Наука, 1982.
2. Мурыянов М. Ф. К структуре образа пушкинской Татьяны // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М: Наука, 1982. С. 213-222.
3. Цивьян Т.В. Yerg. Georg. 1y.116-145: К мифологеме сада // Текст: семантика и структура. М: Наука. 1983. С.140-152.

ПРАКУЛЬТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИСКУССТВЕ РК XX ВЕКА КАК ФАКТОР МОБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

*Котылева И.Н.
Национальный музей РК*

Этнические процессы определяются рядом различных факторов и условий. Классификация последних и рассмотрение механизма их взаимодействия на этнические процессы в республике уже неоднократно рассматривались исследователями, в тоже время есть ряд направлений, которые требуют дополнительного изучения.

Одним из важных факторов мобилизации этнического самосознания является развитие национальной культуры. В XX веке особая роль в данном процессе отводится культуре профессиональной (литература, театр, книгоиздание, изобразительное искусство, средства массовой информации и т.д.), т.к. процесс урбанизации неизбежно разрушает традиционную культуру. При этом важно отметить, что в сфере современной духовной культуры прослеживаются две тенденции: развитие духовной культуры в национальных формах, с одной стороны, и ее все большая интернационализация – с другой.

Отдавая должное развитию профессионального искусства в Коми в целом, представляется, что на сегодняшний день актуально обозначить и рассмотреть направление в изобразительном искусстве, которое обращается к тем или иным формам традиционной культуры. Анализируя результаты социологических исследований, проведенных в Республике Коми в 1990-е гг., обращают внимание на тот факт, что в определенной степени в этническом самосознании русских и коми традиционно-культурные особенности продолжают выполнять функцию одного из самых значимых этнических признаков. Условно обозначенное направление можно обозначить как пракультурное. При этом надо иметь в виду, что существуют различные ориентиры при аккумуляции наследия национальной культуры. Можно выделить следующие:

- узконациональный, т.е. ориентация на наследие определенного народа;
- региональный (народы республики, народы севера и т.д.);
- родственно-национальный.

Обретение национальной тематикой в искусстве XX века особого статуса связано, с одной стороны, с тем фактом, что культура общества модернизированного все активнее обращается к наследию общества традиционного, т.е. общества, культура которого характеризуется ориентацией на сакральные и сверхценные идеи, на наследие предков, т.е. того, чего так не хватает обществу индустриальному. Анализу этой проблемы посвящен целый ряд исследований как зарубежных, так и отечественных авторов. С другой стороны, это связано (в рамках обозначенной темы выступления более верно говорить, что "взаимосвязано") с тенденциями в обществе по отношению к

национальному вопросу, но данной проблеме посвящено гораздо меньше исследований.

Анализируя развитие профессионального искусства Республики Коми с момента его зарождения (говорить о существовании профессионального искусства в республике можно только с 1930-х, в 1943г. был организован Союз художников) и до конца 90-х годов, можно отметить, что интерес к традиционной культуре как вдохновляющему первоначально проявился у коми художников только с середины 50-х годов и интерес этот был связан в первую очередь с культурой народа коми.

Правда, надо отметить, что в 1928 г. В.В.Поляков, признанный основоположник графики в Коми, иллюстрировал карело-финский эпос "Калевала". Сам по себе этот факт примечательный, но, к сожалению, эта работа была и остается мало известной для исследователей и для жителей республики.

Первым ввел национальную тему в современное искусство коми Василий Георгиевич Игнатов. В середине 50-х годов Василий Георгиевич сделал ряд работ на фольклорную тематику. Симптоматично, что национальная тема в изобразительном искусстве республики получает четкое обозначение именно в 50-е годы. Исследователи отмечают, что в 1950-е годы русские стали доминировать во всех сферах жизнедеятельности, а коми из численно доминирующего этноса превратились в национальное меньшинство.

Все листы Игнатова выполнены в декоративной манере, но одновременно с детальным представлением традиционного костюма и быта коми. Специфичную художественную манеру художника можно рассматривать как попытку уйти от официально обозначенных эстетических норм "соцарта", что имеет особое значение, когда мы рассматриваем развитие искусства республики в исторической перспективе. Критики современного искусства видят одно из противопоставлений "соцарту" в "нацарте", имеющем особую художественную пластику и завязанном тугим узлом вокруг национальной идеи.

Особенно большое количество работ по коми легендам и сказкам В.Игнатовым было создано в 60-е и 70-е годы. В 1969 он работает над серией «Легенды о Пере богатыре», в 1970-е появляется серия «Легенды о Корт-Айке», в 1972 – серия «О богатыре Иркапе», 1978 – листы, объединенные под названием «Коми легенды и сказания». Немаловажно, что в первую очередь Игнатов обратился к легендам о героях и создал на эту тему с конца 50-х и до конца 70-х более сотни гуашевых листов. Наш взгляд, тот факт, что В.Г.Игнатов так плодотворно работал в эти годы над сериями о легендарных героях, способствовал не только формированию нового тематического направления в коми искусстве, но и содействовало возрождению образа национального героя, что имеет особое значение для мобилизации этнической солидарности.

В этом плане знаменательным событием для всей республики стала постановка в 1962 году на сцене республиканского музыкального театра

балета "Яг-морт", либретто которого было написано на основе коми сказки о красавице Райде и Тугане. В.Г.Игнатов работал над балетом как художник-постановщик. В балете емко раскрывается героическая тема, и, к сожалению, надо отметить, что пока эта тема не получила должного развития на сцене коми театра.

Символично, что с темы легендарного героя начал свой творческий путь и другой коми художник – график Аркадий Васильевич Мошев. В 1967 г. на зональной выставке "Советский север – 2" Аркадий Васильевич представил иллюстрации к сборнику коми-пермяцких сказок "Пера-богатырь". На протяжении 70-х и 80-х годов Мошев постоянно работает над иллюстрированием изданий фольклора финно-угорских народов и для детей (говоря об этнической мобилизации современного общества, вопрос о активном введении подрастающего поколения в данный процесс всегда выделяют особо), и для взрослых. Издательская деятельность – это еще одно из значимых факторов в мобилизации национального самосознания, который пока еще мало рассмотрен исследователями.

С конца 60-х по конец 80-х гг. целый ряд живописцев – А.А.Куликова, Е.Ф.Ермолина, В.М.Куликов, А. Е. Русских - активно обращаются в своем творчестве к наследию традиционной культуры коми-зырян, но их интересует в большей степени предметный мир коми деревни. Художники этого круга как бы стремятся запечатлеть уходящую народную культуру коми. Видимо, данный факт будет осмыслен уже в XXI в. Характерно, что художники этого круга работают в реалистической манере.

Немаловажно, что в 70-80-е годы появляется целый ряд работ коми художников, посвященных традиционной культуре русских старообрядцев, проживающих в Коми (серии Р.Н.Ермолина, Т.Васильевой и др.). Представление в современной художественной культуре одного региона традиций разных народов способствует обогащению национального самосознания каждого народа. В этом контексте особо следует выделить работы С.А.Торлопова 60-х годов, представляющих культуру ненцев. В первую очередь работу надо отметить полотна "Новая паница" (1968) и "Ненецкие куклы"(1964). Представляя в картинах колорит быта ненцев, художник, благодаря высоте художественного воплощения, в обыденном "высвечивает" сакральное.

Если в 70-80 годы художники больше внимания уделяли предметному миру и фольклору (неслучайно в это время наблюдается и расцвет профессионального декоративно-прикладного искусства, которое выстраивается на основе народного), то в 90-е годы появляется новая тенденция. Художники нового поколения - И.Федосова, П.Микушев, А.Тимушев, Ю.Лисовский и ряд других - обращаясь к наследию финно-угорских народов, большое внимание уделяют знакам и символам древних культур и мифологии. Придерживаясь теории об информационной ценности знака, они в своих работах, будь то живописное полотно, батик или графический лист, обыгрывают в разных

вариантах древние символы, активно вводят в современную культуру артефакты, образы и миропонимание культур предшествующих поколений. Сами художники определяют направление, в котором они работают, как "этнофутуризм".

Примечательно, что художники этнофутуристического направления, в отличие от художников 70-80 годов, обращаются не только к местной традиционной культуре. Они декларируют, что основа их творчества - вся финно-угорская культура (прежде всего имеется в виду мифология, как праоснова всей традиционной культуры).

В этом плане показательно полотно Павла Микушева «На охоту», которое вместе с работами Ю.Лисовского, И.Федосовой, А.Тимушева, В.Осташевой будет представлено на выставке в Хельсинки "Ugriculther" с 6 по 9 мая 2000 г. Само участие художников из Коми в международном проекте, акцентирующем внимание именно на современную этнокультуру, следует рассматривать как знаменательное событие именно с точки зрения мобилизации национального самосознания.

Композиционное строение работы «На охоту» как бы воссоздает архаическую структуру миропонимания. Нижний мир – мир различных хтонических существ, верхний мир – мир птиц и божеств. Место человека - между верхними и нижними мирами. Примечательно, что картина (картина мира) выстроена художником таким образом, что представленный мир предстает как бесконечный в своем протяжении (от прошлого к будущему?) и река (жизнь!), по которой плывут в своей лодке люди-лоси, не имеет ни начала, ни конца. Охота из земной, обыденной перерастает в охоту сакральную. Через цветовое и композиционное решение П.Микушев воплощает всю сложность и мудрость понимания прапредками предназначения человека для мира и мира для человека. Особо значимо, что своей работой Микушев обозначает очень важную для современного общества тему взаимосвязи культур древних и современных. Говоря о национальном самосознании на современном этапе, эта тема имеет особое значение.

Творчество художников этнофутуристического направления помогает людям XX века осознать, что есть преемственность между культурами древними и современными, что эта преемственность очень важна для каждого персонально и для общества в целом. Знаменательно, что многие художники этого направления занимаются педагогической деятельностью, уделяя особое внимание в работе с детьми национальной тематике. При этом художники-педагоги не только стремятся заинтересовать детей темой, но и помогают найти им их собственный путь в осмыслении мифа, легенд, героев. Вполне закономерно, что учащиеся, которые занимаются под руководством П.Микушева и И.Федосовой стали лауреатами международных конкурсов детского рисунка финно-угорских стран по темам «Финно-угорская мифология» (Сыктывкар, 1997 г.) и «Героический эпос финно-угорских народов» (Сыктывкар, 1999 г.) Особую значимость в направлении этнопедагогики имеет программа И.Федосовой, которая предполагает через искусство и

через обращение к архаической символике помочь детям в решении психологических проблем.

Подводя итоги, хочется еще раз обратить внимание на то, что направление в художественной культуре республики, которое можно обозначить как "пракультурное", программно не сформулировано, но представлено емко и разнообразно и взаимосвязано с этническим самосознанием. Рассматривая пракультурное направление как единый процесс, можно выделить в нем несколько этапов, каждый из которых имеет свою специфику. Изменение тенденций в направлении напрямую взаимосвязано с социокультурными и политическими процессами в стране и республике.

Не случайно, что пракультурное направление появляется в конце 50-х годов. После длительного периода политизированного искусства традиционная культура стала благодатной основой для творческих поисков художников. Происходят изменения в этническом самосознании и национальной политике, и именно на этом этапе культура выступает как важный фактор этнической мобилизации. Народное искусство было выходом за рамки идеологизированного соцреализма, но уже с 70-х годов произведения на национальную тему (зачастую высокого художественного уровня) активно ангажировались идеологами для иллюстрации достижений в национальной политике. Нельзя однозначно оценивать данное явление, но важно, что произведения, созданные в эти годы, отражают общую этнокультурную ситуацию, что значимо уже само по себе. Для многих народов России 90-е годы стали годами национального возрождения. Традиционная культура – это та первоначальная основа, на которую опирается национальное чувство. Обычно в такие периоды в профессиональном искусстве (в изобразительном искусстве, в театре, в музыке) национальная тема обретает особое звучание. Данное явление наблюдается и в художественной культуре Республики Коми. Немаловажно, что в конце XX века традиционная культура продолжает свое развитие в изобразительном искусстве коми уже в современных пластических формах и активно участвует в развитии этнического самосознания.

Содержание

Пахорукова В.В. Ф.Г.Тараканов – писатель и политик	3
Попов А.А., Нестерова Н.А. Концептуальные основы государственной национальной политики РК (конец 1980-х – 90-е годы)	6
Рожкин Е.Н. Этнополитический фактор федерализма	12
Шабаев В.М. Особенности этнической и гражданской идентификации коми и коми-пермяков	15
Пешкова В.М. Этноязыковая ситуация в Республике коми (1990-е гг.)	21
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые идеи государственного строительства в Коми крае	27
Напалков А.Д., Сметанин А.Ф. Конституция Коми АССР 1937 г. – важный этап в национально-государственном строительстве республики	33
Нестерова Н.А. Государственная национальная политика в Республике Коми в конце XX века: от кризиса к подъему	45
Попов А.А. Модели автономного развития Республики Коми в составе Российской Федерации в XX веке	46
Золотарев О.В. Советская власть и церковь в Коми Автономии (1918 – 50гг.)	47
Бондаренко О.Е. Выпускники учебных заведений Петербурга в Коми крае (кон.19 – нач. 20 вв.)	56
Рощевская Л.П. Организатор научных исследований на Европейском Севере А.И.Толмачев	60

Афанасьева Н.Л.

Политика центральных и местных органов власти
по созданию и развитию нефтегазового комплекса
Республики Коми (20-80-е гг.) 72

Чупров В.И.

Сельскохозяйственное производство в коми деревне
в нач. XX века (1900-1917 гг.). 74

Малкова Т.А.

Отраслевая наука в Республике Коми (1917-90 гг.) 80

Елькин А.Ю.

Транспортные проекты освоения Европейского Севера
России в нач. XX в. (по материалам Известий АОИРС) 88

Рогачев М.Б.

Статистические материалы по осужденным по политическим
мотивам Коми АО (Коми АССР) 91

Беляева С.А.

По ту сторону барьера: Деятельность репрессированных
художников в Коми АССР в 1940-50-е годы 96

Косова Л.А.

Совесь общества 90-х годов (Коми-пермяцкая
литература 1990-х годов) 101

Лимерова В.А.

Жанр и авторская оценка
в рассказе К.Ф.Жакова "Жизнь Фалалея" 104

Остапова Е.

Семантика сада в лирике коми 1920-1990-х годов 108

Котылева И.Н.

Пракультурное направление в искусстве РК XX века
как фактор мобилизации национального самосознания 117

Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г.Тараканова

Сборник докладов и сообщений

Редактор Л.В. Гудырева
Макет М.А. Ильиной.

Лицензия ЛР № 020283 от 25.02.1998.

Подписано в печать 28.02.2000. Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 7,8.

Усл. п.л. 7,2. Заказ № 29.

Тираж 150 экз.

ИПО СГУ

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55